

ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЕВРАЗИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ

Научный журнал
№ 3, 2025

Издается с 2017 г. Периодичность: с 2018 года 4 номера в год. Индексируется в РИНЦ.

Настоящий научный журнал представляет материалы, освещающие актуальные вопросы общего языкознания, переводоведения, социо- и психолингвистики, функциональной грамматики, когнитивной лингвистики, дискурсологии, русской литературы, литературы народов РФ, зарубежной литературы, лингводидактики, педагогики. Материалы предназначены для широкого круга специалистов в области филологии и педагогики. Статьи рецензируются. Перепечатка без разрешения редакции запрещена, ссылки на журнал при цитировании обязательны.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Шустова Светлана Викторовна – главный редактор, доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Аверина Анна Викторовна – заместитель главного редактора, доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский государственный областной университет)

Андросова Светлана Викторовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Благовещенск, Амурский государственный университет)

Арустамова Анна Альбертовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Балакин Сергей Владимирович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Екатеринбург, Уральский государственный университет путей сообщения)

Белобородова Ниля Сабитовна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Бирск, Башкирский государственный университет (Бирский филиал))

Братухин Александр Юрьевич – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Бурдина Светлана Викторовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Горбунова Наталья Владимировна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Ялта, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского)

Гордиенко Татьяна Петровна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Симферополь, Крымский индустриально-педагогический университет им. Ф. Якубова)

Дворцова Наталья Петровна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Тюмень, Тюменский государственный университет)

Евсеева Ирина Владимировна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Красноярск, Сибирский федеральный университет)

Елшанский Сергей Петрович – доктор психологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский экономический институт)

Зеленина Тамара Ивановна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет)

Игна Ольга Николаевна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Томск, Томский государственный педагогический университет)

Иоселиани Аза Давидовна – доктор философских наук, профессор (Россия, г. Москва, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации)

Каплявик Кира Юрьевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Российский университет дружбы народов)

Комарова Юлия Александровна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Санкт-Петербург, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

Кондаков Борис Вадимович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Коптева Наталия Васильевна – доктор психологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет)

Костева Виктория Михайловна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Российский государственный гуманитарный университет)

Кошкарлова Наталья Николаевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Челябинск, Южно-Уральский государственный (национальный исследовательский) университет)

Маркова Татьяна Николаевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Челябинск, Южно-Уральский государственный педагогический университет)

Меньшакова Надежда Николаевна – кандидат филологических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Онина Софья Владимировна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Ханты-Мансийск, Югорский государственный университет)

Ореховская Наталья Анатольевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации)

Поздеев Вячеслав Алексеевич – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Сыктывкар, Федеральный исследовательский центр Коми, научного центра Уральского отделения РАН)

Потанина Наталия Леонидовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Тамбов, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина)

Прокофьева Лариса Петровна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Саратов, Саратовский государственный медицинский университет им. В. И. Разумовского)

Проскурнин Борис Михайлович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Пузанкова Елена Николаевна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московская международная академия)

Резанович Ирина Викторовна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Воронеж, Воронежский государственный педагогический университет)

Роготнев Илья Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Семененко Наталия Николаевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Белгород, Старый Оскол, Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Сидорова Ольга Григорьевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Екатеринбург, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина)

Сыромятников Олег Иванович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Сюткина Надежда Павловна – кандидат филологических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Трофимова Нелли Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет)

Файзиева Галина Владимировна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Астрахань, Астраханский государственный университет)

Фельде Ольга Викторовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Красноярск, Сибирский федеральный университет)

Фетисов Александр Сергеевич – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Воронеж, Воронежский государственный педагогический университет)

Хабибуллина Лилия Фуатовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет)

Чернобров Алексей Александрович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Новосибирск, Новосибирский государственный медицинский университет)

Чугунов Дмитрий Александрович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Воронеж, Воронежский государственный университет)

Шараков Сергей Леонидович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Старая Русса, Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, Дом-музей Ф. М. Достоевского)

Шачкова Эльвира Вадимовна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Ялта, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского)

Шипова Ирина Алексеевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский педагогический государственный университет)

Шумилова Елена Аркадьевна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Краснодар, Кубанский государственный университет)

Юсупова Ляля Гайнулловна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Екатеринбург, Уральский государственный горный университет)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Гао Чуньюй – профессор (Китай, округ Цицикар, Цицикарский университет)

Ивашкевич Ирина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент (Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный университет)

Ли Ифан – кандидат филологических наук (Россия, г. Благовещенск, Амурский государственный университет)

Нагзибекова Мехриниссо Бозоровна – доктор филологических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)

Нижнева Наталья Николаевна – доктор педагогических наук, профессор (Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный университет)

Рузиева Лола Талибовна – доктор филологических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)

Ходжиматова Гулчехра Масаидовна – доктор педагогических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)

Чжан Цзяньвэнь – кандидат филологических наук (Китай, г. Хэйхэ, Хэйхэйский университет)

Чэнь Шуан – кандидат педагогических наук, профессор (Китай, г. Цзинань, Шаньдунский Женский университет)

Ши Хуншэн (Shi Hongsheng) – профессор (Китай, г. Хэфэй, Научно-исследовательский институт зарубежного страноведения и регионоведения Аньхойского университета, директор Центра по изучению России Аньхойского университета)

Ши Шаньшань – кандидат филологических наук, доцент (Китай, г. Шихэцзы, Институт иностранных языков Университета в Шихэцзы)

Ширнинова Римма Хакимовна – доктор филологических наук, профессор (Узбекистан, г. Ташкент, Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека)

Яхьяпур Марзие – кандидат филологических наук, профессор (Иран, г. Тегеран, Тегеранский университет)

PERM STATE UNIVERSITY

EURASIAN HUMANITARIAN JOURNAL**SCIENTIFIC JOURNAL
No. 3, 2025**

Published since 2017 Frequency: since 2018, 4 issues per year. Indexed in the RSCI.

The journal contains materials covering current issues of general linguistics, translation studies, sociolinguistics, psycholinguistics, functional grammar, cognitive linguistics, discourse, Russian literature, the literature of the peoples of the Russian Federation, foreign literature, linguodidactics, and pedagogics. The materials are intended for a wide range of specialists in the field of philology and pedagogics. Articles are reviewed. Reprinting without permission of the editorial board is prohibited, links to the journal are mandatory when quoting.

EDITORIAL BOARD

Svetlana V. Shustova – Editor-in-chief, Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Anna V. Averina – Deputy Editor-in-Chief, Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Moscow State Regional University)

Svetlana V. Androsova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Blagoveshchensk, Amur State University)

Anna A. Arustamova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Sergey V. Balakin – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Yekaterinburg, Ural State University of Railway Transport)

Nylya S. Beloborodova – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Birk, Bashkir State University (Birk Branch))

Alexander Yu. Bratukhin – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Svetlana V. Burdina – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Perm, Perm State University)

Natalia V. Gorbunova – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Yalta, Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky)

Tatyana P. Gordienko – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Simferopol, Crimean Industrial and Pedagogical University named after F. Yakubov)

Natalia P. Dvortsova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Tyumen, Tyumen State University)

Irina V. Evseeva – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Krasnoyarsk, Siberian Federal University)

Sergey P. Elshanski – Grand Ph. D. (Psychology), Professor (Russia, Moscow, Moscow Institute of Economics)

Olga N. Igna – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Tomsk, Tomsk State Pedagogical University)

Aza D. Joselin – Grand Ph. D. (Philosophy), Professor (Russia, Moscow, Financial University under the Government of the Russian Federation)

Kira Yu. Kashlyavik – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Peoples' Friendship University of Russia)

Boris V. Kondakov – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Julia A. Komarova – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, St. Petersburg, The Herzen State Pedagogical University of Russia)

Natalia V. Kopteva – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State Humanitarian-Pedagogical University)

Victoria M. Kosteva – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Russian State University for the Humanities)

Natalia N. Koshkarova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Chelyabinsk, South Ural State (National Research) University)

Tatiana N. Markova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Chelyabinsk, South Ural State Pedagogical University)

Nadezda N. Menshakova – Ph. D. (Philology), Associate Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Sofia V. Onina – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Khanty-Mansiysk, Yugra State University)

Natalia A. Orekhovskaya – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Financial University under the Government of the Russian Federation)

Vyacheslav A. Pozdeev – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Syktyvkar, Federal Research Center of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences)

Natalia L. Potanina – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Tambov, Derzhavin State University of Tambov)

Larisa P. Prokofieva – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Saratov, Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky)

Boris M. Proskurnin – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Elena N. Puzankova – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Moscow, Moscow International Academy)

Irina V. Rezanovich – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Voronezh, Voronezh State Pedagogical University)

Ilya Yu. Rogotnev – Ph. D. (Philology), Associate Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Natalia N. Semenenko – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Belgorod, Stary Oskol, Belgorod State National Research University)

Olga G. Sidorova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Ekaterinburg, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)

Oleg I. Syromyatnikov – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Nelly A. Trofimova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Saint Petersburg, National Research University Higher School of Economics)

Galina V. Faizieva – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Astrakhan, Astrakhan State University)

Olga V. Felde – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Krasnoyarsk, Siberian Federal University)

Alexander S. Fetisov – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Voronezh, Voronezh State Pedagogical University)

Liliya F. Khabibullina – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Kazan, Kazan (Volga Region) Federal University)

Alexey A. Chernobrov – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Novosibirsk, Novosibirsk State Medical University)

Dmitry A. Chugunov – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Voronezh, Voronezh State University)

Sergey L. Sharakov – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Staraya Russa, Novgorod State United Museum-Reserve, F. M. Dostoyevsky House-Museum)

Elvira V. Shachkova – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Yalta, Humanitarian and Pedagogical Academy (branch) Crimean Federal University named after Vernadsky)

Irina A. Shipova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Moscow Pedagogical State University)

Lyalya G. Yusupova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Ekaterinburg, Ural State Mining University)

Nadezda P. Syutkina – Executive Secretary, Ph. D. (Philology), Associate Professor (Russia, Perm, Perm State University)

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD

Irina N. Ivashkevich – Grand Ph. D. (Philology), Associate Professor (Republic of Belarus, Minsk, Belarusian State University)

Mekhriniso B. Nagzibekova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)

Natalya N. Nizhneva – Grand Ph. D. (Education), Professor (Republic of Belarus, Minsk, Belarus State University)

Gulchehra M. Hodzhimatova – Grand Ph. D. (Education), Professor (Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)

Gao Chunyu – Professor (China, Qiqihar, Qiqihar University)

Li Yifan – Ph. D. (Philology), (Russia, Blagoveshchensk, Amur State University)

Lola Ruzieva – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)

Zhang Jianwen – Ph. D. (Philology), (China, Heihe University)

Chen Shuang – Ph. D. in Pedagogy, Professor (China, Jinan, Shandong Women's University)

Rimma Shirinova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Uzbekistan, Tashkent, Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan)

Shi Hongsheng – Professor (China, Hefei, Anhui University Institute of Foreign and Regional Studies, Director of Russian Studies Center, Anhui University)

Shi Shanshan – Ph. D. (Philology), Associate Professor (China, Shehezi, Institute of Foreign Languages of Shehezi University)

Yahyapour Marzieh – Ph. D. (Philology), Professor (Iran, Tehran University)

СОДЕРЖАНИЕ

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА	6
<i>И. В. Архипова</i> ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРЕДЛОЖНЫХ ДЕВЕРБАТИВОВ В РОМАНСКИХ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ИТАЛЬЯНСКИХ И ИСПАНСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С ТЕМПОРАЛЬНЫМИ ПРЕДЛОГАМИ).....	6
<i>С. А. Рябкин</i> КАТЕГОРИЯ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОСТИ: ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	15
<i>Лю Шушуай</i> КАТЕГОРИЯ ЭМОТИВНОСТИ В ФИЛОСОФИИ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИКЕ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ АНАЛИЗ	23
ДИСКУРСОЛОГИЯ	31
<i>Е. Е. Андросова, П. Е. Андросова</i> ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА ДИСКУРСА «СПОРТИВНЫЙ ФИТНЕС» В США.....	31
<i>Е. О. Зубарева, М. И. Хамадиев</i> ТРАНСЛЯЦИЯ СПЕЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ В ДИСКУРСЕ ВОСТОЧНЫХ БОЕВЫХ ИСКУССТВ	42
<i>О. И. Графова, К. А. Рязанцев</i> ПЕРФОРМАТИВНОСТЬ И МАНИФЕСТ: ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ И ВАРИАТИВНОСТЬ	50
<i>О. Н. Путина</i> СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА КОНФЛИКТОГЕННЫХ ЕДИНИЦ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ	61
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ	70
<i>Н. В. Хорошева, Т. Г. Горин</i> ИНДИХЕНИЗМЫ В МЕКСИКАНСКОМ ВАРИАНТЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ МАРКЕРЫ.....	70
ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	82
<i>Н. А. Макурина</i> ГЕРОЙ-ЛИТЕРАТОР В РОМАНЕ В. П. АСТАФЬЕВА «ПЕЧАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ»	82
ЛИНГВОДИДАКТИКА.....	92
<i>Н. С. Попова</i> ОСОЗНАННОСТЬ КАК ФЕНОМЕН В ИНОЯЗЫЧНОМ ОБРАЗОВАНИИ.....	92
<i>И. Г. Сиссоко</i> МОДЕЛЬ АУДИОПРАКТИКУМА РУССКОЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ ДЛЯ МАЛИЙСКИХ СТУДЕНТОВ.....	105
УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ	115

Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 3. С. 6–14.

Eurasian Humanitarian Journal. 2025. No. 3. P. 6-14.

Научная статья

УДК 811.112.2'36

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРЕДЛОЖНЫХ ДЕВЕРБАТИВОВ В РОМАНСКИХ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ИТАЛЬЯНСКИХ И ИСПАНСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С ТЕМПОРАЛЬНЫМИ ПРЕДЛОГАМИ)

Ирина Викторовна Архипова

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия,
irarch@yandex.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена описанию предложных девербативов в романских языках (итальянском и испанском). Цель исследования – освещение вопроса функционирования предложных девербативов с темпоральными предлогами в итальянском и испанском языках для выявления закономерностей в выражении таксисных отношений. Объект исследования – высказывания с предложными девербативами с темпоральными предлогами в итальянском и испанском языках. Предмет исследования – таксисные отношения (одновременность, предшествование, следование), выражаемые предложными девербативами с темпоральными предлогами. В ходе исследования установлено, что в итальянском и испанском языках девербативы в сочетании с темпоральными предлогами играют ключевую роль в реализации таксисных отношений. Итальянские предлоги *a*, *durante*, *mentre* указывают на одновременность, *prima* и *dopo* – на предшествование или следование. В испанском языке предлоги *hasta*, *desde* выражают предшествование, предлог *durante* – одновременность, а *después* – следование. Анализ показал, что выбор предлога однозначно определяет временную ориентацию действия, выраженного девербативом, относительно глагольного действия. Итальянские девербативы с суффиксами *-aggio*, *-eggio*, *-izzazione*, *-enza*, *-o*, *-zio*, *-io*, *-ta*, *-zione*, *-sione*, *-ura* и испанские девербативы с суффиксами *-miento*, *-cion*, *-sion*, *-ada* в сочетании с темпоральными предлогами актуализуют таксисные отношения. Сравнительный анализ выявил общие тенденции и специфические особенности в использовании темпоральных предлогов для выражения таксисных значений в итальянском и испанском языках. Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение более широкого спектра темпоральных предлогов и их взаимодействия с различными типами девербативов для более глубокого понимания механизмов выражения таксисных значений в романских языках, в том числе, в сравнительно-сопоставительном освещении.

Ключевые слова: предложные девербативы, романские языки, итальянский язык, испанский язык, таксис, таксисная семантика, темпоральные предлоги.

Для цитирования: Архипова И. В. Функционирование предложных девербативов в романских языках (на материале итальянских и испанских высказываний с темпоральными предлогами) // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 3. С. 6–14.

Original article

FUNCTIONING OF PREPOSITIONAL DEVERBATIVES IN ROMANCE LANGUAGES (BASED ON ITALIAN AND SPANISH UTTERANCES WITH TEMPORAL PREPOSITIONS)

Irina V. Arkhipova

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

Abstract. This article is devoted to the description of prepositional deverbatives in Romance languages (Italian and Spanish). The purpose of the study is to highlight the issue of the functioning of prepositional deverbatives with temporal prepositions in Italian and Spanish in order to identify patterns in the expression of taxis relations. The object of the study is utterances with prepositional deverbatives with temporal prepositions in Italian and Spanish. The subject of the study is taxis relations (simultaneity, precedence, following), expressed by prepositional deverbatives with temporal prepositions. The study found that in Italian and Spanish, deverbatives in combination with temporal prepositions play a key role in the implementation of taxis relations. The Italian prepositions *a*, *durante*, *mentre* indicate simultaneity, *prima* and *dopo* – precedence or succession. In Spanish, the prepositions *hasta*, *desde* express precedence, the preposition *durante* – simultaneity, and *después* – succession. The analysis showed that the choice of preposition unambiguously determines the temporal orientation of the action expressed by the deverbative relative to the verbal action. Italian deverbatives with the suffixes *-aggio*, *-eggio*, *-izzazione*, *-enza*, *-o*, *-zio*, *-io*, *-ta*, *-zione*, *-sione*, *-ura* and Spanish deverbatives with the suffixes *-miento*, *-cion*, *-sion*, *-ada* in combination with temporal prepositions actualize taxis relations. The comparative analysis revealed general tendencies and specific features in the use of temporal prepositions to express taxis meanings in Italian and Spanish. Further research could be aimed at studying a wider range of temporal prepositions and their interaction with different types of deverbatives for a deeper understanding of the mechanisms of expressing taxis meanings in Romance languages, including in a comparative-contrastive light.

Keywords: prepositional deverbatives, Romance languages, Italian, Spanish, taxis, taxis semantics, temporal prepositions.

For citation: Arkhipova I. V. Functioning of prepositional deverbatives in Romance languages (based on Italian and Spanish utterances with temporal prepositions). Eurasian Humanitarian Journal. 2025;3:6-14. (In Russ.).

Введение

Вопрос о таксисе в романских языках, таких как итальянский, испанский и французский, затрагивается лишь в отдельных исследованиях современных лингвистов (например, [Аврамов 2014; Архипова 2024, 2025, 2025а; Гречаная 2012; Ивонина 2024; Киселёва, Цулимова 2019; Корди 2001, 2009; Косинец, Сычева 2016; Тирадо 2016; Урсул 2015, 2015а]). Вопросы реализации таксисных отношений во французском языке анализируются в трудах российских лингвистов, таких как Г. Г. Аврамов, Е. Е. Корди и Е. В. Донченко [Аврамов 2014; Донченко 2019; 2020; Корди 2001, 2009].

Р. Г. Тирадо и К. В. Урсул рассматривают структуру и семантику таксиса в испанском языке, включая сопоставительный анализ с русским языком [Тирадо 2016; Урсул 2015]. А. В. Киселева и Ж. О. Цулимова описывают специфику выражения таксисных отношений в английском и итальянском языках [Киселева, Цулимова 2019]. И. И. Косинец и О. В. Сычева

проводят сравнительное исследование реализации таксисных значений в английских герундиальных и причастных конструкциях в сопоставлении с итальянским, немецким и русским языками [Косинец, Сычева 2016]. М. Ю. Ивонина предлагает краткий аналитический обзор исследований категории таксиса в романских языках, в частности, определяя нефинитные формы глагола как средство выражения таксисных отношений [Ивонина 2024].

Обычно в качестве основного средства выражения таксисных отношений рассматриваются спрягаемые формы глагола, а также герундий и причастия. Однако предложные девербативы в романских языках, выполняющие роль актуализаторов таксиса в сочетании с темпоральными предлогами, зачастую остаются за пределами внимания исследователей, что и определяет актуальность данной работы. В рамках настоящей работы анализируются предложные девербативы итальянского и испанского языков с точки зрения их способности выражать таксисные значения одновременности и предшествования/следования. Современные лингвистические исследования практически не касаются изучения таксисной семантики предложных девербативов в итальянском и испанском языках, в том числе в сравнительно-типологическом ключе, что и составляет научную новизну представленного исследования. Материалом для исследования послужили высказывания с предложными девербативами итальянского и испанского языков, полученные методом направленной выборки из электронной базы корпуса итальянского языка Лейпцигского университета (LC). В работе были использованы метод направленной выборки, а также гипотетико-дедуктивный, индуктивный и описательный методы.

Основная часть

Данное исследование сосредоточено на изучении итальянских и испанских девербативов, используемых с предлогами и выражающих таксисные отношения: одновременность, предшествование и следование. Эти отношения проявляются в высказываниях, содержащих темпоральные предлоги *durante*, *prima*, *dopo*, *hasta*, *desde*, *durante*, *antes* и другие. Как указывает С. А. Галстян, основу функционально-семантического поля (ФСП) предлога составляют предлоги со стабильным значением, охватывающие широкий спектр синтаксических отношений (пространственных, временных, падежных, таксисных). Периферия ФСП предлога представлена предлогами в устойчивых выражениях, в предложных инфинитивных конструкциях, а также предлогами, участвующими в глагольном управлении, предлогами, образованными в результате транспозиции. На периферии ФСП значение предлога становится более конкретным, тесно связанным с семантикой слов, которые он сопровождает [Галстян 2016]. Семантика предлога расширяет референциальные возможности знаменательных частей речи в составе словосочетания или предложения. Это расширение может указывать на пространственную, временную, падежную или таксисную направленность, отражая взаимосвязь между объектами или ситуациями. Благодаря своей функциональной специфике предлоги способны выражать аспектуальную семантику таксисных отношений, включая предшествование, полную или частичную одновременность, следование и другие [там же].

В итальянском языке предложные девербативы формируются на основе акциональных имён, образованных с помощью различных деривационных моделей. К ним относятся модели с суффиксами *-aggio*, *-eggio*, *-izzazione*, *-enza*, *-o*, *-zio*, *-io*, *-ta*, *-zione*, *-sione*, *-ura*, а

также имена, полученные путём конверсии глагольных основ настоящего или прошедшего времени. Примеры таких девербативов: *viaggio, partenza, attivazione, invasione, prestazione, visita, avvento* и другие. В итальянских высказываниях с темпоральными предлогами *durante, prima, dopo* актуализируются таксисные значения одновременности, предшествования и следования (*durante il viaggio* – во время поездки, *durante l'arrivo* – во время прибытия, *prima dell'arrivo* – до прибытия, *dopo il suo arrivo* – после его прибытия, *dopo l'attivazione* – после активации).

В итальянском языке таксисное значение следования актуализируется предложными девербативами *dopo il suo arrivo, dopo la partenza, dopo aver studiato, dopo aver esaminato, dopo l'apparizione, dopo l'attivazione* и другие. Ср.:

L'atmosfera è cambiata *dopo il suo arrivo al potere* (LC). – Атмосфера изменилась *после его прихода к власти*.

Hanno pulito la casa *dopo la partenza degli inquilini* (LC). – Они убрали дом *после отъезда жильцов*.

Il sistema è diventato operativo *dopo l'attivazione della password* (LC). – Система заработала *после активации пароля*.

Dopo aver studiato approfonditamente le fonti e dopo aver esaminato i documenti pertinenti, si è giunti alla conclusione che le affermazioni precedentemente sostenute necessitano di una revisione sostanziale (LC). – *После тщательного изучения источников и рассмотрения соответствующих документов* был сделан вывод о необходимости существенного пересмотра ранее сделанных утверждений.

Dopo l'apparizione dei risultati preliminari, un'ondata di scetticismo ha pervaso la comunità accademica, spingendo ad un'analisi più rigorosa dei dati a disposizione (LC). – *После публикации предварительных результатов* волна скептицизма захлестнула научное сообщество, что побудило к более строгому анализу имеющихся данных.

В итальянском языке таксисное значение предшествования реализуется с помощью предложных девербативов *prima dell'arrivo, prima dell'insurrezione, prima la partenza, prima aver studiato, prima aver esaminato, prima l'apparizione*. Ср.:

Avevano ripulito la scena *prima dell'arrivo della polizia* (LC). – Они убрали место происшествия *до прибытия полиции*.

Prima dell'insurrezione, la polizia controllava ogni angolo della città (LC). – *До восстания* полиция контролировала каждый угол города.

Prima aver esaminato tutte le opzioni, prenderemo una decisione (LC). – *После рассмотрения всех имеющихся вариантов*, будет принято решение.

Prima l'apparizione del sole, la nebbia era fitta (LC). – *До восхода солнца* туман был густым.

Prima aver studiato a fondo la materia, è essenziale stabilire una solida base di conoscenze (LC). – *Прежде чем глубоко изучить предмет*, важно заложить прочный фундамент знаний.

Таксисное значение одновременности предшествования реализовано предложными девербативами с темпоральным предлогом *durante* (например, *durante il viaggio, durante l'arrivo, durante l'esibizione, durante l'insurrezione*).

Avevano ascoltato musica *durante il viaggio in treno* (LC). – Они слушали музыку *во время поездки на поезде*.

C'era confusione *durante l'arrivo del capo dello stato* (LC). – Во время прибытия главы государства царил суматоха.

Durante l'esibizione, durante l'insurrezione, il linguaggio si trasforma in uno strumento potente, un'arma affilata che può incendiare gli animi o sedare le rivolte (LC). – В ходе выступления, в ходе восстания язык превращается в мощный инструмент, острое оружие, способное воспламенять души или подавлять восстания.

В испанском языке временная отнесенность действий может быть выражена различными способами: а) указанием временного отрезка (*durante la noche, en 2 días, dentro de un mes, por la mañana*); б) определением начальной и конечной границ (*de...a, desde...hasta, entre*); в) обозначением начальной границы (*de, desde, a partir de*); г) указанием конечной границы (*a, hasta, para* и др.) [Галстян 2023: 434]. В испанском языке предложные девербативы включают акциональные имена, образованные с помощью суффиксов *–miento, –cion, –sion*. В качестве примеров можно привести *movimiento, descubrimiento, levantamiento, colaboracion, explotación, inversion, operación, destrucción* и другие.

В испанском языке существует ряд предлогов, обладающих темпоральным значением, среди них: *a, de, en, desde, hasta, entre, hacia, durante, para, a lo largo de, dentro de, a principios de, antes de, después de*. Будучи темпоральными, они реализуют таксисообразующую функцию в высказываниях с девербативами и маркируют таксис одновременности и разновременности. Наиболее употребительные предлоги, такие как *hasta, desde* и *durante*, относятся к монотемпоральным. Предлог *hasta* сигнализирует о предшествовании одного действия другому или временному отрезку. *Desde*, напротив, указывает на то, что событие происходит исключительно после указанного момента или периода. *Durante* используется для обозначения временного промежутка, в рамках которого разворачивается определенное действие или событие [Галстян 2023: 434].

Темпоральные предлоги *durante, antes, hasta, después* входят в состав предложных девербативов испанского языка, которые актуализируют таксисные категориальные значения.

В приведенных высказываниях таксисные категориальные значения одновременности, предшествования и следования реализованы посредством предложных девербативов с предлогами *durante, hasta, después, antes*. Ср.: *Durante el movimiento pendular de la máquina, el operario ajustaba la tensión del hilo* (LC). – Во время маятникового движения станка, оператор регулировал натяжение нити; *La resistencia se mantuvo hasta la destrucción completa del reducto enemigo* (LC). – Сопротивление продолжалось до полного уничтожения вражеского редута.

Poco después del descubrimiento de la tumba, se organizó una expedición científica (LC). – Вскоре после обнаружения гробницы была организована научная экспедиция.

El paciente se sintió mucho mejor después de la operación (LC). – Пациент почувствовал себя намного лучше после операции.

Antes de la llegada de la policía, los manifestantes ya se habían dispersado (LC). – До прибытия полиции демонстранты уже разошлись

В высказываниях с темпоральными предлогами итальянские и испанские девербативы выражают таксисные отношения, а именно одновременность, предшествование и следование. Итальянские предложные девербативы включают в свой состав акциональные

образования с суффиксами *-aggio, -eggio, -izzazione, -enza, -o, -zio, -io, -ta, -zione, -sione, -iga* и др.. В испанском языке предложные девербативы представлены акциональными существительными с суффиксами *-miento, -cion, -sion, -ada*.

Анализ показывает, что в итальянском языке девербативы с темпоральными предлогами *a (al, all,), durante, mentre* выражают одновременность, указывая на то, что действие, обозначенное девербативом, происходит параллельно с действием, описываемым глаголом. Предлоги *prima* и *dopo*, напротив, однозначно указывают на предшествование или следование действия, выраженного девербативом, относительно глагольного действия.

В испанском языке девербативы на *-miento, -cion, -sion* с темпоральными предлогами *durante* чаще всего передают значение одновременности, определяя временные рамки или период, в течение которого происходит действие. Конструкция с *después de* указывает на следование, фиксируя порядок событий, где девербативное действие предшествует глагольному действию. Девербативы с темпоральными предлогами *antes, hasta* передают значение предшествования.

Заключение

Сравнительный анализ демонстрирует, что как в итальянском, так и в испанском языках, темпоральные предлоги играют ключевую роль в актуализации таксисных отношений (между девербативами и глагольными формами). Выбор темпорального предлога определяет, будет ли действие, выраженное девербативом, происходить одновременно, до или после действия, обозначенного глаголом. Таким образом, исследование темпоральных предлогов в сочетании с девербативами в итальянском и испанском языках позволяет выявить закономерности в выражении таксисных отношений и подчеркивает важность предложных конструкций в формировании таксисных отношений. Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение более широкого спектра темпоральных предлогов и их взаимодействия с различными типами девербативов для более глубокого понимания механизмов выражения таксисных значений в романских языках, в том числе в сравнительно-сопоставительном освещении.

Список литературы

1. Аврамов Г. Г. Асимметрия функционирования конstituентов функционально-семантического поля таксиса в современном французском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 7-1 (37). С. 15–19. EDN: SCZVRL
2. Архипова И. В. Итальянские девербативы сквозь призму категории таксиса // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2024. № 4 (305). С. 216–219. DOI: 10.47438/2309-7078_2024_4_216 EDN: UOESUO
3. Архипова И. В. Предложные девербативы итальянского языка как средство актуализации таксиса // Сибирский филологический форум. 2025. № 1 (30). С. 45–54. DOI: 10.24412/2587-7844-2025-1-45-54 EDN: DKSGUY
4. Архипова И. В. Предложные девербативы в русском, итальянском и испанском языках: функционально-семантический аспект // Евразийский гуманитарный журнал. 2025а. № 1. С. 42–51. EDN: VWHJCL
5. Галстян С. А. Функционально-семантическое поле предлога в структуре языка: на материале испанского языка : автореф.... канд. филол. наук. М., 2016. 25 с. EDN: ZQAVDT

6. Галстян С. А. Предлог и категория времени в языке. Лингвистическое время (на материале испанского языка) // Мир культуры, науки, образования. 2023. № 1 (98). С. 432–435. DOI: 10.24412/1991-5497-2023-198-432-435 EDN: QMDCLG
7. Гречаная К. Б. Итальянский герундий как средство выражения зависимого таксиса // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2012. № 22-2. С. 198–199. EDN: TNVJYX
8. Донченко Е. В. Категории таксиса и согласования времен во французском и русском языках // Теоретические и практические аспекты лингвистики, лингводидактики, литературоведения, культурологии, перевода и межкультурной коммуникации : сб. науч. ст. / сост. Е. И. Сернова. Астрахань : АГУ, 2019. С. 12–15.
9. Донченко Е. В. Категория таксиса и анализ аспектуально-таксисных ситуаций в сложных предложениях с атрибутивным придаточным во французском языке // Гуманитарные исследования. 2020. № 4 (76). С. 45–51. DOI: 10.21672/1818-4936-2020-76-4-044-050 EDN: SPUMWT
10. Ивонина М. Ю. Нефинитные глагольные формы как способ актуализации таксиса в романских языках // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 2. С. 75–82. EDN: COVMJQ
11. Киселёва А. В., Цулимова Ж. О. Особенности репрезентации категории таксиса в английском и итальянском языках // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования : Материалы III Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Часть 1. Пятигорск : Пятигорский государственный университет, 2019. С. 163–170. EDN: TMVPVH
12. Корди Е. Е. О способах выражения таксиса во французском языке // Исследования по языкознанию : Сб. статей к 70-летию А. В. Бондарко / Шубик С. А. (отв. ред.). СПб. : Санкт-Петербургский университет, 2001. С. 176–185.
13. Корди Е. Е. Таксис во французском языке // Типология таксисных конструкций / Отв. ред. В. С. Храковский. М. : Знак, 2009. С. 217–268. EDN: MVARUB
14. Косинец И. И., Сычева О. В. Реализация таксисных значений английских герундиальных и причастных конструкций в итальянском, немецком и русском языках // Язык и культура (Новосибирск). 2016. № 26. С. 125–134. EDN: XERCBH
15. Тирадо Р. Г. О категории таксиса в русском и испанском языках // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. № 1. С. 90–94. EDN: XBETUR
16. Урсул К. В. Категория таксиса в структуре современного испанского языка // Вестник университета Российской академии образования. 2015. № 1. С. 30–34. EDN: TKEBFP
17. Урсул К. В. Взаимодействие понятийных категорий внутреннего и внешнего времени при реализации таксисных отношений // Мировое культурно-языковое и политическое пространство: инновации в коммуникации : сб. науч. тр. / под общ. ред. Л. К. Раицкой, С. Н. Курбаковой, Н. М. Мекеко. М. : РУДН, 2015а. С. 757–767. EDN: VIWTSB

Источники иллюстративного материала

LC – Лаборатория корпусной лингвистики Лейпцигского университета. URL: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (дата обращения: 20.06.2025).

References

1. Avramov G. G. Asimetriya funktsionirovaniya konstituentov funktsional'no-semanticheskogo polya taksisa v sovremennom frantsuzskom yazyke [Asymmetry in the functioning of constituents of the functional-semantic field of taxis in modern French]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues]. 2014, no. 7-1 (37), pp. 15-19. (In Russ.). EDN: SCZVRL

2. Arkhipova I. V. Ital'yanskije deverbativy skvoz' prizmu kategorii taksisa [Italian deverbatives through the prism of the taxis category]. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [News of the Voronezh State Pedagogical University]. 2024, no. 4 (305), pp. 216-219. (In Russ.). DOI: 10.47438/2309-7078_2024_4_216 EDN: UOESUO
3. Arkhipova I. V. Predlozhnye deverbativy ital'yanskogo yazyka kak sredstvo aktualizatsii taksisa [Prepositional deverbatives of the Italian language as a means of actualizing taxis]. *Sibirskiy filologicheskij forum* [Siberian Philological Forum]. 2025, no. 1 (30), pp. 45-54. (In Russ.). DOI: 10.24412/2587-7844-2025-1-45-54 EDN: DKSGUY
4. Arkhipova I. V. Predlozhnye deverbativy v russkom, ital'yanskom i ispanskome yazykakh: funktsional'no-semanticheskij aspekt [Prepositional deverbatives in Russian, Italian and Spanish: functional and semantic aspect]. *Evrasiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2025a, no. 1, pp. 42-51. (In Russ.). EDN: VWHJCL
5. Galstyan S. A. Funktsional'no-semanticheskoe pole predloga v strukture yazyka: na materiale ispanskogo yazyka [The functional-semantic field of the preposition in the structure of language: based on the Spanish language]. PhD dissertation abstract. Moscow, 2016, 25 p. (In Russ.). EDN: ZQAVDT
6. Galstyan S. A. Predlog i kategoriya vremeni v yazyke. Lingvisticheskoe vremya (na materiale ispanskogo yazyka) [Prepositions and the Category of Tense in Language. Linguistic Tense (Based on Spanish)]. *Mir kul'tury, nauki, obrazovaniya* [The world of culture, science, and education]. 2023, no. 1 (98), pp. 432-435. (In Russ.). DOI: 10.24412/1991-5497-2023-198-432-435. (In Russ.). EDN: QMDCLG
7. Grechanaya K. B. Ital'yanskiy gerundiy kak sredstvo vyrazheniya zavisimogo taksisa [The Italian gerund as a means of expressing dependent taxis]. *Ezhegodnaya bogoslovskaya konferentsiya Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta* [Annual Theological Conference of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities]. 2012, no. 22-2, pp. 198-199. (In Russ.). EDN: TNVJYX
8. Donchenko E. V. Kategorii taksisa i soglasovaniya vremen vo frantsuzskom i russkom yazykakh [Categories of taxis and agreement of tenses in French and Russian]. *Teoreticheskie i prakticheskie aspekty lingvistiki, lingvodidaktiki, literaturovedeniya, kul'turologii, perevoda i mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Theoretical and practical aspects of linguistics, linguodidactics, literary studies, cultural studies, translation and intercultural communication]. Astrakhan : AGU, 2019, pp. 12-15. (In Russ.).
9. Donchenko E. V. Kategoriya taksisa i analiz aspektual'no-taksisnykh situatsiy v slozhnykh predlozheniyakh s atributivnym pridatochnym vo frantsuzskom yazyke [The category of taxis and the analysis of aspectual-taxis situations in complex sentences with an attributive clause in French]. *Gumanitarnye issledovaniya* [Humanitarian studies]. 2020, no. 4 (76), pp. 45-51. (In Russ.). DOI: 10.21672/1818-4936-2020-76-4-044-050 EDN: SPUMWT
10. Ivonina M. Yu. Nefinitnye glagol'nye formy kak sposob aktualizatsii taksisa v romanskikh yazykakh [Non-finite verb forms as a way of actualizing taxis in Romance languages]. *Evrasiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2024, no. 2, pp. 75-82. (In Russ.). EDN: COVMJQ
11. Kiseleva A. V., Tsulimova Zh. O. Osobennosti reprezentatsii kategorii taksisa v angliyskom i ital'yanskom yazykakh [Peculiarities of representation of the category of taxis in English and Italian]. *Yazyk i kul'tura v epokhu integratsii nauchnogo znaniya i professionalizatsii obrazovaniya* [Language and culture in the era of integration of scientific knowledge and professionalization of education]. Part 1, Pyatigorsk, Pyatigorskiy gosudarstvennyy universitet, 2019, pp. 163-170. (In Russ.). EDN: TMVPVH
12. Kordi E. E. O sposobakh vyrazheniya taksisa vo frantsuzskom yazyke [On the ways of expressing taxis in French]. *Issledovaniya po yazykoznaniyu* [Research in linguistics]. Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskiy universitet, 2001, pp. 176-185. (In Russ.).

13. Kordi E. E. Taksis vo frantsuzskom yazyke [Taxis in French]. *Tipologiya taksisnykh konstruktsey* [Typology of taxis constructions]. Moscow, Znak, 2009, pp. 217-268. (In Russ.). EDN: MVAPUB
14. Kosinets I. I., Sycheva O. V. Realizatsiya taksisnykh znacheniy angliyskikh gerundial'nykh i prichastnykh konstruktsey v ital'yanskom, nemetskom i russkom yazykakh [The realization of the taxic meanings of English gerundial and participial constructions in Italian, German and Russian]. *Yazyk i kul'tura (Novosibirsk)* [Language and Culture (Novosibirsk)]. 2016, no. 26, pp. 125-134. (In Russ.). EDN: XERCBH
15. Tirado R. G. O kategorii taksisa v russkom i ispanskoy yazykakh [About the taxi category in Russian and Spanish]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Current issues in philology and pedagogical linguistics]. 2016, no. 1, pp. 90-94. (In Russ.). EDN: XBETUR
16. Ursul K. V. Kategoriya taksisa v strukture sovremennogo ispanskogo yazyka [The category of taxis in the structure of modern Spanish]. *Vestnik universiteta Rossiyskoy akademii obrazovaniya* [Bulletin of the University of the Russian Academy of Education]. 2015, no. 1, pp. 30-34. (In Russ.). EDN: TKEBFP
17. Ursul K. V. Vzaimodeystvie ponyatiynykh kategoriy vnutrennego i vneshnego vremeni pri realizatsii taksisnykh otnosheniy [Interaction of conceptual categories of internal and external time in the implementation of taxis relations]. *Mirovye kul'turno-yazykovoe i politicheskoe prostranstvo: innovatsii v kommunikatsii* [Global cultural, linguistic and political space: innovations in communication]. Moscow, RUDN, 2015a, pp. 757-767. (In Russ.). EDN: VIWTSB

Sources of illustrative material

- LC – Laboratoriya korpusnoy lingvistiki Leyptsigskogo universiteta [Laboratory of Corpus Linguistics, University of Leipzig]. (In Russ.). Available at: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (accessed: June 20, 2025).

Информация об авторе

И. В. Архипова – доктор филологических наук, профессор, кафедра романо-германских языков, Новосибирский государственный педагогический университет.

Information about the author

I. V. Arkhipova – Grand Ph. D. (Philology), Professor, Department of Romano-Germanic Languages, Novosibirsk State Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 10.04.2025; одобрена после рецензирования 20.04.2025; принята к публикации 25.06.2025.

The article was submitted 10.04.2025; approved after reviewing 20.04.2025; accepted for publication 25.06.2025.

Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 3. С. 15–22.
Eurasian Humanitarian Journal. 2025. No. 3. P. 15-22.

Научная статья
УДК 81'37

КАТЕГОРИЯ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОСТИ: ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Сергей Александрович Рябкин

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
riabkins8@gmail.com

Аннотация. В предлагаемой статье автор рассматривает лингвистический аспект категории инструментальности, анализируя её как отражение связи между действием, субъектом, объектом и средством его выполнения в языковых системах. В исследовании прослеживается эволюция изучения этой категории, начиная с анализа падежных систем в работах Ч. Филлмора, Р. Якобсона и А. Вежбицкой, где инструментальность связывалась с творительным падежом как маркером орудия действия, и заканчивая современными подходами в рамках функциональной грамматики, представленными А. В. Бондарко. Особое внимание автором статьи уделено историческому и теоретическому контексту: от формального описания падежных форм в индоевропейских языках (например, социативно-инструментальное значение, отмеченное Антуаном Мейе) до изучения семантических функций и функционально-семантических полей (ФСП). В работе показано, как категория инструментальности, пройдя путь от морфологического анализа к исследованию смыслов, заняла место среди ключевых лингвистических категорий. В центре анализа – категориальная ситуация инструментальности. Она включает в себя субъект, целенаправленное действие и средство, с выделением трёх фаз деятельности акта (регулятивной, исполнительской и результативной). ФСП инструментальности описывается как полицентрическое поле, объединяющее средства-предметы (физические орудия) и средства-непредметы (абстрактные способы). В статье подчёркивается роль языка в структурировании отношений между действием и инструментом, выявляя универсальные черты (например, наличие инструментального значения в разных языках) и специфические особенности. Такой подход обогащает понимание человеческой деятельности, демонстрируя, как язык отражает взаимодействие человека с окружающим его миром на протяжении исторического развития через категорию инструментальности.

Ключевые слова: категория инструментальности, субъект, объект, инструмент, творительный падеж, функционально-семантическое поле, категориальная ситуация.

Для цитирования: Рябкин С. А. Категория инструментальности: функционально-семантический аспект // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 3. С. 15–22.

Original article

THE CATEGORY OF INSTRUMENTALITY: FUNCTIONAL AND SEMANTIC ASPECT

Sergei A. Riabkin

Perm State University, Perm, Russia, riabkins8@gmail.com

Abstract. The proposed article is devoted to the linguistic aspect of the category of instrumentality, analysing it as a display of the relationship between the action, the subject, the object and the means of its performance in linguistic systems. The study traces the evolution of the study of this category, starting from the analysis of case systems in the works of Ch. Fillmore, R. Jakobson and A. Wierzbicka, where instrumentality was associated with the instrumental case as a marker of the instrument of action, and ending with modern approaches within the framework of functional grammar, presented by Alexander Bondarko. Particular attention is paid to the historical and theoretical context: from the formal description of case forms in Indo-European languages (e.g. the social-instrumental meaning noted by Antoine Meyer) to the study of semantic functions and functional-semantic fields (FSFs). The paper shows how the category of instrumentality, having travelled from morphological analysis to the study of meanings, has taken its place among the key linguistic categories. The analysis focuses on the categorical situation of instrumentality. It includes a subject, a purposeful action and a means, with the allocation of three phases of the activity act (regulatory, executive and effective). The FSF of instrumentality is described as a polycentric field uniting means-objects (physical instruments) and means-non-objects (abstract methods). The article emphasises the role of a language in structuring the relationship between an action and an instrument, revealing universal features (e.g., the presence of instrumental meaning in different languages) and specific features. This approach enriches the understanding of human activity by demonstrating how language reflects human interaction with the world around us through the category of instrumentality.

Keywords: the category of instrumentality, subject, object, instrument, instrumental case, functional-semantic field.

For citation: Riabkin S. A. The category of instrumentality: functional and semantic aspect. Eurasian Humanitarian Journal. 2025;3:15-22. (In Russ.).

Введение

Лингвисты различных школ и направлений уже давно занимаются изучением категории инструментальности [Богородицкий 1935; Тихонов, Хашимов, Журавлева 2014; Филлмор 1968; Холле 2000; Якобсон 1985].

Данная категория находит отражение в структурах различных языков мира, поскольку люди в ходе своей жизнедеятельности, изменяя и адаптируя окружающий мир под свои нужды, использовали разнообразные инструменты. Важность инструментов в жизни людей доказывается присутствием различного рода средств, которые специализируются на передаче инструментального смысла.

Основная часть

Первоначально исследование категории инструментальности развивалось в контексте изучения становления и развития падежных систем. Чарльз Филлмор (1929–2014) в работе «Дело о падеже» предлагает рассматривать падеж как набор семантических отношений между именем и остальной частью предложения [Филлмор 1968: 24]. В своём труде лингвист выделяет такой падеж, как «инструменталис (I) – падеж неодушевленной силы или предмета, который включен в действие или состояние, называемое глаголом, в качестве его причины» [там же: 44].

В русском языке используется творительный падеж. В дальнейшем, с развитием общества, культуры и совершенствованием языка, использование в быту «инструментов» неуклонно увеличивалось, что в конечном счёте привело к тому, что в современном языке это значение стало основным для творительного падежа.

Значительный вклад по классификации падежной системы русского языка внес Р. О. Якобсон (1896–1982). В работе «К общему учению о падеже» языковед, отталкиваясь не от морфологической, как это было принято ранее, а от синтаксической природы падежа, выделяет общее и частные падежные значения. При этом исследователь подчеркивает, что «творительный особенно резко противопоставлен другим падежам» именно «в своем орудийном значении» [Якобсон 1985: 160].

Следующий этап исследования инструментального значения характеризуется его более широким толкованием. А. Вежбицкая (1938 – н. в.) в работе «Дело о поверхностном падеже» (1985) отмечала, что все ситуации, описываемые в русском языке, например, при помощи существительных в творительном падеже, воспринимаются как ситуации, в которых используется инструмент: «Главная функция творительного падежа в русском языке – это, конечно, указание на орудие действия («инструмент»). Мы говорим, что эта функция главная, поскольку так предположительно следует из самого названия падежа: творительный, или инструментальный, падеж идентифицируется в любом языке как падеж, имеющий среди своих функций функцию обозначения «инструмента» [Вежбицкая 1985а: 312].

Историческую перспективу дополняют труды других учёных. В. А. Богородицкий отмечает, что творительный падеж «может служить также для обозначения орудия, которым совершается действие» [Богородицкий 1935: 226]. В труде по сравнительно-историческому языкознанию, Поль-Жюль-Антуан Мейе (1866–1936), отмечает, что исторически концепция классического индоевропейского языкознания в качестве изначального значения индоевропейского творительного падежа рассматривает социативно-инструментальное значение: «Творительный указывает, с кем или с чем действие совершается (откуда значение: кем, чем)» [Мейе 2002: 353].

Если обратимся к словарям, то отметим схожие моменты. «Творительный падеж. Форма падежа, сочетающаяся с глаголом, именем существительным, именем прилагательным и выражающее значение субъекта действия, объекта пространственные временные отношения и т. д. Творительный инструментальный (орудийный) указывает на орудие посредством которого совершается действие» [Розенталь, Теленкова 1985: 317]. «Творительный прилагательный обозначает:

- 1) орудие действия (творительный инструментальный);
- 2) деятеля, а также действующий предмет (в страдательных оборотах);
- 3) объект действия;
- 4) пространственные и временные отношения;
- 5) способ и образ действия;

6) сравнение» [Тихонов, Хашимов, Журавлева 2014: 756]. При этом «орудийный объект выступает как косвенный объект, называющий орудие действия» и в выражается существительным в творительном падеже: *ударить палкой; открыть ключом* [там же: 229]. Творительный падеж действительно противопоставлен другим падежам из-за наличия орудия (инструмента) или способа.

Новый виток в исследовании инструментальности стал возможен благодаря функциональной грамматике А. В. Бондарко (1930–2016). Ученый использовал функциональный подход к языку, предметом анализа которого выступают имеющие

функциональную основу единства, именуемые функционально-семантическими полями (ФСП). Понятие поля в грамматике разрабатывается в отечественном языкознании с 1960–1970-х гг. (см., например, труды М. М. Гухман (1904–1989), В. Г. Адмони (1909–1993), Е. И. Шендельс (1916–1995), Е. В. Гулыга (1921–1996), Г. С. Щур (1929–1981) и других. Эта концепция опирается на теорию понятийных категорий И. И. Мещанинова (1883–1967) и учение В. В. Виноградова (1894–1969) о модальности как семантической категории смешанного лексико-грамматического характера.

И. И. Мещанинов, развивая идеи О. Есперсена (1860–1943), пишет, что некоторые смысловые компоненты общего характера «не описываются при помощи языка, а выявляются в нём самом, в его лексике и грамматическом строе»; этими категориями «передаются в самом языке понятия, существующие в данной общественной среде». С одной стороны, понятийные категории не существуют вне языка и обязаны иметь какое-то языковое выражение. С другой стороны, это выражение может быть самым разнообразным и не только грамматическим, но и лексическим [Мещанинов 1945: 195].

В. В. Виноградов выявил систему форм и способов выражения категории модальности в русском языке на уровнях синтаксиса, морфологии и лексики. Лексические элементы, выполняющие, по выражению Л. В. Щербы (1880–1944), «строевую роль», также вошли в эту систему [БРЭ].

Функционально-семантическое поле определяется как система разноуровневых средств данного языка (морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических, фразеологических, лексико-синтаксических и т. д.), основывающихся на общности их функций. Сами же функции базируются на определённой семантической категории. Структура ФСП может быть различной: строго центрированной, с чётко определяемым ядром и периферией или слабо центрированной, полицентричной, опирающейся на некоторую совокупность языковых средств, которые не образуют единой системы форм [Шулежкова 2004: 385].

ФСП являются билатеральными единствами, характеризующимися наличием: плана содержания, который включает семантические категории (СК). СК трактуются как «основные инвариантные категориальные признаки (семантические константы), проявляющиеся в языковых значениях и функциях»; плана выражения, представленного элементами различных уровней языковой системы [Бондарко 2001: 27].

В основе каждого ФСП лежит определённая семантическая категория – тот семантический инвариант, который объединяет разнородные языковые средства и обуславливает их взаимодействие [БРЭ].

Функциональный подход позволил глубже исследовать не только формальные проявления инструментальности, но и её функционально-семантическое содержание, связанное с конкретными ситуациями, где действие, субъект и средство переплетаются в единое целое. Категориальная ситуация инструментальности представляет собой лингвистическую конструкцию, в которой акцентируются отношения между действующим субъектом, целенаправленным действием и средством (инструментом), с помощью которого это действие осуществляется. Основные аспекты и характеристики этой ситуации можно выделить следующим образом.

1. Определение инструментальной ситуации

Инструментальная ситуация характеризуется наличием нескольких ключевых компонентов.

– Целенаправленное действие агентивного субъекта подразумевает его стремление к достижению конкретного результата. Результат представляет собой предполагаемый конечный пункт этой деятельности. Однако реальный конечный результат не всегда совпадает с целью [Арутюнова 1992: 14].

– Субъект целенаправленной деятельности может быть как отдельный человек, так и группа людей (семья, школьный класс, страна и другие). Эти субъекты выражают волю и/или прилагают усилия для достижения своей цели, что делает их агентивными субъектами. Такие группы не просто представляют собой скопление людей; у них есть конкретные цели и формальная структура – набор правил, связывающих участников. Эти правила определяют, в частности, способы передачи сообщений (приказов, инструкций и т. д.) и взаимодействие между участниками [Холле 2000: 16].

– Объект – это то, что подвергается воздействию, познанию или оценке со стороны агентивного субъекта или с которой он вступает в общение. Объекты могут быть как материальными – предметы, люди (в том числе и сам субъект, если он направляет свои действия на себя), общество в целом, так и идеальными – социально-общественные отношения, информация и т. п. Следовательно, одна и та же вещь может выступать в качестве субъекта и в качестве объекта целенаправленной деятельности [там же: 20].

– Средство (инструмент) выступает связующим звеном между целью и результатом с одной стороны, а с другой – оно опосредует влияние субъекта на объект. Это включает все, что человек использует для реализации своих намерений. В такое определение входят не только материальные средства (орудия, инструменты, вещества), но также действия человека, его свойства, отношения и т. д. [там же: 20].

2. Фазы деятельностного акта

Инструментальная ситуация может быть представлена как одна из трех возможных фаз любого деятельностного акта: 1) регулятивная фаза: средство, которое помогает реализовать цель; 2) исполнительная фаза: средство, используемое для выполнения действия; 3) результативная фаза: средство, которое способствует достижению результата [там же: 23].

3. Функционально-семантическое поле

Полицентрическое поле: Функционально-семантическое поле инструментальности включает два центра: 1) средство-предмет (орудие): физические объекты, используемые для выполнения действий; 2) средство-непредмет (способ): абстрактные методы или подходы к выполнению действий [Ямшанова 1991: 68–80].

Категориальная ситуация инструментальности является важным аспектом лингвистического анализа, позволяющим глубже понять, как язык отражает и структурирует отношения между действиями и средствами их выполнения [Багринцева, Зобнина 2024; Рябкин 2025; Яркова 2024, 2025], что помогает выявить универсальные и специфические черты языковых систем в контексте коммуникации и культурных особенностей.

Заключение

Категория инструментальности отражает эволюцию лингвистической мысли – от анализа падежных форм к исследованию их семантических функций и далее к комплексному изучению категориальных ситуаций в рамках функционально-семантических полей. Начиная

с работ Ч. Филлмора, Р. О. Якобсона, А. Вежбицкой и А. В. Бондарко, теория категории инструментальности прошла путь от формального описания к глубокому осмыслению её роли в языке и культуре.

Категориальная ситуация инструментальности, в свою очередь, позволяет увидеть, как язык структурирует отношения между действием, субъектом действия и средством действия, выявляя универсальные и специфические черты различных языковых систем. Этот подход не только обогащает теорию, но и помогает понять, как язык отражает человеческую деятельность и взаимодействие с миром.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Язык цели // Логический анализ языка. Модели действия. М. : Наука, 1992. С. 14–23.
2. Багринцева О. Б., Зобнина О. А. Дефиниционный анализ лексических единиц «дед» / «дедушка» по данным русского языка // Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 13. С. 86–92. EDN: CFDQEG
3. Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики. М. : Соцэкгиз, 1935. 356 с.
4. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. 2-е изд. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 208 с.
5. Вежбицкая А. Дело о поверхностном падеже // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1985. Вып. 15. С. 303–341.
6. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М. : УРСС, 2002. 510 с.
7. Мещанинов И. И. Понятийные категории в языке // Труды Военного института иностранных языков. М. : МВИИЯ, 1945. № 1. С. 5–15.
8. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов : пособие для учителя. 3-е изд., испр. и доп. М. : Просвещение, 1985. 399 с.
9. Рябкин С. А. Функционирование имен прилагательных инструментальной семантики // Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 18. С. 82–93. EDN: POVOLR
10. Тихонов А. Н. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык. В 2 т. / А. Н. Тихонов, Р. И. Хашимов, Г. С. Журавлева и др., под общ. ред. А. Н. Тихонова, Р. И. Хашимова. Т. 1. 2-е изд., стер. М. : ФЛИНТА, 2014. 840 с.
11. Тихонов А. Н. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык. В 2 т. / А. Н. Тихонов, Р. И. Хашимов, Г. С. Журавлева и др., под общ. ред. А. Н. Тихонова, Р. И. Хашимова. Т. 2. 2-е изд., стер. М. : ФЛИНТА, 2014. 814 с.
12. Филлмор Ч. Дело о падеже (1968) // Новое в зарубежной лингвистике. III / Общ. ред. В. Ю. Розенцвейга, В. А. Звегинцева, Б. Ю. Городецкого. М. : Издательская группа «Прогресс», 1999. С. 127–259.
13. Холле М. В. Инструментальные придаточные предложения и местоименные наречия как формы выражения категории инструментальности в современном немецком языке : дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2000. 194 с. EDN: NLROLD
14. Шулежкова С. Г. История лингвистических учений. М. : Флинта: Наука, 2004. 400 с. ISBN: 5-89349-725-2 EDN: QRIWTH
15. Электронная версия Большой российской энциклопедии. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/269c.html> (дата обращения: март 2025).
16. Якобсон Р. О. К общему учению о падеже: общее значение русского падежа // Избранные работы. М. : Прогресс, 1985. С. 135–175.

17. Ямшанова В. А. Категория инструментальности в немецком языке. Л.: Ленинградский финансово-экономический институт, 1991. 150 с. EDN: TOYCTL
18. Яркова В. В. Особенности функционирования глаголов поля речи в аспекте актуализации инструментальности // Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 15. С. 53–64. EDN: IQINJH
19. Яркова В. В. Функциональная грамматика: к вопросу о концептуальном аппарате // Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 18. С. 35–53. EDN: DTXQEN

References

1. Arutyunova N. D. Yazyk tseli [Language of purpose]. *Logicheskiy analiz yazyka. Modeli deystviya* [Logical Analysis of Language. Models of Action]. Moscow, Nauka, 1992, pp. 14-23. (In Russ.).
2. Bagrintseva O. B., Zobnina O. A. Definitsonnyy analiz leksicheskikh edinit «ded» / «dedushka» po dannym russkogo yazyka [Definitional analysis of the lexical units "grandfather" / "grandfather" based on Russian language data]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya* [Humanities. History and Philology]. 2024, no. 13, pp. 86-92. (In Russ.). EDN: CFDQEG
3. Bogoroditskiy V. A. Obshchiy kurs russkoy grammatiki [General course of Russian grammar]. Moscow, Sotsekgiz, 1935, 356 p. (In Russ.).
4. Bondarko A V. Printsipy funktsional'noy grammatiki i voprosy aspektologii [Principles of functional grammar and issues of aspectology]. 2th ed., Moscow, Editorial URSS, 2001, 208 p. (In Russ.).
5. Vezhbitskaya A. Delo o poverkhnostnom padezhe [The Case of the Superficial Case]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New developments in foreign linguistics]. Moscow, Progress, 1985, iss. 15, pp. 303-341. (In Russ.).
6. Meye A. Vvedenie v sravnitel'noe izuchenie indoevropeyskikh yazykov [Introduction to the Comparative Study of Indo-European Languages]. Moscow, URSS, 2002, 510 p. (In Russ.).
7. Meshchaninov I. I. Ponyatiynye kategorii v yazyke [Conceptual categories in language]. *Trudy Voennogo instituta inostrannykh yazykov* [Proceedings of the Military Institute of Foreign Languages]. Moscow, MVIIYa, 1945, no. 1, pp. 5-15. (In Russ.).
8. Rozental' D. E., Telenkova M. A. Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov [Dictionary and reference book of linguistic terms]. 3th ed., Moscow, Prosveshchenie, 1985, 399 p. (In Russ.).
9. Ryabkin S. A. Funktsionirovanie imen prilagatel'nykh instrumental'noy semantiki [The functioning of adjectives of instrumental semantics]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya* [Humanities. History and Philology]. 2025, no. 18, pp. 82-93. (In Russ.). EDN: POVOLR
10. Tikhonov A. N. Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov i ponyatyi. Russkiy yazyk [Encyclopedic Dictionary and Reference Book of Linguistic Terms and Concepts. Russian Language]. Vol. 1, 2th ed., Moscow, FLINTA, 2014, 840 p. (In Russ.).
11. Tikhonov A. N. Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov i ponyatyi. Russkiy yazyk [Encyclopedic Dictionary and Reference Book of Linguistic Terms and Concepts. Russian Language]. Vol. 2, 2th ed., Moscow, FLINTA, 2014, 814 p. (In Russ.).
12. Fillmor Ch. Delo o padezhe (1968) [The Case of the Fall (1968)]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New developments in foreign linguistics]. Moscow, Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1999, pp. 127-259. (In Russ.).
13. Kholle M. V. Instrumental'nye pridatochnye predlozheniya i mestoimennye narechiya kak formy vyrazheniya kategorii instrumental'nosti v sovremennom nemetskom yazyke [Instrumental clauses and pronominal adverbs as forms of expression of the category of instrumentality in modern German]. PhD thesis. Saint Petersburg, 2000, 194 p. (In Russ.). EDN: NLROLD
14. Shulezhkova S. G. Istoriya lingvisticheskikh ucheniy [History of linguistic teachings]. Moscow, Flinta, Nauka, 2004, 400 p. (In Russ.). ISBN: 5-89349-725-2 EDN: QRIWTH

15. Elektronnaya versiya Bol'shoy rossiyskoy entsiklopedii [Electronic version of the Great Russian Encyclopedia]. (In Russ.). Available at: <http://tapemark.narod.ru/les/269c.html> (accessed: mart 2025).
16. Yakobson P. O. K obshchemu ucheniyu o padezhe: obshchee znachenie russkogo padezha [On the general teaching of case: the general meaning of the Russian case]. *Izbrannye raboty* [Selected Works]. Moscow, Progress, 1985, pp. 135-175. (In Russ.).
17. Yamshanova V. A. Kategoriya instrumental'nosti v nemetskom yazyke [The category of instrumentality in German]. Leningrad, Leningradskiy finansovo-ekonomicheskii institut, 1991, 150 p. (In Russ.). EDN: TOYCTL
18. Yarkova V. V. Osobennosti funktsionirovaniya glagolov polya rechi v aspekte aktualizatsii instrumental'nosti [Features of the functioning of verbs in the field of speech in the aspect of actualization of instrumentality]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya* [Humanities. History and Philology]. 2024, no. 15, pp. 53-64. (In Russ.). EDN: IQINJH
19. Yarkova V. V. Funktsional'naya grammatika: k voprosu o kontseptual'nom apparate [Functional grammar: on the issue of conceptual apparatus]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya* [Humanities. History and Philology]. 2025, no. 18, pp. 35-53. (In Russ.). EDN: DTXQEN

Информация об авторе

С. А. Рябкин – аспирант,

Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

S. A. Ryabkin – Postgraduate Student, Perm State University.

Статья поступила в редакцию 10.04.2025; одобрена после рецензирования 20.04.2025; принята к публикации 25.06.2025.

The article was submitted 10.04.2025; approved after reviewing 20.04.2025; accepted for publication 25.06.2025.

Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 3. С. 23–30.
Eurasian Humanitarian Journal. 2025. No. 3. P. 23-30.

Научная статья
УДК 81'366

КАТЕГОРИЯ ЭМОТИВНОСТИ В ФИЛОСОФИИ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИКЕ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ АНАЛИЗ

Лю Шушуай

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
1799062686@qq.com

Аннотация. Статья посвящена междисциплинарному исследованию категории эмотивности, объединяющему философские и лингвистические подходы. В работе прослеживается эволюция концепции эмоций в философии – от античных учений Аристотеля, рассматривавшего эмоции как проявление души, до современных феноменологических и когнитивных теорий Мерло-Понти и Нуссбаум, подчеркивающих культурную и телесную обусловленность эмоций. Особое внимание уделяется тому, как философская рефлексия повлияла на понимание эмоций не только как индивидуальных переживаний, но и как социально конструируемых явлений, формирующихся в процессе взаимодействия человека с окружающим миром. В лингвистическом аспекте анализируется роль эмотивности в функциональной грамматике, где эмоции рассматриваются сквозь систему языковых средств, включая лексику (эмоционально окрашенные слова), морфологию (уменьшительно-ласкательные суффиксы), синтаксис (экспрессивные конструкции) и просодию (интонацию, темп речи). Исследуется, как эти элементы взаимодействуют с прагматическими аспектами коммуникации, влияя на восприятие речи и формирование межличностных отношений. Актуальность темы особенно возрастает в контексте цифровой эпохи, где эмоциональный контент (эмодзи, стикеры, интонационные маркеры в голосовых сообщениях) играет важную роль в социальных взаимодействиях. Современные технологии не только трансформируют способы выражения эмоций, но и создают новые формы эмоционального обмена, что требует переосмысления традиционных лингвистических и философских моделей. Исследование демонстрирует, что синтез философского и лингвистического подходов углубляет понимание эмоций как сложного социально-когнитивного феномена, открывая новые перспективы для изучения коммуникации, образования и технологий. Такой междисциплинарный анализ позволяет не только расширить теоретическую базу, но и предложить практические решения для улучшения человеко-машинного взаимодействия, психолингвистики и методов преподавания иностранных языков.

Ключевые слова: эмотивность, философия эмоций, функциональная грамматика, междисциплинарный анализ, коммуникация.

Для цитирования: Лю Шушуай. Категория эмотивности в философии и функциональной грамматике: междисциплинарный анализ // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 3. С. 23–30.

Original article

THE CATEGORY OF EMOTIVITY IN PHILOSOPHY AND FUNCTIONAL GRAMMAR: AN INTERDISCIPLINARY ANALYSIS

Liu Shushuai

Perm State University, Perm, Russia, 1799062686@qq.com

Abstract. The article is devoted to an interdisciplinary study of the category of emotiveness, combining philosophical and linguistic approaches. The work traces the evolution of the concept of emotions in philosophy – from the ancient teachings of Aristotle, who considered emotions as a manifestation of the soul, to modern phenomenological and cognitive theories of Merleau-Ponty and Nussbaum, emphasizing the cultural and bodily determinacy of emotions. Particular attention is paid to how philosophical reflection influenced the understanding of emotions not only as individual experiences, but also as socially constructed phenomena formed in the process of human interaction with the surrounding world. The linguistic part analyzes the role of emotiveness in functional grammar, where emotions are considered through a system of linguistic means, including vocabulary (emotionally colored words), morphology (diminutive suffixes), syntax (expressive constructions) and prosody (intonation, speech rate). The article examines how these elements interact with the pragmatic aspects of communication, influencing speech perception and the formation of interpersonal relationships. The relevance of the topic is especially increasing in the context of the digital age, where emotional content (emoji, stickers, intonation markers in voice messages) plays a key role in social interactions. Modern technologies not only transform the ways of expressing emotions, but also create new forms of emotional exchange, which requires rethinking traditional linguistic and philosophical models. The study demonstrates that the synthesis of philosophical and linguistic approaches deepens the understanding of emotions as a complex socio-cognitive phenomenon, opening up new perspectives for the study of communication, education and technology. Such interdisciplinary analysis allows not only to expand the theoretical base, but also to offer practical solutions for improving human-machine interaction, psycholinguistics and methods of teaching foreign languages.

Keywords: emotionality, philosophy of emotions, functional grammar, interdisciplinary analysis, communication.

For citation: Liu Shushuai. The category of instrumentality: a linguistic perspective. Eurasian Humanitarian Journal. 2025;3:23-30. (In Russ.).

Введение

Категория эмотивности как объект изучения занимает «пограничное положение» между философией и лингвистикой, объединяя метафизические размышления о природе чувств и анализ их языкового воплощения. В философии эмотивность исследуется как элемент человеческого бытия, влияющий на этику, эстетику и теорию познания. В лингвистике она рассматривается сквозь призму языковых средств, структурирующих эмоциональный диалог. Разобраться в этом вопросе способствовали труды таких учёных, как Р. О. Якобсона [Якобсон 1960, 1975], выделившего эмотивную функцию языка, В. И. Шаховского [Шаховский 2012], разработавшего теорию эмотивной семантики, Ю. Д. Апресяна [Апресян 2006], исследующего эмоциональные коннотации в лексике. В

области функциональной грамматики особое место занимают труды А. В. Бондарко [Бондарко 1999, 2001, 2003, 2004, 2009], который разработал теорию функционально-семантического поля.

Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом к эмоциям как ключевому элементу коммуникации и познания. Понимание эмотивности позволяет глубже анализировать не только индивидуальные переживания, но и культурные, социальные и этические аспекты взаимодействия. Целью исследования является междисциплинарный анализ категории эмотивности, сопоставление философских концепций с принципами функциональной грамматики.

Основная часть

1. Категория эмотивности в философии

Для начала рассмотрим, что подразумевается под понятием «категория». Впервые данный термин использовал древнегреческий философ Аристотель в трактатах «Категории» и «Метафизика», где он использовал слово «категория» как в прямом его значении «высказывание», так и в переносном «утвердительно суждение, утвердительная посылка» [Энциклопедия эпистемологии и философии науки]. Аристотель выделил онтологический и логический аспекты категорий, рассматривая их как инструменты познания [Аристотель 2015: 56].

В последствии учение о категориях получило широкое развитие в трудах классиков немецкой философии – И. Канта и Г. Гегеля. Однако наиболее полное и исчерпывающее учение о категориях мы можем встретить в трудах марксистских философов, где под категорией понимают «форму осознания в понятиях всеобщих способов отношения человека к миру, отражающую наиболее общие и существенные свойства, законы природы и общества и мышления» [Философский словарь 1986: 191]. Благодаря использованию диалектического метода удалось выделить основные пары категорий: материя и движение, время и пространство, качество и количество и другие.

Теперь перейдём к рассмотрению категории эмотивности. Ядром эмотивности является понятие «эмоция», происходящее от латинского *emovere* – «волновать, возбуждать» [Мещеряков 2003: 567]. Известно, что Аристотель связывал эмоции с этическим совершенствованием, рассматривая их как основу «золотой середины» [Левит 2012]. В противоположность Аристотелю, И. Кант в «Критике практического разума» исключал эмоции из сферы морали, утверждая, что нравственный поступок должен совершаться из чувства долга [Апресян 2007], Г. Гегель, в свою очередь, интегрировал эмоции в диалектику исторического развития, рассматривая их как движущую силу саморазвития абсолютного духа. [Большая российская энциклопедия]. Б. Спиноза и Д. Юм рассматривали эмоции как модусы субстанции (Спиноза) [Спиноза 2001: 119–128] или основу мотивации (Юм) [Юм 1906: 12].

Новая философская энциклопедия даёт такое определение понятия эмоции (франц. *emotion*, от лат. *emoveo* – потрясаю, волную) – «класс психических состояний и процессов, выражающих в форме непосредственного пристрастного переживания значение отражаемых предметов и ситуаций для удовлетворения потребностей живого существа» [Новая философская энциклопедия]. Так, в настоящее время рассмотрение понятия эмоций ведётся в философии с позиции субъекта деятельности и его опыта.

В XX–XXI вв. изучение эмоций приобрело новые аспекты. Например, Морис Мерло-Понти в рамках феноменологии рассматривал аффективность как воплощенный опыт, неразрывно связанный с телесным присутствием в мире [Мерло-Понти 1999: 587]. Марта Нуссбаум развивала концепцию эмоций как социальных конструкторов, подчеркивая их зависимость от культурных нарративов и этических ценностей [Нуссбаум 2004: 207].

Таким образом, можно проследить, что понятие категории эмотивности в философии эволюционировало от аристотелевской этики умеренности до гегелевской диалектики духа и современных дискуссий о роли эмоций в морали. Если Аристотель и Д. Юм видели в эмоциях основу человеческой деятельности, то И. Кант и Б. Спиноза стремились подчинить их разуму. Г. Гегель же включил эмотивность в глобальный исторический процесс. Эти разнообразные подходы демонстрируют, что эмоции остаются центральной темой для понимания человеческой природы и их места в универсуме.

2. Категория эмотивности в функциональной грамматике

Категория эмотивности занимает важное место не только в философии, но и в лингвистике. С позиций эмотивности язык рассматривается как инструмент коммуникации, где грамматические структуры служат для передачи не только информации, но и эмоциональных состояний. Например, В. И. Шаховский и другие представители «коммуникативной концепции эмотивности» под эмотивностью понимают «результат преломления эмоционального компонента философской категории идеального в поле языка. Её конкретное содержание составляет обозначение различными языковыми средствами и в разной степени всего спектра эмоционального состояния человека в единстве и многообразии их уникальных свойств, в их качественном отличии от всего, что к эмоциональной сфере духовной жизни человека непосредственно не относится» [Шаховский 2012: 120]. Учёный подчеркивает, что эмотивные единицы не просто передают чувства, но и выполняют коммуникативную роль, влияя на адресата. Например, междометия («ой», «ах») или эмоционально окрашенная лексика («восхитительно», «ужасно») структурируют диалог, задавая его тональность.

Функциональная грамматика стала одним из ведущих направлений современного языкознания, в её рамках существуют различные подходы, которые предлагают свои способы функционального описания языка, «однако все разновидности функциональной грамматики объединяются общим пониманием языка как системы языковых средств, служащих для достижения определенных целей речевого общения» [Шелякин 2001: 3]. Так исследование категории эмотивности требует анализа взаимодействия языковых средств разных уровней с прагматическими и когнитивными аспектами коммуникации.

В рамках подхода Н. Д. Арутюновой эмотивность связана с функциональной семантикой, а эмоциональные значения встраиваются в речевые акты и влияют на выбор грамматических конструкций. Лингвист считает, что «эмоции пронизывают всю речевую деятельность человека, находя отражение в различных уровнях языковой системы – от морфологии до дискурса» [Арутюнова 1999: 215]. В то же время в функциональной грамматике предлагается изучать эмотивность сквозь призму функционально-семантических полей (ФСП). В работе «Теория функциональной грамматики» отмечается: «эмотивность следует рассматривать как поле, объединяющее разноуровневые средства выражения эмоций – лексические, морфологические,

синтаксические – в единую систему, функционирующую в речи» [Бондарко 1987: 102]. Такой подход позволяет выявить взаимодействие между грамматическими структурами и эмотивными значениями.

При этом эмотивность, как поле, включает в себя следующее.

1) Лексические единицы (например, эмоционально окрашенная лексика («радость», «гнев», «восхищение» и т. д.), междометия («ой», «ах»), экспрессивные метафоры («оттаивание курса рубля»). В китайском языке к этой группе относятся такие междометия как 啊 (ā), 咦 (yí), 嘿 (hēi), 嗨 (hāi) 嚯 (huò), 吓 (hē), 呦 (yōu), однако для китайских междометий одновременно велика роль просодических элементов, таких как тон, интонация, мимика, жесты (вплоть до полного изменения смысла). Например, 多好的人啊! – Ого, сколько народу! (удивление) 啊? 这是怎么回事? – В чём дело, а? (подозрение) [Калькова 2014: 119].

2) Морфологические средства (например, суффиксы субъективной оценки («домик», «ручонка»), формы повелительного наклонения, выражающие эмоциональный призыв («Послушай!»)); Например, «данный **домик** представляет собой развитие темы вспомогательных сооружений», «а здесь же чувствуется **ручонка** более опытных товарищей», «**послушай**, так получилось – здесь на фирме Новый год отмечают» [Корпус Лейпцигского университета].

3) Синтаксические конструкции (например, восклицательные предложения («Как прекрасно!»), эллипсисы («Ну и дела!»), инверсии).

Например, «О мания! О мумия Величия!» [Цветаева 2025] «Там русский дух... там Русью пахнет!» [Пушкин 2025].

Теория А. В. Бондарко нашла своё отражение в исследованиях Н. П. Сюткиной, где функциональная грамматика рассматривается как категориальный подход, направленный на описание семантических категорий через их языковое и речевое выражение. Автор выделяет эмотивно-каузативный комплекс, который формируется на основе взаимодействия эмотивности с другими семантическими категориями: экспрессивностью, интенсивностью и оценочностью [Сюткина 2019: 43–48, 52–57]. Это взаимодействие порождает эмотивно-экспрессивно-каузативный субкомплекс (экспрессивность усиливает эмотивность через образные средства, например, фразеологизмы), эмотивно-оценочно-каузативный (оценка эмоции как положительной / отрицательной, например, интенсификаторы «очень», «крайне»), эмотивно-интенсивно-каузативный (градация эмоционального воздействия, например, «безмерно осчастливил») [Сюткина 2019: 45–57]. Эмотивность в функциональной грамматике изучается не изолировано, а системно, в её связи с другими категориями, и её актуализация зависит от контекстуального окружения и коммуникативных интенций [там же: 79–81].

Исследование А. А. Афанасьевой также посвящено изучению функциональных особенностей эмотивных каузативов в русском и испанском языках. В работе дано описание механизмов межкатегориального взаимодействия каузативности и эмотивности, а также выявление их языковых репрезентаций [Афанасьева 2024: 3]. Так, автору удалось подтвердить гипотезу о системной множественности функций эмотивных каузативов, основанной на межкатегориальном взаимодействии [там же: 18].

Исследование эмотивности в рамках функциональной грамматики демонстрирует её сложную природу как категории, интегрирующей языковые средства различных уровней и прагматические аспекты коммуникации. Работы Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1999], А. В. Бондарко [Бондарко 1987], Н. П. Сюткиной [Сюткина 2019] и А. А. Афанасьевой [Афанасьева 2024] демонстрируют, что эмотивность – динамичное поле, границы которого определяются как языковой системой, так и речевыми практиками. Их исследования подчеркивают важность междисциплинарного подхода, объединяющего лингвистику, прагматику и когнитивистику, для понимания роли эмоций в коммуникации. Это открывает новые перспективы для изучения универсальных и специфических механизмов эмотивной репрезентации в разноструктурных языках.

Заключение

Исследование показало, что эмотивность занимает «междисциплинарное положение», объединяя философию и лингвистику. В философии эмоции изучаются в рамках этики, гносеологии и социальной теории, а в лингвистике исследуются языковые средства выражения эмоций и их роль в коммуникации. Синтез подходов демонстрирует влияние эмоций на социальное взаимодействие, культуру и когнитивные процессы. Философский анализ выявил эволюцию взглядов: от Аристотеля, связывавшего эмоции с этикой, до современных теорий, подчеркивающих их телесную и культурную обусловленность.

Лингвистический подход представляет эмотивность как систему языковых средств выражения эмоций, интегрированных в коммуникацию. Современные исследования включают психолингвистику и когнитивную науку, учитывая культурные различия в выражении эмоций при их универсальной основе. Практическое применение охватывает образование (междисциплинарные курсы), NLP (улучшение перевода и анализа тональности) и психолингвистику (терапевтические методики). Синтез философии и лингвистики углубляет понимание эмоций как сложных социально-когнитивных феноменов, открывая новые перспективы для изучения коммуникации.

Список литературы

1. Апресян Р. Г. И. Кант и этика морального чувства. 2007. URL: <https://iphras.ru/uplfile/ethics/biblio/Apressyan/Kant.html> (дата обращения: 23.02.2025).
2. Аристотель. Категории. М. : АСТ, 2015. 520 с.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999. 896 с. ISBN: 5-7859-0027-0 EDN: YLAWAR
4. Афанасьева А. А. Функциональные особенности эмотивных каузативов (на материале русского и испанского языков) : автореф. ... канд. филол. наук. Пермь, 2024. 20 с.
5. Калькова О. К., Юй Ч. Междометия как способ выражения эмоций в китайском языке // Территория новых возможностей. 2014. № 2 (25). С. 116–120. EDN: SZTEML
6. Корпус Лейпцигского университета. URL: <https://corpora.uni-leipzig.de/> (дата обращения: 23.02.2025).
7. Левит Л. З. Личностно-ориентированная концепция счастья: теория и практика. 2012. URL: <https://msupsyj.ru/articles/article/2609/> (дата обращения: 23.02.2025).
8. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / Пер. с франц. под ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. М. : Ювента, Наука, 1999. 608 с. ISBN: 5-02-026807-0 EDN: QWJLFB

9. Мещеряков Б. Г., Зинченко В. П. Большой психологический словарь. М. : Прайм-Еврознак, 2003. 567 с. EDN: TDNOGT
10. Новая философская энциклопедия. 2018. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHc26f3aa36526f7c63ca4c2> (дата обращения: 23.02.2025).
11. Пушкин А. С. Культура РФ. 2025. URL: <https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Fwww.culture.ru%2Fpoems%2F4447%2Fu-lukomorya-dub-zelyonyi-otryvok-iz-poemy-ruslan-i-lyudmila&utf=1> (дата обращения: 23.02.2025).
12. Спиноза Б. Этика. М. : АСТ, 2001. 336 с.
13. Сюткина Н. П. Функционирование эмотивных каузативов (на материале русского и немецкого языков) : дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2019. 239 с. EDN: TWDJDZ
14. Философский словарь. М. : Издательство политической литературы, 1986. 589 с.
15. Цветаева М. Культура РФ. 2025. URL: <https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Fwww.culture.ru%2Fpoems%2F33704%2Fgermanii&utf=1> (дата обращения: 23.02.2025).
16. Шелякин М. А. Функциональная грамматика русского языка. М. : Русский язык, 2001. 288 с.
17. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. URL: https://gufo.me/dict/epistemology_encyclopedia/_%D0%9A%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%B8 (дата обращения: 23.02.2025).
18. Юм Д. Трактат о человеческой природе. Юрьев : типография Бергмана, 1906. 312 с.
19. Nussbaum M. C. Hiding from Humanity: Disgust, Shame, and the Law. Princeton University Press, 2004. 432 p.

References

1. Apresyan R. G. I. Kant i etika moral'nogo chuvstva [Kant and the Ethics of Moral Sense]. 2007. (In Russ.). Available at: <https://iphras.ru/uplfile/ethics/biblio/Apressyan/Kant.html> (accessed 23.02.2025).
2. Aristotel'. Kategorii [Aristotle. Categories]. Moscow, AST, 2015, 520 с. (In Russ.).
3. Arutyunova N. D. Yazyk i mir cheloveka [Language and the world of man]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury, 1999, 896 p. (In Russ.). ISBN: 5-7859-0027-0 EDN: YLAWAR
4. Afanas'eva A. A. Funktsional'nye osobennosti emotivnykh kauzativov (na materiale russkogo i ispanskogo yazykov) [Functional features of emotive causatives (based on Russian and Spanish languages)]. PhD dissertation abstract. Perm, 2024, 20 p. (In Russ.).
5. Kal'kova O. K., Yuy Ch. Mezhdometiya kak sposob vyrazheniya emotsiy v kitayskom yazyke [Interjections as a way of expressing emotions in Chinese]. *Territoriya novykh vozmozhnostey* [Territory of new opportunities]. 2014, no. 2 (25), pp. 116-120. (In Russ.). EDN: SZTEML
6. Korpus Leyptsigskogo universiteta [Leipzig University building]. (In Russ.). Available at: <https://corpora.uni-leipzig.de/> (accessed: 23.02.2025).
7. Levit L. Z. Lichnostno-orientirovannaya kontseptsiya schast'ya: teoriya i praktika [A Person-Oriented Concept of Happiness: Theory and Practice]. 2012. (In Russ.). Available at: <https://msupsyj.ru/articles/article/2609/> (accessed: 23.02.2025).
8. Merlo-Ponti M. Fenomenologiya vospriyatiya [Merleau-Ponty M. Phenomenology of perception]. Moscow, Yuventa, Nauka, 1999, 608 p. (In Russ.). ISBN: 5-02-026807-0 EDN: QWJLFB
9. Meshcheryakov B. G., Zinchenko V. P. Bol'shoy psikhologicheskiy slovar' [Large Dictionary of Psychology], Moscow, Praym-Evroznak, 2003, 567 p. (In Russ.). EDN: TDNOGT
10. Novaya filosofskaya entsiklopediya [New Philosophical Encyclopedia]. 2018. (In Russ.). Available at: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHc26f3aa36526f7c63ca4c2> (accessed: 23.02.2025).

11. Pushkin A. S. Kul'tura RF [Culture of the Russian Federation]. 2025. (In Russ.). Available at: <https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Fwww.culture.ru%2Fpoems%2F4447%2Fu-lukomorya-dub-zelyonyi-otryvok-iz-poemy-ruslan-i-lyudmila&utf=1> (accessed: 23.02.2025).
12. Spinoza B. Etika [Ethics]. Moscow, ACT, 2001, 336 p. (In Russ.).
13. Syutkina N. P. Funktsionirovanie emotivnykh kauzativov (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov) [The Functioning of Emotive Causatives (Based on the Russian and German Languages)]. PhD thesis. Perm, 2019, 239 p. (In Russ.). EDN: TWDJDZ
14. Filosofskiy slovar' [Philosophical Dictionary]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1986, 589 p. (In Russ.).
15. Tsvetaeva M. Kul'tura RF [Culture of the Russian Federation]. 2025. (In Russ.). Available at: <https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Fwww.culture.ru%2Fpoems%2F33704%2Fgermanii&utf=1> (accessed: 23.02.2025).
16. Shelyakin M. A. Funktsional'naya grammatika russkogo yazyka [Functional grammar of the Russian language]. Moscow, Russkiy yazyk, 2001, 288 p. (In Russ.).
17. Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki [Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science]. (In Russ.). Available at: https://gufo.me/dict/epistemology_encyclopedia/_%D0%9A%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%B8 (accessed: 23.02.2025).
18. Yum D. Traktat o chelovecheskoy prirode [A Treatise on Human Nature]. Yur'ev, tipografiya Bergmana, 1906, 312 p. (In Russ.).
19. Nussbaum M. C. Hiding from Humanity: Disgust, Shame, and the Law. Princeton University Press, 2004. 432 p.

Информация об авторе

Лю Шушуй – аспирант,

Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

Liu Shushuai – Post Graduate Student, Perm State University.

Статья поступила в редакцию 20.03.2025; одобрена после рецензирования 20.04.2025; принята к публикации 25.06.2025.

The article was submitted 20.03.2025; approved after reviewing 20.04.2025; accepted for publication 25.06.2025.

Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 3. С. 31–41.

Eurasian Humanitarian Journal. 2025. No. 3. P. 31-41.

Научная статья

УДК 81'42

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА ДИСКУРСА «СПОРТИВНЫЙ ФИТНЕС» В США¹

Елена Евгеньевна Андросова¹, Полина Евгеньевна Андросова²

^{1,2}Амурский государственный университет, Благовещенск, Россия,
androsova.lena.2005@gmail.com

Аннотация. Цель статьи – выявить лексические особенности речи тренеров во время тренировок, фокусируясь на общих и отличительных моментах разных направлений современного фитнеса. Материалом для настоящей статьи послужило вербальное сопровождение видео тренировок по трем направлениям: кардио, йога и силовая с весами. Тренировки велись тремя сертифицированными популярными инструкторами-американцами (двумя женщинами и одним мужчиной, 27–35 лет). Общая длительность материала составила 16 минут 30 секунд. Для обработки материала использовались слуховой метод и метод классификации, контекстуальный анализ и простой количественный подсчет. В результате выделено пять тематических групп лексических единиц: 1) глаголы движения телом и его частями, 2) название видов тренировок, 3) части тела, 4) названия упражнений, 5) мотивирующая лексика. Самыми многочисленными оказались группы 1, 3 и 4. Меньше всего терминов зафиксировано среди глаголов движения, а больше всего – среди названий тренировок и упражнений, в группе 5 терминов не выявлено. В группах 3 и 4 проявилась разница между тремя изученными направлениями. Отмечен ряд профессиональных жаргонизмов, граничащих со сленгом, часть которых представляет собой сокращения и уменьшительно-ласкательные формы. Наконец, среди мотивирующей лексики терминов и полутерминов не выявлено. Группы 1, 3 и 4 оказались одинаково характерными для всех трех направлений тренировок, группа 5 не встретилась в вербальном сопровождении йоги. Это обусловлено динамичностью кардио и силовых тренировок и медитативным характером йоги.

Ключевые слова: спортивный дискурс, жанр спортивного фитнеса, лексическая единица, тематическая группа, термин, сленг, мотивирующая лексика

Для цитирования: Андросова Е. Е., Андросова П. Е. Лексические особенности жанра дискурса «спортивный фитнес» в США // Евразийский гуманитарный журнал 2025. № 3. С. 31–41.

Original article

LEXICAL PATTERNS OF FITNESS WORKOUT IN THE USA

© Лю Шушуй, 2025

¹ Благодарности. Авторы статьи выражают искреннюю своему научному руководителю, доктору филологических наук, профессору, профессору кафедры иностранных языков Андросовой Светлане Викторовне за неоценимую помощь и консультации по предмету и объекту исследования.

Polina E. Androsova¹, Elena E. Androsova²

^{1,2} Amur State University, Blagoveshchensk, Russia, androsova.lena.2005@gmail.com

Abstract. The paper investigates lexical patterns that American fitness instructors currently use to conduct online workouts with the focus on common and specific features of the patterns. The material was selected from video workouts representing 3 types of fitness training: cardio, Yoga and strength. The speakers were renown certified American instructors (two women and a man, aged 27–35). The total duration of the material was 16 minutes 30 seconds. We processed the material using auditory, classification and quantitative methods along with contextual analysis. As a result, 5 thematic groups of lexical units were selected: 1) verbs describing body moves and its parts moves, 2) names of workouts, 3) body parts, 4) names of exercise types, 5) motivating vocabulary. Groups 1, 3 and 4 turned the largest. Terms were least frequent in Group 1 and most frequent in groups 2 and 4. No terms were found in group 5. Besides terms, we identified professional and general slang, acronyms and diminutive word forms. Groups 3 and 4 displayed features specific for the three types of workouts. Units from Groups 1, 3 and 4 were present in all 3 types of workouts equally, units from group 5 were not present in Yoga workout. It can be explained by higher dynamism of cardio and strength workouts and meditative atmosphere of Yoga.

Keywords: sports discourse, sport fitness genre, lexical unit, thematic group, term, slang, motivating vocabulary

For citation: Androsova E. E., Androsova P. E. Lexical patterns of fitness workout in the USA. Eurasian Humanitarian Journal. 2025;3:31-41. (In Russ.).

Введение

Физическая активность во все времена остаётся важнейшей составляющей для поддержания здоровья человека. В современном мире занятия спортом нередко отодвигаются на второй план, и причины данной тенденции всем широко известны. Однако с появлением видеохостинга YouTube, социальных сетей по типу Instagram, а также специализированных приложений для самостоятельных занятий спортом, где можно детально разобрать технику упражнений, фитнес стал доступен намного большему количеству людей, (см., напр., исследование фитнес дискурса в Instagram [Karageorgou 2020]).

Вышеупомянутые интернет-платформы позволяют ознакомиться в том числе и с материалом на иностранном языке, что неизбежно приводит к культурному обмену в рамках фитнес сообщества. О. В. Костромина и П. Е. Бражникова говорят о данном феномене в своём исследовании на тему влияния глобализации на спортивный дискурс, подчёркивая положительный результат взаимодействия инфлюенсеров в сфере фитнеса [Костромина, Бражникова 2024].

Благодаря записанным видеороликам с объяснением фитнес инструкторами техники и демонстрацией упражнений, мы можем изучить лингвистические и экстралингвистические особенности дискурса спортивного фитнеса.

Дискурс спортивного фитнеса является разновидностью институционального дискурса гибридного характера, совмещающего элементы собственно спортивного, образовательного, развлекательного и разговорного видов дискурса (см. подробнее об институциональности и гибридизации в [Зильберт 2001; Гетман, Осадчая 2021; Алексеев 2023]).

Задачей изучения спортивного дискурса является повышение эффективности взаимодействия участников спортивной сферы [Гетман, Осадчая 2021]. Это взаимодействие

во многом носит вербальный характер, поскольку хороший тренер подробно комментирует технику выполнения упражнения и описывает эффекты, которые испытывают тренирующиеся во время его выполнения. Однако на данный момент языковые особенности спортивного дискурса исследованы недостаточно.

В ходе анализа ранее опубликованных исследований нам удалось обнаружить работы, посвящённые изучению русскоязычной и иностранной терминологии сферы фитнеса, теоретической и структурной составляющих спортивного дискурса, а также особенностей спортивного комментария и журнализма.

Одна из известных классификаций лексики спортивного дискурса была предложена А. Б. Зильбертом, разделившим ее на терминологическую, полутерминологическую, жаргонную, отдельно выделяя пограничную группу фразеологии спорта [Зильберт 2001]. Лексическое разнообразие данного вида дискурса кроется во взаимосвязи текстов спортивной направленности с текстами других видов дискурса, иными словами – интертекстуальности [там же]. О данной характеристике спортивного дискурса наряду с разностильностью, демократизацией, энергичностью, креативностью и шоуизацией изложения пишет и Е. И. Стефановская, упоминая и социальные особенности спортивной лингвосистемы: общезначимость материала, массовость и неоднородность аудитории, наличие обратной связи [Стефановская 2023].

Терминологическую составляющую спортивного дискурса освещают И. Б. Павлюк и Н. В. Тененёва. В результате анализа терминологического словаря выделено три основных терминологических поля английской спортивной лексики: спорт, медицина и питание [Павлюк 2013]. Показаны способы и источники пополнения терминологии фитнеса, в частности за счет заимствования терминологии из анатомии, медицины и нутрициологии, а также заимствований из разных видов физической активности (хореография, восточные практики, спорт) [Тененёва 2020].

Исследованы стилистические особенности спортивного дискурса в жанре смешанных единоборств [Алексеев 2023]. В качестве характерных особенностей отмечено большое количество эпитетов и метафор. Автором также подмечены гибридный характер жанра, употребление разговорной лексики и явная развлекательная направленность.

Не обойдены вниманием и фонетические особенности спортивного дискурса. В частности, исследована просодия эмоций в речи футбольных комментаторов на британском, русском, немецком и китайском материале [Корыткин, Андросова 2016; Лихачев 2017; Лю 2024; Лю, Андросова 2024; Лю 2025].

Наше внимание привлёк американский фитнес, поскольку современная версия фитнеса (не считая античные спортивные практики древних греков и римлян и не учитывая не менее древние практики восточных единоборств) возникла именно в США, была популяризирована в 1970-е гг. XX в., а в 90-е гг. ее модель была перенесена в Россию (подробнее историю вопроса см. в [Сайкина 2013]). С тех пор эта индустрия развилась в весьма популярную. Ведущим американским фитнес-инструкторам подражают коллеги всего мира.

Изучение данного жанра дискурса весьма актуально, поскольку спортивный фитнес в настоящее время – это самые массовые занятия активным (а не зрелищным) спортом, что вносит вклад в оздоровление нации. Эффективное вербальное поведение фитнес тренера

неизбежно вовлекает в занятия большее количество людей. Указанные обстоятельства обусловили выбор данного объекта исследования.

Цель настоящего исследования – выявить лексические особенности речи тренеров во время тренировок, фокусируясь на общих и отличительных моментах разных направлений современного фитнеса.

Основная часть

Материал и методика исследования

В обрабатываемый материал вошли видео-тренировки трех разных направлений: расслабляющая йога¹, высокоинтенсивная тренировка (кардио-тренировка)² и силовая тренировка на все тело (фулл-боди)³. Тренировки были выбраны из доступного материала серий занятий «Fit Sugar» на платформе «PS Fit», записанные при поддержке компании «Athleta», производящей спортивную одежду. Видео-тренировки были скачаны с видеохостинга YouTube. Записи датируются 2023–2024 гг., что дает возможность изучить самые современные тенденции использования лексики. Для данной статьи было решено взять по 5 минут из каждой тренировки. Всего обработано 16 минут 30 секунд речевого сопровождения указанных тренировок.

В качестве информантов выступило три тренера (две женщины и один мужчина), носители американского варианта английского языка (General American). Согласно информации на личных страницах, все тренеры прошли профессиональную сертификацию. Сама же платформа пользуется огромной популярностью, на канале 6,58 млн подписчиков; на страницах тренеров, которым доверяют мировые звезды сферы развлечения и кино, сотни тысяч подписчиков.

Особо отметим, что три эксперта-фонетиста, специализирующихся в английском языке, диалектных черт в употреблении лексики, грамматики и фонетики не обнаружили. Исключение составила интонация мужчины афроамериканца. Поскольку рассмотрение фонетических особенностей, в том числе интонационных, в задачи нашей статьи не входило, то ими на данном этапе исследования можно пренебречь.

С помощью слухового анализа был сделан транскрипт речи тренеров и единичных реакций обратной связи от тренирующихся. Далее был подсчитан темп речи (без вычета пауз), единица измерения – количество слов (для этой задачи – именно слов, разделенных пробелами, а не лексических единиц) в минуту (сл./мин.). Наконец, с опорой на вышеупомянутую классификацию лексики А. Б. Зильберта и конкретную тематическую область лексической единицы, было сделано распределение по группам. Перевод выполнен авторами данного исследования с учетом контекста употребления в каждом случае.

Обсуждение результатов

Прежде всего следует отметить высокую речевую плотность исследуемых тренировок. Тренерами делались небольшие дыхательные и смысловые паузы, все движения и особенности дыхания постоянно комментировались. В целом пауз в исследуемой речи было немного, речь шла сплошным потоком.

¹ https://youtu.be/j8JulvnJ-QI?si=W6_lOghB2S8pXi12

² <https://youtu.be/aLEagaffYSU?si=RtazY997WhlZK-Wv>

³ https://youtu.be/X9_ZyijDPfM?si=MXwDo43dsG5CxGfG

Была отмечена связь между темпом речи и направлением тренировок. Йога является расслабляющим и медитативным направлением, для которого характерен достаточно медленный темп речи и более длинные дыхательные паузы (имеются в виду паузы на дыхательных упражнениях). В то же время два других направления являются динамичными, для которых свойственно ускорение темпа речи и значительно более короткие дыхательные паузы.

Всего в выборке было реализовано 2767 слов. В кардио-тренировке было использовано 841 слово за 4 минуты 51 секунду. Тренером по йоге было использовано 938 слов за 5 минут 33 секунды. В силовой тренировке на все тело было употреблено 988 слов за 5 минут 22 секунды. Соответственно, темп речи составил 173 сл./мин., 169 сл./мин. и 183 сл./мин. Таким образом количество слов за единицу времени у двух тренеров-женщин (по кардиотренировке и йоге) можно считать полностью сопоставимым, темп речи тренера-мужчины на силовой тренировке оказался немного быстрее.

Выявленная градация темпа полностью соответствует вышеуказанным характеристикам трех направлений, однако контраст темпа между кардио и йогой оказался меньше ожидаемого. Оба тренера, по слуховым впечатлениям, артикулируют примерно с одинаковой скоростью, однако общая длительность пауз у тренера по йоге больше за счет элементов дыхательной гимнастики (медленные вдохи и выдохи), при этом остальные паузы сведены к минимуму.

Лексические единицы, характерные для дискурса спортивного фитнеса, были сгруппированы следующим образом: 1) глаголы движения телом и его частями (включая неличные формы), сопровождающиеся соответствующими предлогами и наречиями направления, 2) название видов тренировок, 3) части тела, 4) названия упражнений, 5) мотивирующая лексика..

Группа 1 *jumping those feet out* 'Вытягивая ноги в стороны'; *facing forwards* 'глядя вперед'; *expanding ourselves* 'глядя вперед'; *gonna go all the way down to the ground and extend up to our tippy toes* 'мы будем опускаться до самой земли и вытягиваться до кончиков пальцев ног'; *(go) up high to the sky* 'высоко в небо'; *breathe down into that belly* 'вдохните в (этот живот)'; *get up and over that net* 'поднимитесь и перелезьте через (эту сетку)'; *jump it up* 'подпрыгните (через нее)'; *go into a foot reach* 'подойдите на расстояние вытянутой ноги'; *go up and across it* 'поднимитесь и пересеките ее'; *go down to your side* 'опуститесь (на бок)'; *get that ball up* 'поднимите мяч вверх'; *slap it up* 'хлопните по нему'; *tap it down to the ground and out* 'опустите его на пол и вытяните вперед'; *shift it across* 'заведите (ногу, руку) в перекрестном направлении' (упражнение «конькобежец»); *squeeze those shoulder blades down and back* 'сведите лопатки вниз и отведите назад'; *shuffle it out* 'перемешайте движения'; *inhale through your nose* 'вдохните через нос'; *roll your shoulders up* 'расправьте плечи'; *exhale out the mouth* 'выдохните через рот'; *drop them down* 'опустите их вниз'; *sip in* 'вдохните'; *sigh it out* 'выдохните'; *sit the hips back into* 'отведите бедра назад в положение'; *lean forward* 'наклонитесь вперед'; *sweep the arms back* 'отведите руки назад'; *squeeze back* 'сожмите их'.

Глагол *go* в данной группе самый частотный. Он употребляется в нескольких значениях, связанных с движением: подойти, наклониться, (по/вы)тянуться, опуститься, пересечь и т. п. В этих же значениях употребляются и глаголы *get*, *extend*. Отметим также употребление синонимичных глаголов дыхания *breath in / inhale* и *breathe out / exhale*, обозначающих вдох и

выдох. Как видим, в целом, глаголы движения телом и его частями достаточно разнообразны. Большая часть этих глаголов не являются терминами и имеют очень широкое употребление. Исключение составляют глаголы *inhale*, *exhale*, которые носят формальный, возможно полутерминологический, характер и употребляются в сферах спорта и медицины.

Группа 2: *yoga* 'йога'; *HIIT cardio workout* 'высокоинтенсивная интервальная кардиотренировка'; *outdoor workout* 'тренировка на свежем воздухе'; *full-body weighted workout* 'тренировка на все тело с весами'; *dance class* 'танцевальное занятие'. Данная группа оказалась самой малочисленной ввиду того, что было взято лишь три направления фитнеса. Здесь лексика является терминологической и относится только к спортивному дискурсу.

Группа 3: *body* 'тело'; *belly* 'живот'; *feet* 'ступни'; *toes* 'пальцы ног'; *spine* 'позвоночник'; *chest* 'грудь'; *knee* 'колени'; *elbow* 'локоть'; *core* 'прямая мышца живота'; *hip* 'бедро'; *bootie / butts* 'ягодицы'; *arm* 'рука'; *finger* 'палец'; *pelvic floor* 'мышцы тазового дна'; *navel / belly button* 'пупок'; *head* 'голова'; *legs* 'ноги'; *hand* 'кисть'; *shin* 'голень'; *chin* 'подбородок'; *fingertips* 'кончики пальцев'; *back knee* 'задняя часть колена'; *ankle* 'лодыжка'; *abdominal muscles/abs/ab* 'мышцы живота/пресс'; *shoulder* 'плечо'; *throat* 'горло'; *nose* 'нос'; *hammys* 'бицепс бедра'; *calves* 'икры'; *lower body* 'нижняя часть тела'; *upper back* 'верхняя часть спины'; *rhomboids* 'ромбовидные мышцы'; *posterior chain* 'цепь задних мышц: от мышц выпрямляющих позвоночник до бицепса бедра'.

Группа частей тела весьма многочисленна. В нее вошли как существительные нетерминологического характера (*body*, *feet*, *chest*, *elbow* и т. д.) в том числе относящиеся к разговорному стилю (*navel / belly button*), которых оказалось большинство, так и термины, которые могут относиться и к спорту, и к медицине (*abdominal muscles*, *rhomboids*, *posterior chain*). Отметим также употребление профессиональных жаргонизмов в уменьшительно-ласкательной и сокращенной форме, граничащих со сленгом: *hammys* (=hamstrings), *abs/ab* (=abdominal muscles), *bootie / butts*.

Группа 4: *jumping jacks* 'прыжок на месте «звездочка»'; *Utkatasana chair pose* 'поза Уткатасана / поза стула'; *Ujjayi breath* 'дыхание Уджайи'; *a beast position* 'поза зверя'; *squat* 'приседания'; *jumps* 'прыжки'; *jump squats* 'приседания в прыжке'; *step outs* 'шаги в сторону'; *warmup* 'разминка'; *ground taps* 'касания пола'; *high knee hop* 'высокий прыжок через колени'; *cross reaches* 'перекрестное скручивание'; *punches with a knee drive* 'удар с поднятием колена'; *knee clap* 'хлопок по колену'; *ball slams* 'удар по мячу'; *cross jacks* 'Джэк со скручиванием'; *criss cross* 'крест накрест'; *twisting* 'скручивание'; *double unders* 'двойные скручивания'; *high crescent lunge/high lunge position* 'высокий выпад в виде полумесяца / поза высокого выпада в высоту'; *warrior three position* 'поза воина три'; *Uttanasana forward fold* 'Уттанасана с наклоном вперед'; *root lock of Mula Bandha* 'мула Бандха с фиксацией'.

В этой группе особенно хорошо вербализована разница между тремя изучаемыми направлениями фитнеса. Наряду с лексикой, относящейся к любому виду тренировки (напр., *warmup*, *ground taps*), встречаются названия упражнений, специфичные только для йоги (напр., *a beast position*, *warrior three position*) или только для кардио тренировки (напр., *step outs*, *high knee hop*), или только для силовой тренировки в том числе с весами (напр., *cross reaches*, *double unders*).

Группа 5: *This is a, whoa; we're whoa* 'Это, ого-го, мы, ого-го'; *Don't be mad at me, love me for it* 'Не сердитесь на меня, спасибо мне за это скажешь'; *I got you, right?* 'Я с тобой,

хорошо?'; *Here we go. Good* 'Так держать. Хорошо'; *That's right, we're absolutely rocking it* 'Да вот так, у нас совершенно потрясно получается'; *beautiful* 'красота'; *it's gonna be done before you know it* 'ты и оглянуться не успеешь, как доделаешь'; *push through* 'поднажми'; *give me your all for that one time* 'а теперь выложись до конца'; *we're moving on* 'работаем дальше'; *I challenge you to stick with mine (with my pace)* 'Преодолей себя и не отставай от меня (от моего темпа)'; *pump it up* 'поднажми'; *up your / the game* 'усложним задачу / приложим больше усилий'; *We're almost there* 'Мы почти у цели'; *hit it, don't quit it* 'давай, не останавливайся'; *We're gonna chop it up* 'Зададим жару'.

В данной группе собраны лексические и пограничные фразеологические единицы, мотивирующие продолжать тренировку, заставляющие поднажать, полностью выложиться, но в то же время указывающие на близость к цели (окончанию упражнения, сета или всей тренировки), подчеркивающие правильность и красоту движений тренирующихся и то, как замечательно они работают (в более широком контексте интересующие единицы выделены жирным курсивом). Среди этих единиц нет терминов. Напротив, прослеживаются явный разговорный стиль и высокая степень эмоциональности фраз в целом, в том числе за счет эмоциональной лексики (напр., *whoa, absolutely rocking*, etc.). Использование таких единиц не только мотивирует, но и в какой-то мере развлекает клиентов, что полностью соответствует современной тенденции спортейнмента, отмеченной в [Алексеев 2023]. Особо отметим, что данная группа оказалась совершенно не характерной для направления йоги и в равной степени характерной для кардио и силовой тренировок.

В завершение анализа несколько слов скажем о единичных репликах обратной связи от тренирующихся. Они в основном содержали эмоциональную (положительную) оценку выполняемых упражнений (*good, love, right, absolutely*), а также термины употребляемые тренером.

Например:

Тренер:

00:03:59 — *Good, extending, a little sneaky ab move in there. That's right, we're absolutely rocking it. I brought out the cheese, I'm sorry. Come on, up and across. I love cheese.*

Тренер:

00:04:10 – *I love sneaky abs.*

Тренирующийся:

00:04:12 – *Little sneaky abs, everybody loves little sneaky abs.*

Нельзя не обратить внимание на использование сочетания прилагательных *little sneaky*, которое имеет отрицательное значение 'коварненькие', но с помощью глагола *love* переводится в положительное эмоциональное русло.

Заключение

Исследование, выполненное на материале вербального сопровождения фитнес тренировок трех разных направлений – йога, кардио и силовая с весами, – проведенных тремя тренерами-американцами, носителями стандартного американского произношения (двумя женщинами и одним мужчиной) позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, речь тренеров в целом характеризуется довольно высокой вербальной плотностью, при этом самая интенсивная тренировка характеризуется самым быстрым

темпом речи. Во-вторых, в ходе всех тренировок употреблялась разнообразная лексика. Всего в материале было выделено пять тематических групп лексических единиц, характерных для дискурса спортивного фитнеса:

- 1) глаголы движения телом и его частями;
- 2) названия видов тренировок;
- 3) части тела;
- 4) названия упражнений;
- 5) мотивирующая лексика.

Самыми многочисленными оказались группы 1, 3 и 4. Меньше всего терминов зафиксировано среди глаголов движения, а больше всего – среди названий тренировок и названий упражнений. В последних особенно хорошо проявлялась разница между тремя изученными направлениями.

Отмечен ряд профессиональных жаргонизмов, граничащих со сленгом, часть которых представляет собой сокращения и уменьшительно-ласкательные формы. Наконец, среди мотивирующей лексики терминов и полутерминов не выявлено. Если группы 1, 3 и 4 оказались одинаково характерными для всех трех направлений тренировок, то единицы группы 5 не встретились в вербальном сопровождении йоги, что обусловлено динамичностью кардио и силовых тренировок и медитативным характером йоги.

Перспективу данной работы составит изучение грамматических и фонетических особенностей устного фитнес дискурса. Первые будут предполагать анализ представленности и частотности типов предложений и частеречных категорий, а вторые – частотность естественных модификаций и явлений связной речи, а также особенностей просодического оформления. Интересно было бы также обратиться к различиям в лингвокультуре американских и русских фитнес инструкторов.

Список литературы

1. Алексеев А. Б. Некоторые лингвостилистические особенности англоязычного дискурса смешанных единоборств // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9. № 2. С. 5–19. DOI: 10.22250/24107190_2023_9_2_5 EDN: ABKLAE
2. Бобырева Н. Н., Зорина А. В. Лексические особенности медийного дискурса фигурного катания (на материале новостных статей сайта ISU) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2021. № 3 (42). С. 64–69.
3. Гетман Е. И., Осадчая В. П. Спортивный дискурс как один из видов институциональных дискурсов // Интегрированные коммуникации в спорте и туризме: образование, тенденции, международный опыт. 2021. № 1. С. 47–53. EDN: FTOOGW
4. Жолос Л. М., Косарева Е. С. Лексические, грамматические и стилистические особенности спортивного дискурса // Гуманитарные и социальные науки. 2024. Т. 103. № 2. С. 80–85. DOI: 10.18522/2070-1403-2024-103-2-80-85 EDN: EVYUEB
5. Зильберт А. Б. Спортивный дискурс: точки пересечения с другими дискурсами (проблемы интертекстуальности) // Язык, сознание, коммуникация. 2001. Вып. 19. С. 103–112.
6. Корыткин Ю. А., Андросова С. В. Просодические средства выражения эмоциональной составляющей в английском и русском футбольном комментарии // Вестник Московского гос. лингв. ун-та. 2016. № 2 (741). С. 62–74. EDN: YNHKEC

7. Костромина О. В., Бражникова П. Е. Использование англоязычных терминов в фитнесе и спорте: влияние глобализации на физическую культуру // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 9-2 (96). С. 53–57. DOI: 10.24412/2500-1000-2024-9-2-53-57 EDN: TGANVL
8. Лихачев Э. В. Вариативность просодических комплексов актуализации футбольного комментария (на материале немецкого языка) : автореф. дис.... канд. филол. наук: 10.02.04. Нижний Новгород, 2017. 23 с. EDN: XBNXFQ
9. Лущиков В. А., Терских М. В. Жанрово-тематические и языковые особенности видеоблогов // Вестник Тамбовского ун-та. Сер.: Общественные науки. 2018. Т. 4. № 14. С. 57–75. EDN: YLRQTI
10. Лю Х., Андросова С. В., Просодические корреляты эмоциональности футбольного комментария: основной тон (на материале китайского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Вып. 1. С. 147–153. DOI: 10.30853/phil20240022 EDN: LKQBWO
11. Лю Х. Взаимодействие компонентов интонации при различной эмоциональной нагрузке в китайском футбольном комментарии // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10. № 3. С. 85–97. DOI: 10.22250/24107190-2024-10-3-85 EDN: PNYTYI
12. Лю Х. Восприятие уровня эмоциональности и вида эмоции в китайском футбольном комментарии // Казанская наука. 2025. № 1. С. 350–353. EDN: LEHWHX
13. Павлюк И. Б. Лексико-тематические поля англоязычной терминосистемы фитнеса // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2013. № 7 (30). С. 85–94. EDN: RLTJFN
14. Сайкина Е. Г. Исторические этапы развития фитнеса и его идеология // Фитнес: теория и практика. 2013. № 1. URL: fitness.esrae.ru/ru/2-4 (дата обращения: март 2025).
15. Стефановская Е. И. Современный спортивный дискурс: структурный и функционально-прагматический аспекты // Вестник Гродненского гос/ ун-та им. Янки Купалы. Сер. 3. Филология. Педагогика. Психология. 2023. Т. 13. № 1. С. 68-76. EDN: GNYCFX
16. Тененёва Н. В. Развитие англоязычной терминологии фитнеса: ономаσιологический аспект // ТЯиМК. 2020. № 2 (37). С. 288–298. EDN: LJZFOP
17. Karageorgou I. Fitness discourse on Instagram: A corpus linguistic analysis: Dissertation, Malmö universitet/Kultur och samhälle, 2020. 40 p. URL: <https://urn.kb.se/resolve?urn=urn:nbn:se:mau:diva-21671> (accessed: March 2025).

References

1. Alekseev A. B. Nekotorye lingvostilisticheskie osobennosti angloyazychnogo diskursa smeshannykh edinoborstv [Some linguistic and stylistic features of the English-language discourse of mixed martial arts]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and applied linguistics]. 2023, iss. 9, no. 2, pp. 5-19. (In Russ.). DOI: 10.22250/24107190_2023_9_2_5 EDN: ABKLAE
2. Bobyreva N. N., Zorina A. V. Leksicheskie osobennosti mediynogo diskursa figurnogo kataniya (na materiale novostnykh statey sayta ISU) [Lexical Features of the Media Discourse on Figure Skating (Based on ISU News Articles)]. *Aktual'nye voprosy sovremennoy filologii i zhurnalistiki* [Current issues in modern philology and journalism]. 2021, no. 3 (42), pp. 64-69. (In Russ.).
3. Getman E. I., Osadchaya V. P. Sportivnyy diskurs kak odin iz vidov institutsional'nykh diskursov [Sports discourse as one of the types of institutional discourses]. *Integrirovannyye kommunikatsii v sporte i turizme: obrazovanie, tendentsii, mezhdunarodnyy opyt* [Integrated Communications in Sports and Tourism: Education, Trends, and International Experience]. 2021, no. 1, pp. 47-53. (In Russ.). EDN: FTOOGW

4. Zholos L. M., Kosareva E. S. Leksicheskie, grammaticheskie i stilisticheskie osobennosti sportivnogo diskursa [Lexical, grammatical and stylistic features of sports discourse]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Humanities and social sciences]. 2024, vol. 103, no. 2, pp. 80-85. (In Russ.). DOI: 10.18522/2070-1403-2024-103-2-80-85 EDN: EVYUEB
5. Zil'bert A. B. Sportivnyy diskurs: točki peresecheniya s drugimi diskursami (problemy intertekstual'nosti) [Sports discourse: points of intersection with other discourses (problems of intertextuality)]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, consciousness, communication]. 2001, iss. 19, pp. 103-112. (In Russ.).
6. Korytkin Yu. A., Androsova S. V. Prosodicheskie sredstva vyrazhe-niya emotsional'noy sostavlyayushchey v angliyskom i russkom futbol'nom kommentarii [Prosodic means of expressing the emotional component in English and Russian football commentary]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of the Moscow State. linguistic university]. 2016, no. 2 (741), pp. 62-74. (In Russ.). EDN: YNHKEC
7. Kostromina O. V., Brazhnikova P. E. Ispol'zovanie angloyazychnykh terminov v fitnese i sporte: vliyaniye globalizatsii na fizicheskuyu kul'turu [The Use of English Terms in Fitness and Sports: The Impact of Globalization on Physical Education]. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences]. 2024, no. 9-2 (96), pp. 53-57. (In Russ.). DOI: 10.24412/2500-1000-2024-9-2-53-57 EDN: TGANVL
8. Likhachev E. V. Variativnost' prosodicheskikh kompleksov aktualizatsii futbol'nogo kommentariya (na materiale nemetskogo yazyka) [Variability of prosodic complexes of actualization of football commentary (based on the German language)]. PhD dissertation abstract. Nizhniy Novgorod, 2017, 23 p. (In Russ.). EDN: XBNXFQ
9. Lushchikov V. A., Terskikh M. V. Zhanrovo-tematicheskie i yazykovye osobennosti videoblogov [Genre, thematic and linguistic features of video blogs]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye nauki* [Tambov University Bulletin. Series: Social Sciences]. 2018, vol. 4, no. 14, pp. 57-75. (In Russ.). EDN: YLRQTJ
10. Lyu Kh., Androsova S. V., Prosodicheskie korrelyaty emotsional'nosti futbol'nogo kommentariya: osnovnoy ton (na materiale kitayskogo yazyka) [Prosodic Correlates of Emotionality in Football Commentary: Tone of Voice (Based on Chinese Language)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues]. 2024, iss. 1, pp. 147-153. (In Russ.). DOI: 10.30853/phil20240022 EDN: LKQBWO
11. Lyu Kh. Vzaimodeystvie komponentov intonatsii pri razlichnoy emotsional'noy nagruzke v kitayskom futbol'nom kommentarii [Interaction of intonation components under different emotional load in Chinese football commentary]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and applied linguistics]. 2024, iss. 10, no. 3, pp. 85-97. (In Russ.). DOI: 10.22250/24107190-2024-10-3-85 EDN: PNYTYI
12. Lyu Kh. Vospriyatie urovnya emotsional'nosti i vida emotsii v kitayskom futbol'nom kommentarii [Perception of emotionality level and type of emotion in Chinese football commentary]. *Kazanskaya nauka* [Kazan science]. 2025, no. 1, pp. 350-353. (In Russ.). EDN: LEHWHX
13. Pavlyuk I. B. Leksiko-tematicheskie polya angloyazychnoy terminosistemy fitnesa [Contemporary sports discourse: structural and functional-pragmatic aspects]. *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii* [In the world of science and art: issues of philology, art history and cultural studies]. 2013, no. 7 (30), pp. 85-94. (In Russ.). EDN: RL TJFN
14. Saykina E. G. Istoricheskie etapy razvitiya fitnesa i ego ideologiya [Historical stages of fitness development and its ideology]. *Fitness: teoriya i praktika* [Fitness: theory and practice]. 2013, no. 1. (In Russ.). Available at: fitness.esrae.ru/ru/2-4 (accessed: mart 2025).

15. Stefanovskaya E. I. Sovremennyy sportivnyy diskurs: strukturnyy i funktsional'no-pragmaticheskiy aspekty [Contemporary sports discourse: structural and functional-pragmatic aspects]. *Bestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yanki Kupaly. Ser. 3. Filologiya. Pedagogika. Psikhologiya* [Bulletin of the Yanka Kupała Grodno State University. Ser. 3. Philology. Pedagogy. Psychology]. 2023, vol. 13, no. 1, pp. 68-76. (In Russ.). EDN: GNYCFX
16. Teneneva N. V. Razvitie angloyazychnoy terminologii fitnesa: onomasiologicheskiy aspekt [Development of English-language fitness terminology: onomasiological aspect]. *TYaiMK*. 2020, no. 2 (37), pp. 288-298. (In Russ.). EDN: LJZFOP
17. Karageorgou I. Fitness discourse on Instagram: A corpus linguistic analysis: Dissertation, Malmö universitet/Kultur och samhälle, 2020. 40 p. URL: <https://urn.kb.se/resolve?urn=urn:nbn:se:mau:diva-21671> (accessed: March 2025).

Информация об авторах

Е. Е. Андросова – студент, кафедра иностранных языков,
Амурский государственный университет;

П. Е. Андросова – студент, кафедра иностранных языков,
Амурский государственный университет.

Author information

E. E. Androsova – Student, Foreign Languages Department, Amur State University;

P. E. Androsova – Student, Foreign Languages Department, Amur State University.

Статья поступила в редакцию 20.06.2025; одобрена после рецензирования 30.06.2025; принята к публикации 25.08.2025.

The article was submitted 20.06.2025; approved after reviewing 30.06.2025; accepted for publication 25.08.2025.

Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 3. С. 42–49.
Eurasian Humanitarian Journal. 2025. No. 3. P. 42-49.

Научная статья
УДК 81'276.6

ТРАНСЛЯЦИЯ СПЕЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ В ДИСКУРСЕ ВОСТОЧНЫХ БОЕВЫХ ИСКУССТВ

Екатерина Олеговна Зубарева¹, Максим Ильдарович Хамадиев²

¹ Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия, fialka21-85@mail.ru

² Пермь, Россия, maximkalord.8912@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей перевода англоязычных текстов, отражающих дискурс восточных боевых искусств на русский язык. Боевые искусства для восточноазиатских стран стали средством экспорта своей культуры в мир, что означает и увеличение интереса к ним, и улучшение их имиджа. Актуальность исследования обусловлена тем, что описание методов и манеры ведения боя, видов боевых практик и их истории и философии говорят о народе, его культуре, мышлении ничуть не меньше, чем другие более известные реалии и факты. Каждый вид восточного боевого искусства обладает своей спецификой. И, разумеется, своим особым языком: специальной лексикой, которая не всегда правильно отражается при переводе на русский язык. Это связано в том, что процесс адаптации боевого искусства в стране, где он не зародился, обычно протекает без какого бы то ни было участия специалистов в области лингвистики и межкультурной коммуникации. Однако восточные боевые искусства берут своё начало в чужой для русских культуре. Особенности и сложности перевода текстов, отражающих дискурс восточных боевых искусств связаны с наличием специальной (профессиональной) лексики. Это требует от переводчика глубокого знания не только предметной области, но и культурных нюансов, связанных с историей страны происхождения боевого искусства (в частности, Китая), и с религией, которая в значительной степени повлияла на принципы формирования дискурса боевых искусств. Качественный перевод работ, посвящённых восточным боевым искусствам, составление глоссариев представляет перспективное исследовательское поле деятельности.

Ключевые слова: дискурс, спортивный дискурс, дискурс восточных боевых искусств, интердискурсивность, специальная лексика.

Для цитирования: Зубарева Е. О., Хамадиев М. И. Трансляция специального знания в дискурсе восточных боевых искусств // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 3. С. 42–49.

Original article

TRANSLATION OF SPECIAL KNOWLEDGE IN THE DISCOURSE OF ORIENTAL MARTIAL ARTS

Ekaterina O. Zubareva¹, Maksim I. Khamadiev²

¹ Perm State University, Perm, Russia, fialka21-85@mail.ru

² Perm, Russia, maximkalord.8912@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of the peculiarities of the translation of English-language texts of the discourse of oriental martial arts into Russian. Martial arts for East Asian countries have become a means of exporting their culture to the world, which means both increasing interest in them and improving their image. The relevance of the research is also due to the fact that the description of methods and manners of combat, types of combat practices and their history and philosophy speak about the people, their culture, and thinking no less than other more well-known realities and facts. Each type of oriental martial art has its own specifics. And, of course, with its own special language: a special vocabulary that is not always correctly reflected when translated into Russian. This is due to the fact that the process of adapting martial art in a country where it did not originate usually proceeds without any involvement of specialists in the field of linguistics and intercultural communication. However, oriental martial arts originate in a culture that is alien to Russians. The peculiarities and difficulties of translating the texts of the discourse of oriental martial arts are related to the presence of special (professional) vocabulary. This requires the translator to have a deep knowledge of not only the subject area, but also cultural nuances related to the history of the country of origin of martial arts (in particular, China), and religion, which greatly influenced the principles of the formation of the discourse of martial arts. High-quality translation of works devoted to oriental martial arts, compilation of glossaries is a promising research field.

Keywords: discourse, sports discourse, discourse of oriental martial arts, interdiscursivity, special vocabulary

For citation: Zubareva E. O., Khamadiev M. I. Translation of special knowledge in the discourse of oriental martial arts. Eurasian Humanitarian Journal. 2025;3:42-49. (In Russ.).

Введение

Боевые искусства для восточноазиатских стран стали средством экспорта своей культуры в мир, что означает и увеличение интереса к ним, и улучшение их имиджа. При этом постоянная практика боевых искусств подталкивает человека к размышлениям о самосовершенствовании, а также о культуре страны происхождения боевого искусства.

Для того, чтобы определить дискурс восточных боевых искусств рассмотрим понятие дискурса в целом. Термин «дискурс» можно понимать как совокупность высказываний и практик, которые формируют и транслируют определённые значения (слов и выражений) в общество и представляют собой различные сферы общения и способы организации языковых единиц. М. Фуко, определяет дискурс как целостную совокупность функционально организованных, контекстуализованных единиц употребления языка. Раз мы используем общение для полной передачи и принятия информации, значит, дискурс – это одновременно и процесс, и результат [Фуко 1996: 16]. Результатом дискурса является текст. В. В. Красных указывает на то, что текст является «элементарной единицей дискурса» [Красных 2003: 116], следовательно, исследование дискурса включает в себя изучение текста. В нашей статье текст выступает как единица анализа дискурса восточных боевых искусств.

Согласно классификации, предложенной В. И. Карасиком, существует два общих типа дискурса – персональный и институциональный, выделяемые по принципу позиционирования участников коммуникации. Персональный дискурс основывается на

взаимодействии участников «как личностей со всем богатством их внутреннего мира», тогда как институциональный дискурс – на взаимодействии участников «как представителей определённого социального статуса». Институциональный дискурс определяется как «общение в рамках статусно-ролевых отношений, речевое взаимодействие представителей социальных групп/институтов друг с другом» [Карасик 2002: 245], и для его описания используются следующие параметры: типовые участники, хронотоп, цели, ценности, стратегии, жанры, прецедентные тексты и дискурсивные формулы [там же: 189].

Спортивный дискурс относится к институциональному дискурсу и рассматривается как особый вид взаимодействия людей, «речь, которая транслирует смыслы, определяющие спортивную деятельность (дискурс как процесс) и совокупность произведённых текстов, в которых репрезентированы эти смыслы (дискурс как результат)» [Снятков 2008: 8]. Отметим, что данный тип дискурса интердискурсивен, то есть сочетает в себе элементы других типов дискурса, например, таких как медийный, политический, философский, педагогический, научный, театральный, военный и т. д. [Гаран 2018: 97]. Спорт – не изолированная, обособленная деятельность узкого круга людей, но, с точки зрения лингвистики, объёмное, неоднородное – уже в силу множественности видов спорта – дискурсивное пространство, возникающее в процессе гибридизации дискурсов [Мальцева 2023: 81].

Спортивный дискурс, характеризуется специфическими терминами, которые отражают нормы и правила, относящиеся к приключенческому и соревновательному контексту. Основные его характеристики включают стремление к соревнованию, дисциплине, телесной культуре и социокультурному взаимодействию. В спортивном дискурсе также проявляется дух соперничества, желание самосовершенствования и достижения высокого мастерства.

Дискурс восточных боевых искусств можно рассматривать как особый институциональный тип дискурса. Он реализуется в определённых условиях, конкретными участниками (тренер, учитель, боец, врач, судьи, болельщики, ученые и т. д.), обладает бесспорными ценностями (духовное и физическое развитие) и репрезентируется специальной лексикой. Дискурс восточных боевых искусств нельзя рассматривать исключительно в рамках спорта. Он является интердискурсивным, так как освещает различные аспекты и взаимодействия с различными дискурсами, к примеру, религиозным, так как большая часть восточных боевых искусств тесно связана с буддизмом. Боевые искусства обладают своей философией, основанной на концепциях гармонии, баланса и уважения к противнику. Философия боевых искусств не только помогает развивать физические навыки, но и даёт духовный рост бойцу, изучающему боевые искусства. Из этого следует, что и философский дискурс тесно взаимодействует с дискурсом восточных боевых искусств. Даосизм и буддизм – основные компоненты философской и идеологической концепции данного дискурса [Комлев 2000].

В последние годы, благодаря кино и телевидению, восточные боевые искусства стали частью популярной культуры. Они освещаются в СМИ, что влияет на восприятие и популярность этих практик. А это значит, что дискурс боевых искусств тесно взаимодействует с массмедийным дискурсом. Медицинский дискурс также тесно связан с дискурсом восточных боевых искусств, ведь занятия всё чаще рассматриваются в контексте

здоровья и физического благополучия. Так, тайцзи или цигун, не только развивают физическую форму, но и способствуют улучшению общего самочувствия человека.

Дискурс восточных боевых искусств, подобно любому другому институциональному дискурсу, выполняет ряд важных функций. Во-первых, перформативная функция определяет сущность самого института восточных боевых искусств. Во-вторых, нормативная функция устанавливает правила взаимодействия между институтом и обществом. В-третьих, презентационная функция формирует образ института и его представителей. Наконец, парольная функция определяет границы между участниками (клиентами) и представителями института [Тарасова 2020: 82].

Основная часть

Исследование проводится на материале статьи Т. Дж. Нулти «Gong and Fa in Chinese Martial Arts» [Nulty]. Анализируемая статья была опубликована в научном журнале «Martial Arts Studies», который поддерживается одноименной ассоциацией, продвигающей академические исследования в области боевых искусств. В данной статье рассматриваются две фундаментальные философские категории, играющие важную роль в боевых искусствах: гонг (тренировка навыков) и фа (техника движений). Автор иллюстрирует эти понятия на примерах стиля тайцзицюань, разработанного мастером Хун Цзюньшэном. Западные исследователи называют тайцзицюань «сокровищницей здоровья человека», «гимнастикой, полной таинства» и «бриллиантом культуры Востока», прогнозируя его господствующее положение в сфере гимнастик XXI в. Данное искусство синтезирует принципы инь-ян и концепцию разделения на «пустое» и «полное» с мастерством кулачного боя, являясь одним из лучших видов поединка без оружия [И цзин 2008].

Рассмотрим некоторые трудные с точки зрения перевода примеры, а также поясним наши переводческие решения.

*Within a style, **practitioners** can differ in how well they execute those body mechanics.* – В рамках одного стиля **бойцы** могут отличаться друг от друга по принципу лучшего выполнения движений тела¹.

*The solo practice of the routines helps the **practitioner** recognize optimal body positions in relation to their own movements.* – Самостоятельное выполнение упражнений помогает **практикующему** определить оптимальное положение тела по отношению к собственным движениям.

В двух приведённых примерах следует обратить внимание на лексему *practitioner*, это один из ключевых участников дискурса восточных боевых искусств. Но, судя по контексту, данная лексема транслируется с помощью разных синонимов. В словаре зафиксированы такие значения лексемы *practitioner*: 1. *a person engaged in the practice of a profession or occupation*; 2. *a person who practices something specified* [Webster's College Dictionary]. В общем понимании лексема обозначает практикующего специалиста в какой-то конкретной сфере. Речь идёт о боевых искусствах, поэтому вполне логично использовать лексическую замену в первом предложении и перевести её как *боец*. С другой стороны, это еще и духовная практика, поэтому и вариант перевода *практикующий* также подходит, как

¹ Здесь и далее – перевод наш.

продемонстрировано во втором примере. С помощью использования синонимов удаётся подчеркнуть разницу в роли участников восточных боевых искусств. Боец – тот, кто активно участвует в соревнованиях; практикующий означает скорее ученика, который ещё только познает тайны боевого искусства в процессе практических занятий с учителем, а не в реальных боевых условиях.

Отметим, что практикующий восточные боевые искусства обозначается следующими лексемами: *disciple, student, novice, recipient of the force, defender, attacker, assailant, opponent*. Лексемы *disciple, student* переводятся одинаково во всём анализируемом тексте как *ученик*. При переводе метафоричного словосочетания *recipient of the force* принято решение о компрессии и демегафоризации, поэтому перевод звучит как *боец*. Лексемы *defender, attacker, assailant, opponent* транслировались на русский язык с помощью разных синонимов с учётом контекста, чтобы избежать лексических повторов – *противник, оппонент, нападающий, боец*.

Приведем пример, в котором мы столкнулись с трудностью, вызванной культурной маркированностью.

Indeed, it is claimed that this kind of skill or gong training is a necessary condition for martial ability in old age and is captured in the often cited taijiquan expression of 'four ounces overcoming a thousand pounds'. – Действительно, такой навык или тренировка гонг являются необходимым условием для поддержания боевой компетенции в пожилом возрасте. Эта мысль отражается в часто цитируемом выражении Тайцзицюань «*четыре унции преодолевают тысячу фунтов*» (*Не копьем побивают, а умом*).

В этом примере сложность обусловлена переводом пословицы, так как прямого аналога в языке перевода не существует. Изучив разные источники, мы нашли такое объяснение, основанное на понимании различий в поведении живого и неживого. Статую коня весом тысячу фунтов невозможно тянуть гнилой верёвкой. Но огромного быка можно тянуть усилием в четыре унции за кольцо, вдетое ему в нос. Найдя правильную точку приложения совсем небольшого усилия, мы можем направить мощную силу для сокрушительной атаки [И цзин 2008]. Можно сделать вывод, что пословица означает, что нет необходимости полагаться исключительно на силу с целью победить противников. Примеры восточных боевых искусств показывают, что даже пожилые люди могут защитить себя от толпы благодаря навыкам и опыту. Исходя из этого принято решение в скобках указать эквивалентное соответствие более понятное целевой аудитории – *не копьем побивают, а умом*.

*As an initial attempt to elucidate this further distinction, let's say there are both: **brute skills** and **refined skills**.* – Для начала проясним это различие, предположим, что существуют **грубые и утончённые навыки**.

В данном примере обратим внимание на прилагательные *brute* и *refined*, которые отражают характеристики спортивных навыков. Лексема *brute* имеет значение: *wholly instinctive or physical; without reason or intelligence; coarse and grossly sensual* [Collins English Dictionary], то есть *грубый, жестокий или зверский*. Лексема *refined* означает: *not coarse or vulgar; genteel, elegant, or polite; subtle; discriminating; freed from impurities; purified* [Cambridge Dictionary]. Автор явно противопоставляет эти два вида навыка, чтобы сохранить эту антитезу выбран соответствующий перевод *грубые*

навыки, так как именно этот оттенок значения наиболее точно передаёт идею автора и смысл недостаточно подготовленного физического подхода к действию, и *утончённые навыки* как нельзя лучше подчёркивают более высокий уровень мастерства и точности в выполнении техник. Таким образом, различие между этими видами навыков заключается в том, что грубые навыки – это использование силы, полагаясь исключительно на мышцы и массу, не учитывая других аспектов, например, положение тела, техника удара, а утончённые навыки требуют глубокой концентрации, правильного исполнения и задействования всего тела.

В тексте статьи содержится много оригинальных китайских названий техник или практик, такие лексемы переводятся транскрибированием. Это очень важный момент, так как практикующие восточные боевые искусства в России, должны знать и понимать оригинальные обозначения тех или иных действий или концепций: *These skills are usually a basic level or foundational level of skills sometimes called jibengong. These skills include balance, stamina, basic coordination, flexibility, etc.* – Эти навыки обычно относятся к базовому уровню или основополагающим навыкам, которые иногда называют *джибенгонг*. Эти навыки включают в себя равновесие, выносливость, базовую координацию, гибкость и т. д.

In Hong Chuan Chen Shi taijiquan, that coordination begins to produce a kind of force known as chansijin, or 'spiral force', and proper training of the routines becomes another way of training gong. – В тайцзицюань Хун Чуань Чэнь Ши такая координация начинает вырабатывать силу, известную как *чансидзин*, или «спиральная сила», и правильное выполнение упражнений становится ещё одним способом тренировки гонг.

У лексемы *jibengong* (基本) есть прямое значение, а именно *basic skills / fundamentals* [Chinese Dictionary], транскрибирование не затрудняет понимание для целевой аудитории, так автор чётко поясняет эту категорию, как и во втором примере.

В вышеприведённых примерах, автор довольно подробно и вполне доступно поясняет значения тех или иных категорий китайского боевого искусства. Но в тексте встречаются категории, которые не объясняются автором, что может вызвать трудность понимания информации. В таких случаях вводится переводческий комментарий.

Athletic skills are the attributes practitioners need to demonstrate their martial techniques in isolation, such as the choreographed training routines quan tao or taolu ('kata' in Japanese). – Спортивные навыки – это те качества, которые необходимы бойцам для самостоятельной демонстрации своих боевых приёмов, таких как хореографические упражнения *куан тао или таолу** («ката» в переводе с японского).

*куан тао (таолу) – специальные упражнения предоставляют возможность практиковать движения, основанные на традиционных боевых приемах, без противника, так называемый «бой с тенью». Они служат не только для отработки техник, но и для развития координации, гибкости, выносливости, а также внутренней концентрации [Боевые танцы. Почему и как следует тренировать куан (тао-лу, ката, формы)].

Заключение

Проведённое исследование вносит вклад в изучение дискурса восточных боевых искусств как отдельного вида институционального дискурса и имеет высокую практическую значимость с точки зрения перевода. Особенности перевода текста восточных боевых искусств заключаются в наличии значительного объёма специальной лексики, что требует от

переводчика не только глубокого понимания предметной области, но и культурных нюансов, связанных историей и религией Китая. При работе со специальной лексикой преимущественно используется транскрибирование по нескольким причинам. Во-первых, некоторые категории могут иметь несколько значений в зависимости от контекста. Транскрибирование помогает сохранить «индивидуальность» понятия. Во-вторых, китайский язык часто использует слова, которые не имеют точных аналогов в других языках, а благодаря транскрибированию можно сохранить оригинальное звучание слова, что может быть важно для понимания его значения, а также для знакомства носителей русского языка, интересующихся восточными боевыми практиками с оригинальными понятиями этой сферы.

Список литературы

1. Боевые танцы. Почему и как следует тренировать куан (тао-лу, ката, формы). URL: <https://dzen.ru/a/YDde4uvMx1FhPn4z> (дата обращения: 10.05.2025).
2. Гаран Е. П. Жанрово-специфические характеристики спортивного дискурса: социо-прагматический подход // Наука без границ. 2018. № 6 (23). С. 96–100. EDN: UTEPYF
3. И цзин (Книга перемен) / Пер. с кит. А. Е. Лукьянова, Ю. К. Щуцкого. СПб. : Азбука-классика, 2008. 230 с.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М. : Гнозис, 2002. 477 с. ISBN: 5-88234-552-2 EDN: UGQAMP
5. Комлев Р. А. Боевые искусства востока. Православный взгляд. М. : Русский хронограф, 2000. 41 с.
6. Красных В. В. Свой" среди "чужих": миф или реальность? М. : Гнозис, 2003. 375 с.
7. Мальцева И. А. Об особенностях речевого взаимодействия в современном медиадискурсе // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2022. № 1 (114). С. 78–83. DOI: 10.26293/chgpu.2022.114.1.011 EDN: ZSMMNZ
8. Снятков К. В. Коммуникативно-прагматические характеристики телевизионного спортивного дискурса : автореф. ... канд. филол. наук. Вологда. 2008. 18 с. EDN: NKOAYX
9. Тарасова Е. Е. Спортивный дискурс и проблема интердискурсивности // Вестник военного образования. 2020. № 3 (24). С. 80–83. EDN: DJAQQY
10. Фуко М. Археология знания. Пер. с фр. / Общ. ред. Б. Левченко. Киев : Ника центр, 1996. 208 с.
11. Cambridge Dictionary. URL: dictionary.cambridge.org/ (дата обращения: сентябрь 2024 – май 2025).
12. Chinese Dictionary. URL: <https://dictionary.writtenchinese.com/> (дата обращения: январь – май 2025).
13. Collins Dictionary. URL: collinsdictionary.com (дата обращения: сентябрь 2024 – май 2025).
14. Nulty J. Gong and Fa in Chinese Martial Arts // Martial Journal. URL: <https://www.martialjournal.com/primer-hopology/> (дата обращения: октябрь – ноябрь 2024).
15. Webster's College Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: январь – май 2025).

References

1. Boevye tantsy. Pochemu i kak sleduet trenirovat' kuan (tao-lu, kata, formy) [Why and how to train kuan (taolu, kata, forms)]. (In Russ.). Available at: <https://dzen.ru/a/YDde4uvMx1FhPn4z> (accessed: 10.05.2025).
2. Garan E. P. Zhanrovo-spetsificheskie kharakteristiki sportivnogo diskursa: sotsio-pragmaticheskiy podkhod [Genre-specific characteristics of sports discourse: a socio-pragmatic approach]. *Nauka bez granits* [Science without borders]. 2018, no. 6 (23), pp. 96-100. EDN: UTEPYF (In Russ.).

3. I tszin (Kniga peremen) [I Ching (Book of Changes)]. Saint Petersburg, Azbuka-klassika, 2008, 230 p. (In Russ.).
4. Karasik V. I. Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse]. Moscow, Gnozis, 2002, 477 p. ISBN: 5-88234-552-2 EDN: UGQAMP (In Russ.).
5. Komlev R. A. Boevye iskusstva vostoka. Pravoslavnyy vzglyad [Eastern Martial Arts: An Orthodox Perspective]. Moscow, Russkiy khronograf, 2000, 41 p. (In Russ.).
6. Krasnykh V. V. Svoy "sredi "chuzhikh": mif ili real'nost'? ["One of Our Own" Among "Strangers": Myth or Reality?]. Moscow, Gnozis, 2003, 375 p. (In Russ.).
7. Mal'tseva I. A. Ob osobennostyakh rechevogo vzaimodeystviya v sovremennom mediadiskurse [On the features of speech interaction in modern media discourse]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva* [Bulletin of the Chuvash State Pedagogical University named after I. Ya. Yakovlev]. 2022, no. 1 (114), pp. 78-83. DOI: 10.26293/chgpu.2022.114.1.011 EDN: ZSMMNZ (In Russ.).
8. Snyatkov K. V. Kommunikativno-pragmaticheskie kharakteristiki televizionnogo sportivnogo diskursa [Communicative and pragmatic characteristics of television sports discourse]. PhD dissertation abstract. Vologda. 2008. 18 p. EDN: NKOAYX (In Russ.).
9. Tarasova E. E. Sportivnyy diskurs i problema interdiskursivnosti [Sports discourse and the problem of interdiscursivity]. *Vestnik voennogo obrazovaniya* [Bulletin of Military Education]. 2020, no. 3 (24), pp. 80-83. EDN: DJAQQY (In Russ.).
10. Fuko M. Arkheologiya znaniya [Archeology of knowledge]. Kiev, Nika tsentr, 1996, 208 p. (In Russ.).
11. Cambridge Dictionary. URL: dictionary.cambridge.org/ (дата обращения: сентябрь 2024 – май 2025).
12. Chinese Dictionary. URL: <https://dictionary.writtenchinese.com/> (дата обращения: январь – май 2025).
13. Collins Dictionary. URL: [collinsdictionary.com](https://www.collinsdictionary.com/) (дата обращения: сентябрь 2024 – май 2025).
14. Nulty J. Gong and Fa in Chinese Martial Arts // *Martial Journal*. URL: <https://www.martialjournal.com/primer-hopology/> (дата обращения: октябрь – ноябрь 2024).
15. Webster's College Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: январь – май 2025).

Информация об авторах

Е. О. Зубарева – кандидат филологических наук, доцент, кафедра лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет;

М. И. Хамадиев – бакалавр.

Information about authors

E. O. Zubareva – Ph. D. (Philology), Associate Professor, Department of Linguistics and
Translation, Perm State University;

M. I. Khamadiev – Bachelor.

Статья поступила в редакцию 10.05.2025; одобрена после рецензирования 20.05.2025; принята к публикации 25.07.2025.

The article was submitted 10.05.2025; approved after reviewing 20.05.2025; accepted for publication 25.07.2025.

Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 3. С. 50–60.
Eurasian Humanitarian Journal. 2025. No. 3. P. 50-60.

Научная статья

УДК 81'37

ПЕРФОРМАТИВНОСТЬ И МАНИФЕСТ: ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ И ВАРИАТИВНОСТЬ

Ольга Игоревна Графова¹, Кирилл Андреевич Рязанцев²

^{1,2} Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

¹ grafova.olly@gmail.com

² RyazantcevKA@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрена реализация категории «перформативности» в манифестах различных видов. Жанр манифеста неразрывно связан с выражением идей манифестирующего и критики определённых устоев в той или иной сфере. В тексте это обычно бывает связано со свойством перформативности. Это свойство можно рассмотреть в качестве отдельной категории. Перформативы отвечают за высказывания, не относящиеся к констатирующим или описывающим. Кроме того, они существуют в строгих рамках грамматической формы и их семантика строго обусловлена контекстом высказывания. Перформативность отдельно выделяет в своём анализе жанра Клод Аббатадо. При этом он указывает на возможность слова менять реальность. Отдельно он подчеркивает большую важность экстралингвистических факторов для понимания смысла фразы, чем строгое соответствие грамматической категории. Также была изучена структура трёхуровневого речевого акта и показано её влияние на «передачу» перформативности. Целью жанра манифеста становится предельно ясное для аудитории выражение позиции автора, чтобы повысить шансы на удачный речевой акт. Для анализа этой черты было проанализировано четыре манифеста из различных сфер и временных периодов. Несмотря на разницу в объектах высказывания, все произведения используют перформативы для выражения призывов к осуществлению новых идей. Делается вывод об использовании категории перформативной лексики не только в строгих грамматических рамках, но и с позиции смысла высказывания, устоявшихся клише в пределах одного жанра. Акцент категории в рамках жанра ставится на логическом продолжении критики, также неотъемлемой части манифестов. Делается вывод о важности использования перформативов в любой форме для создания основного нарратива произведения.

Ключевые слова: манифест, манифестарность, критика, черты манифеста, перформативность, дискурс.

Для цитирования: Графова О. И., Рязанцев К. А. Перформативность и манифест: точки пересечения и вариативность // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 3. С. 50–60.

Original article

PERFORMATIVITY AND MANIFESTO: POINTS OF INTERSECTION AND VARIABILITY

Olga I. Grafova¹, Kirill A. Ryazantcev²

^{1,2} Perm State University, Perm, Russia

¹ grafova.olly@gmail.com

² RyazantcevKA@yandex.ru

Abstract. The article examines the implementation of the category of "performativity" in various types of manifestos. The manifesto genre is inextricably linked with the expression of the ideas of the demonstrator and criticism of certain principles in a particular field. In the text, this is usually associated with the property of performativity. This property can be considered as a separate grammatical category. Performatives are responsible for statements that are not stating or descriptive. In addition, they exist within the strict framework of grammatical form and their semantics are strictly determined by the context of the utterance. Claude Abastado highlights performativity separately in his analysis of the genre. At the same time, he points out the possibility of words changing reality. Separately, he emphasizes the greater importance of extralinguistic factors for understanding the meaning of a phrase than strict compliance with a grammatical category. The structure of the three-level speech act was also analyzed and its effect on the "transmission" of performativity was shown. The purpose of the manifesto genre is to make the author's position very clear to the audience in order to increase the chances of a successful speech act. To analyze this feature, four manifestos from various fields and time periods were analyzed. Despite the difference in the objects of utterance, all the works use performatives to express calls for the implementation of new ideas. The conclusion is made about the use of the category of performative vocabulary not only within a strict grammatical framework, but also from the point of view of the meaning of the utterance, well-established clichés within the same genre. The emphasis of the category within the genre is on the logical continuation of criticism, which is also an integral part of the manifestos. It is concluded that it is important to use performatives in any form to create the main narrative of the work.

Keywords: manifesto, manifestation, criticism, manifest features, performativity, discourse.

For citation: Grafova O. I., Ryazantcev K. A. Performativity and manifesto: points of intersection and variability. Eurasian Humanitarian Journal. 2025;3:50-60. (In Russ.).

Введение

Данная статья затрагивает употребления перформативной лексики в рамках жанра манифест на примере четырех различных текстов. Перед анализом конкретных случаев употребления в языковом контексте, необходимо более детально разобрать структуру перформатива и таксономию жанра манифест для выявления важности этой категории. Категория перформативности является неотъемлемой частью лингвистического дискурса, начиная с момента открытия в 1950 г. британским ученым Джоном Остином. Перформативность позволяет более детально проанализировать речевые конструкции, которые не идентифицируются в полной мере так, как описательные или констатирующие. В книге «Слово как действие» Дж. Остина данная языковая категория характеризуется как ничего не описывающая и не констатирующая; её употребление равно совершению действия и вместе с этим передаёт определённую информацию [Остин 1999].

Структурные особенности перформатива подробно проанализировал Ю. Д. Апресян в статье под названием «Перформативы в грамматике и словаре» [Апресян 1986]. Поскольку употребление перформатива одновременно является фактом совершения действия, то наиболее подходящей частью речи для передачи этой категории выступает глагол. Ю. Д. Апресян выделяет ряд ограничений, которые позволяют выделить грамматически

корректный перформатив – употребление в первом лице единственного или множественного числа настоящего времени индикатива активного залога. Соблюдение вышеуказанных условий, а следовательно, использование грамматически корректного перформатива может быть отражено с помощью следующей языковой формулы: «Я х тебя», где Я – местоимение первого лица единственного числа, х – перформативный глагол активного залога первого лица настоящего времени индикатива, тебя – дополнение (на кого направленно действие). Одновременно с этим формула учитывает специфику предиката: глагол, который может быть подставлен на место переменной х, будет содержать семантику констатации, но не в полном объеме. Поскольку значимым фокусом является не только вербализация мысли, но и одновременное совершение действия.

Основная часть

Категория перформативности, помимо вышеуказанных грамматических рамок, обладает рядом ограничений другого характера. Изначально Дж. Остин говорил о факторе имплицитной перформативности, то есть наличии перформативного речевого акта в том или ином виде в каждом высказывании. Э. Бенвенист подчеркивал важность наличия свойства автореферентности для идентификации высказывания как перформативного. Под свойством автореферентности имелось в виду одновременное осуществление речевого акта и совершение действия Фокус с содержания переносился на форму высказывания для создания четких рамок категории и минимизации разночтений [Бенвенист 1974].

В качестве неотъемлемых свойств перформативности обычно выделяются два: эквиакциональность и эквитемпоральность. Эквиакциональность – приравнивание к действию. Это свойство ещё раз подчеркивает связь перформатива с действием не только на уровне его артикуляции, но и одновременном характере его совершения. Эквитемпоральность – совпадение времени глагола с моментом вербализации высказывания. Данное свойство отвечает за временную соотнесённость перформатива и времени внутри высказывания. В случае грамматически корректного перформатива рамки темпоральности будут совпадать [Крюкова эл. ресурс].

Дж. Остин выделял два важных для категории свойства – неверифицируемость и утвердительность. Под неверифицируемостью подразумевается невозможность оценки высказывания с позиции правда/ложь, поскольку невозможно проанализировать факт совершения действия с точки зрения этих категорий. Это отражено в одном из экстралингвистических условий для участников диалога – необходимости выражения правдивой информации. В виду невозможности актуализации с позиции категорий истина / ложь, перформативные высказывания классифицируются как удачные или неудачные (концепция языковой неудачи). Эти оценки зависят от реакции реципиента на прагматику высказывания говорящего. Если прагматика сообщения была корректно считана, то перформатив может считаться удачным. Если в ходе акте коммуникации изначальный посыл, в силу различных причин, был интерпретирован неверно, то перформатив будет считаться неудачным.

Е. А. Красина делает акцент на трёх ключевых семантических компонентах перформативного предиката: говорить / сказать – этот аспект позволяет установить фокус на лице, которое совершает перформатив. Создаёт говорящий субъект «я»; делать / сделать –

актуализация перформативов как глаголов, конкретизация ситуации высказывания; давать / дать – семантический компонент, в первую очередь актуализирующий наличие реципиента. Подразумевает под собой факт реакции со стороны слушающего [Красина 2016].

В целях более детального анализа перформативов как речевых актов и их влияния на манифесты нужно обратиться к концепции трехуровневых речевых актов Дж. Остина. Речевой акт включает в себя не только процесс актуализации информации через языковые средства, но и придание высказыванию семантики в купе с оценочной реакцией реципиента.

Р. О. Якобсон выделяет ряд компонентов в этой комплексной структуре [Якобсон 1975: 198]: эмотивная функция выражает отношение речевых агентов к диалогу с точки зрения эмотивного аспекта; метаязыковая функция отвечает за установление контакта и факт понимания; фатическая функция маркирует собой начало и конец речевого акта; эстетическая функция вербализует мысли в необходимой для поддержания диалога форме.

Наличие указанных выше компонентов необходимо для осуществления коммуникации в любой сфере и вне зависимости от дискурса. Трехуровневый речевой акт состоит из следующих компонентов: локутивный акт – процесс вербализации информации. Под ним понимается только акт артикуляции без учета ответной реакции; иллокутивный акт подразумевает под собой реализацию прагматики, а также обращение к реципиенту с целью получения ответной реакции; перлокутивный акт является ответной реакцией реципиента на мысль, озвученную в рамках локутивного и иллокутивного акта.

Реализацию трёхуровневого речевого акта можно отобразить на примере следующего диалога: «У меня болит голова. У тебя есть таблетка?» (в рамках локутивного акта была вербализована мысль, в рамках иллокутивного акта была выражена просьба, которая подразумевает ответ со стороны реципиента) – «Да, держи» (Пример ответной реакции на запрос говорящего. Реакция на просьбу может быть различна, важен сам факт адекватной и уместной реакции на конкретную просьбу, выраженную в локутивном и иллокутивном акте).

Концепция трёхуровневого акта является основополагающим фактором использования перформативов в манифестах, но перед непосредственным анализом этой связи нужно рассмотреть таксономию перформативов. Существуют минимум три наиболее полных варианта таксономии за авторством Дж. Остина, Дж. Сёрля и Ю. Д. Апресяна.

В рамках нашей работы будет использоваться таксономия Ю. Д. Апресяна, который выделяет 15 категорий перформативов в зависимости от употребления:

- специализированные сообщения и утверждения: докладывать, доносить, извещать, объявлять, отрицать, подтверждать, подчеркивать, провозглашать, уведомлять, удостоверить; в список не входят глаголы рассказывать и убеждать, поскольку они не характеризуют отдельный вид произношения речи;
- признания: виниться, каяться, признаваться, сознаваться, исключая: исповедоваться, открываться;
- обещания: гарантировать, давать обет, давать обещание, зарекаться, клясться, обещать, обязываться, присягать, исключая: сулить;
- просьбы: заклинать, молить, просить, умолять, исключая: упрашивать;
- предложения и советы: вызывать, звать (к себе), предлагать (пройтись), приглашать, призывать (к порядку), рекомендовать, советовать, исключая: консультировать;

- предупреждения и предсказания: предостерегать, предупреждать, предрекать, предсказывать, предвещать, исключая: прогнозировать, пророчить;
- требования и приказы: наказывать, поручать, приказывать, ставить условие, исключая: командовать, распоряжаться, спрашивать;
- запреты и разрешения: воспрещать, запрещать, накладывать вето, давать право, позволять, разрешать, исключая: заказывать, табуировать, допускать;
- согласия и возражения: признавать, соглашаться, возражать, оспаривать, протестовать, исключая: перечить, пререкаться, прекословить, противоречить;
- одобрения: благословлять (на подвиг), одобрять, рекомендовать (кого-либо), утверждать, хвалить, исключая: восхвалять, нахваливать, превозносить, расхваливать, славословить, хвалиться, хвастаться;
- осуждения: обвинять, осуждать, порицать, исключая: критиковать, бранить, ругать, оскорблять;
- прощения: оправдывать, отпускать (грехи), прощать, исключая: извиняться, снимать ответственность;
- речевые ритуалы: благодарить, извиняться, поздравлять, приветствовать, прощаться.

Последним важным концептом выступает понятие квазиперформатива. Ю. Д. Апресян характеризует его как подходящее по контексту и смыслу, но отличающееся с грамматической точки зрения. Например, во фразе «Я хвалю тебя» – «хвалю» будет считаться перформативом, поскольку соответствует условиям перформативности. Пример квазиперформатива – «Я нахваливаю тебя». Использован глагол в первом лице единственного числа настоящего времени индикатива, однако с точки зрения смысла, есть сема повторяемости, периодичности действия. В этом случае предикат не считается перформативом.

Тем не менее, в ряде ситуаций, квазиперформативы в определенной сфере могут считаться полноценными перформативами из-за устоявшегося употребления. В работе Л. П. Прокошенковой и А. П. Филипповой описывается перформативность оптативов. Примеры: «Пожелаем друг другу успеха, и добра, и любви без конца... Олимпийское звонкое эхо остается в стихах и сердцах». Предикаты в этом предложении могут быть охарактеризованы как директивы, поскольку выражают факт обозначения действия. Тем не менее, из-за специфики оптативов (устоявшееся употребление языковых клише в рамках определенного дискурса) их можно характеризовать как перформативы [Прокошенкова, Филиппова: эл. ресурс]. Языковые ситуации редко существуют в вакууме, поэтому квазиперформативы могут расцениваться как полноценные перформативы с учетом экстралингвистических факторов и в соответствии с максимами эффективного общения Герберта Пола Грайса (Herbert Paul Grice) [Грайс 1985]. Подробное описание перформативов было необходимо для подчеркивания ключевых факторов реализации этой категории в рамках жанра манифест.

Наиболее корректное определение жанра было выдвинуто американским ученым Стивенсом Амидоном Расселом (Stevens Russell Amidon): «манифесты – текстовые разработки политических или эстетических убеждений, которые бросают вызов существующим и пытаются создать новые религиозные, политические или художественные

институты и движения» (manifestoes as textual elaborations of political or aesthetic beliefs which challenge existing, and attempt to constitute new religious, political or artistic institutions and movements). Любой манифест ставит перед собой задачу критику положения дел в затрагиваемой области и предложение нового пути осуществления той или иной деятельности.

Эти особенности выступают как основополагающие характеристики жанра в анализе французского ученого Клода Абастадо (Claude Abastado) [Abastado 1980: 3]. К. Абастадо выделяет пять особенностей жанра.

- Разнообразие форм выражения.
- Существование трёх видов манифестов по направленности: политический, литературный и эстетический.
- Перформативность: способность текста актуализировать призывы к изменению действительности. Подразумевается не только лексика из этой категории, но и любые слова с семантикой призыва к изменению устоев в той или иной сфере.
- Стилистические особенности: для создания яркого и живого языка авторы манифестов прибегают к лингвистическим тропам: метафорам, сравнениям, эпитетам и ряду других. Обилие языковых средств служит средством привлечения и удержания внимания читателя.
- Манифестарность: свойство манифестарности отвечает за выражение критики в произведении. Это свойство характерно не только для текстовых источников, но и в целом для объектов культуры. Например, скульптура «Фонтан» Марселя Дюшана вне контекста является лишь писуаром, но с учетом контекстуальных особенностей приобретает статус объекта критики искусства начала XXв [Ansorge, Pelowski, Quigley].

В тексте статьи мы затрагивали понятие речевого акта и языковых неудач. Ответная реакция реципиента является необходимым условием ценности манифеста. Если на высказанную критику и предложения нет никакой реакции, то можно говорить о неудаче на стадии перлокутивного, иллокутивного или локутивного актов. Перформативная лексика является неотъемлемой частью жанра и зависит от реакции получателя информации. Поэтому перед автором манифеста стоит задача выражения перформативности в наиболее полном и простом виде.

Для рассмотрения категории перформативности в контексте манифестов было выбрано четыре текста: «United States Declaration of Independence», «Russel-Einstein Manifesto», «Metamodernist Manifesto» и «Stop Saving the Planet!: An Environmentalist Manifesto».

«United States Declaration of Independence» (Декларация Независимости США) посвящена критике действий Британской Империи во второй половине XVIIIв. Прагматика текста связана с критикой политики короля Георга III. С помощью перформативов составители декларации предлагали шаги к изменению политической ситуации в США.

За основу был взят текст перевода Олега Андреевича Жидкова, ученого-американиста [Жидков 1993].

Первый пример находится в последнем абзаце. В нём использован перформатив для объявления сепарации США в отдельную страну. Оригинал: «We, therefore, the Representatives of the united States of America ... solemnly publish and declare, That these United Colonies are, and of Right ought to be Free and Independent States». Перевод: «Поэтому мы,

представители соединенных Штатов Америки, собравшись на общий Конгресс...торжественно записываем и заявляем, что эти соединенные колонии являются и по праву должны быть свободными и независимыми штатами».

Проанализируем глаголы с помощью словарей. В качестве справочного материала послужили англо-русские словари Cambridge Dictionary и Merriam Webster Dictionary. Глагол «publish» переводится как: издать, печатать, оглашать, обнародовать. В русском переводе использована лексема «записываем». Merriam-Webster дает следующую дефиницию: «to make generally known (сделать общественно известным), to make public announcement of (сделать заявление)». Глагол «записываем» в данном случае указывает на факт записи причин сепарации США в декларацию. С учетом контекста и смысла второго перформатива, данный вариант перевода является адекватным. По Апресяну, глагол относится к специализированным сообщениям и утверждениям, через глагол реализуется утверждение нового статуса страны. С грамматической точки зрения переданы свойства глагола: первое лицо, множественное число, настоящее время, несовершенность. В тексте этого манифеста все перформативные заявления делаются от первого лица множественного числа, так как текст написан группой авторов.

Второй глагол *declare* можно передать как: *объявлять, заявлять, декларировать*. При переводе был использован глагол *заявляем*. Данная лексема подходит с контекстуальной и грамматической точки зрения, она отражает факт обращение к публике, это глагол из категории специализированных сообщений и утверждений.

Пример из этого же абзаца: «And for the support of this Declaration, with a firm reliance on the protection of divine Providence, we mutually pledge to each other our Lives, our Fortunes and our sacred Honor». Перевод: «И с твёрдой уверенностью в покровительстве Божественного Провидения мы клянёмся друг другу поддерживать настоящую Декларацию своей жизнью, своим состоянием и своей незапятнанной честью». Глагол *pledge* имеет следующие перевод: давать обещание. Вариант в переводе – «клянемся», передает семантику дачи обещания большой важности. Составители декларации готовы пожертвовать своей честью и благосостоянием ради доказательства серьезности намерения. Грамматическая форма сохранена, глагол относится к категории обещания.

М. В. Ильин в своей статье «Что может дать анализ перформативов?» отдельно разобрал случай «Declaration of Independence» [Ильин: эл. ресурс]. Он пишет, что само действие не является полным отражением перформатива. США получило независимость только после одобрения ряда европейских стран, помощи Франции и после войны с Великобританией. Это своего рода набор исторических событий, которые вместе с речевыми актами образуют перформативное событие. Перформативы – это не только лингвистическое выражения, но действия, связанные с ними.

Второй текст – «Russel-Einstein Manifesto». Текст был написан в июле 1955 г. в связи с возможной ядерной угрозой в рамках «Холодной войны» между двумя крупными политическими блоками – западным и восточным. Перформативность направлена на обращение к мировой общественности и привлечение внимания к проблеме ядерного кризиса. В качестве перевода был взят сборник манифестов «Победа разума над оружием. Манифесты будущего», перевод издательств «Родина» [Эйнштейн, Рассел 2022].

В последней части текста находится весь пласт перформативной лексики. «We invite this Congress, and through it the scientists of the world and the general public, to subscribe to the following resolution...». Перевод: «Мы призываем этот конгресс, а через него ученых всего мира и мировую общественность подписаться под следующей резолюцией...» Перформативным глаголом будет *invite*, *приглашаем*, категориально он относится к предложениям и советам. Авторы выражают свою волю по отношению к политическому органу США, некоторым учёным и публике в целом. С точки зрения перевода был подобран часто употребляемый вариант перевода, который укладывается в семантику и вид перформативности оригинальной лексемы.

Заканчивается резолюция призывом к урегулированию конфликтов с помощью мирных методов, без применения ядерного потенциала: «we urge the Governments of the world to realize, and to acknowledge publicly, that their purpose cannot be furthered by a world war, and we urge them, consequently, to find peaceful means for the settlement of all matters of dispute between them».

Перевод: «Мы настаиваем, чтобы правительства всех стран поняли и публично заявили, что споры между государствами не могут быть разрешены в результате развязывания мировой войны. Мы требуем, чтобы они находили мирные средства разрешения всех спорных вопросов». В случае с «Russell-Einstein Manifesto» была выбрана стратегия с обращением ко всем людям, такой выбор обоснован коммуникативной задачей текста. Перформативный глагол из категории требований и приказов – *urge*, в русском переводе «настаиваем». Как можно заметить, в оригинале происходит лексический повтор этого глагола в рамках одного предложения. Эта фигура речи служит для придания экспрессивности тексту. С точки зрения композиции это предложение также является сильной позицией текста, поэтому усиление в рамках лексического повтора позволяет более полно передать характер выражения воли составителей текста. В русской версии избежали этого повтора, для этой цели использована лексема «требуем», с семантической точки зрения это адекватный вариант, но он на уровне лингвистических тропов, он, как представляется, отнимает эмотивность важного момента текста.

Выделим один пример квазиперформатива: «We have to learn to think in a new way. We have to learn to ask ourselves, not what steps can be taken to give military victory to whatever group we prefer, for there no longer are such steps...». Текст обращён к аудитории с призывом пересмотреть взгляды на ядерную войну. Эта идея является лейтмотивом текста, поэтому она фигурирует в разных его частях. Перформативными оборотами буду являться «have to learn to think in a new way», «have to learn to ask ourselves». Авторы указывают на свод действий, который поможет справиться с ядерной угрозой, подталкивают читателей к правильному, с точки зрения авторов, решению. В переводе важно передать характер выражения долженствования. Перевод: «Мы должны научиться мыслить по-новому. Мы должны научиться спрашивать себя не о том...»

Третий текст – «Metamodernist Manifesto» написан Люком Тёрнером (Luke Turner) в 2011 г. За основу был взят перевод Артемия Гусева, автора русского интернет-портала о метамодерне. [Гусев: эл. ресурс]. Не все перформативы этого текста укладываются в грамматические рамки. Тем не менее, как было отмечено ранее, жанру присущи и другие способы выражения влияния на мир.

Перформативность выражена в соответствии с грамматической нормой «We recognise oscillation to be the natural order of the world». Перевод: «Мы признаем, что колебание – естественный порядок мира». По классификации Ю. Д. Апресяна, *признаём* – это перформатив из категории согласия и возражения. С помощью перформатива не только констатируется информация, но и совершается действие (автореферентность). Иллокутивная цель этого высказывания – сообщить о новой парадигме и утвердить её. С точки зрения перлокуции, ожидается согласие аудитории с этим утверждением и отказ от инертности постмодерна и культурного нигилизма модерна.

«We must liberate ourselves from inertia». Перевод: «Мы должны освободиться от инертности» – это предложение с глаголом первого лица множественного числа, изъявительного наклонения настоящего времени. Лексема *должны* указывает на модальность, скорее это декларатив. В соответствии с иллокутивной силой и прагматикой являются призывом к действию. Под перформативностью в манифесте понимается не столько прямое соответствие этому свойству с грамматической точки зрения, сколько призыв к изменению мира. В данном случае ведется призыв к изменению реальности путем отказа от норм и устоев современного общества.

Последний взятый нами для анализа текст – «Stop saving the planet!: An Environmentalist Manifesto». Манифест был написан американской писательницей Дженни Прайс (Jenny Price) в 2021 г. [Price 2021]. У текста нет перевода, поэтому представлен наш вариант перевода.

Само название книги является квазиперформативом, поскольку на уровне прагматики призывает к совершению действия. «Stop saving the planet!», перевод: «Хватит спасать планету!» Это название оказывает дополнительное языковое влияние. На протяжении манифеста Дженни Прайс неоднократно говорит о необходимости защиты климата, но это требует кардинально иного подхода от уже сложившегося в рамках общественного сознания. С одной стороны, такое название привлекает внимание, с другой стороны – в контексте книги обретает смысл подталкивания к изменению реальности.

Второй пример – «I urge anyone who's having nightmares about climate change to immediately stop obsessing about how to save "the environment" as a separate world out there». Перевод: «Я призываю всех, кого мучают кошмары по поводу изменения климата, немедленно перестать зацикливаться на том, как спасти "окружающую среду" как отдельный от нас мир». Перформативный глагол – *urge*, *призываю* относится к категории предложения и советы. Автор призывает к совершению действительно полезных поступков для улучшения экологии как составной части нашей планеты, то есть не рассматривать её как что-то не влияющее на повседневную жизнь.

Заключение

В каждом из четырех текстов присутствовали перформативы. Они выполняют функцию предложения новых идей для изменения неправильных, с точки зрения авторов, устоев в той или иной сфере. Эта категория является неотъемлемой частью жанра манифеста, её наличие обусловлено самой смысловой структурой и посылом текста. Не всегда перформативы выражаются с помощью грамматически корректной формы, в подавляющем большинстве случаев использование этой грамматической категории связано с контекстом высказывания.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Перформативы в грамматике и в словаре // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. № 3. С. 208–223. EDN: OKBYNU
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М. : Прогресс, 1974. 448 с.
3. Грайс П. Г. Логика и речевое общение / пер. с англ. В. В. Туrowsкого // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1985. Вып. 16. С. 217–237.
4. Гусев А. Метамодеpнист Манифест. URL: <https://metamodernizm.ru/manifesto/> (дата обращения: 05.03.2025).
5. Жидков О. А. Соединённые Штаты Америки: Конституция и законодательные акты / пер. с англ. М. : Прогресс; Универс-Москва, 1993. 768 с.
6. Ильин М. В. Что может дать анализ перформативов? // Политическая наука. 2016. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-mozhet-dat-analiz-performativov> (дата обращения: 05.03.2025). EDN: XHWCJB
7. Красина Е. А. Предикаты перформативного высказывания и речевого акта // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики, 2016. № 3. С. 29–36. EDN: XBEUKV
8. Крюкова И. В. Перформативное высказывание и перформативный глагол // Известия ДГПУ. Общественные и гуманитарные науки, 2009. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/performativnoe-vyskazyvanie-i-performativnyy-glгол> (дата обращения: 05.03.2025). EDN: MLZTKR
9. Остин Дж. Л. Как совершать действия при помощи слов? // Остин Дж. Л. Избранное. М. : Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 13–138.
10. Прокошенкова Л. П., Филиппова А. П. Перформативы в опативах // Вестник ЧГУ, 2006. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/performativy-v-optativah> (дата обращения: 05.07.2025).
11. Эйнштейн А., Рассел Б. Победа разума над оружием. Манифесты будущего. М. : Родина, 2022. С. 1–8.
12. Якобсон Р. О. Структурализм: "за" и "против". М. : Прогресс, 1975. 469 с.
13. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C/> (дата обращения: 05.03.2025).
14. Merriem-Webster. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/manifesto#nearby-entries> (дата обращения: 01.02.2025).
15. Searle J., Vanderveken D. Foundations of Illocutionary Logic. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 227 p.

References

1. Apresyan Yu. D. Performativy v grammatike i v slovare [Performatives in grammar and dictionary]. *Izvestiya AN SSSR* [Proceedings of the USSR Academy of Sciences]. 1986, no. 3, pp. 208-223. EDN: OKBYNU (In Russ.).
2. Benvenist E. Obshchaya lingvistika [General linguistics]. Moscow, Progress, 1974, 448 p. (In Russ.).
3. Grays P. G. Logika i rechevoe obshchenie [Logic and verbal communication]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New developments in foreign linguistics]. Moscow, Progress, 1985, iss. 16, pp. 217-237. (In Russ.).
4. Gusev A. Metamodernist Manifest [Metamodernist Manifesto]. (In Russ.). Available at: <https://metamodernizm.ru/manifesto/> (accessed: 05.03.2025).
5. Zhidkov O. A. Soedinennye Shtaty Ameriki: Konstitutsiya i zakonodatel'nye akty [United States of America: Constitution and Legislation]. Moscow, Progress, Univers-Moskva, 1993, 768 p. (In Russ.).

6. Il'in M. V. Chto mozhet dat' analiz performativov? [What can performative analysis provide?]. *Politicheskaya nauka* [Political Science]. 2016, no. 4. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-mozhet-dat-analiz-performativov> (accessed: 05.03.2025). EDN: XHWCJB
7. Krasina E. A. Predikaty performativnogo vyskazyvaniya i rechevogo akta [Predicates of a performative utterance and a speech act]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Current issues in philology and pedagogical linguistics]. 2016, no. 3, pp. 29-36. EDN: XBEUKV (In Russ.).
8. Kryukova I. V. Performativnoe vyskazyvanie i performativnyy glagol [Performative utterance and performative verb]. *Izvestiya DGPU* [DSPU News]. *Obshchestvennye i gumanitarnye nauki* [Social Sciences and Humanities]. 2009, no. 4. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/performativnoe-vyskazyvanie-i-performativnyy-glagol> (accessed: 05.03.2025). EDN: MLZTKR
9. Ostin Dzh. L. Kak sovershat' deystviya pri pomoshchi slov? [How to take action with words?]. *Ostin Dzh. L. Izbrannoe* [Austin J. L. Selected Works]. Moscow, Ideya-Press, Dom intellektual'noy knigi, 1999, pp. 13-138. (In Russ.).
10. Prokoshenkova L. P., Filippova A. P. Performativy v optativakh [Performatives in optatives]. *Vestnik ChGU* [Herald of the KhGU]. 2006, no. 4. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/performativy-v-optativah> (accessed: 05.07.2025).
11. Eynshteyn A., Rassel B. Pobeda razuma nad oruzhiem. Manifesty budushchego [The Victory of Reason over Weapons: Manifestos of the Future]. Moscow, Rodina, 2022, pp. 1-8. (In Russ.).
12. Yakobson R. O. Strukturalizm: "za" i "protiv" [Structuralism: pros and cons]. Moscow, Progress, 1975, 469 p. (In Russ.).
13. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C/> (дата обращения: 05.03.2025).
14. Merriem-Webster. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/manifesto#nearby-entries> (дата обращения: 01.02.2025).
15. Searle J., Vanderveken D. Foundations of Illocutionary Logic. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 227 p.

Информация об авторах

О. И. Графова – кандидат филологических наук, доцент, кафедра лингвистики и перевода, Пермский государственный национальный исследовательский университет;

К. А. Рязанцев – лингвист, переводчик,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about authors

O. I. Grafova – Ph. D. (Philology), Associate Professor, Department of Linguistics and Translation, Perm State University;

K. A. Ryazantsev – Linguisit-Translator,
Perm State University.

Статья поступила в редакцию 15.05.2025; одобрена после рецензирования 25.05.2025; принята к публикации 25.07.2025.

The article was submitted 15.05.2025; approved after reviewing 25.05.2025; accepted for publication 25.07.2025.

Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 3. С. 61–69.
Eurasian Humanitarian Journal. 2025. No. 3. P. 61-69.

Научная статья
УДК 81'42

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА КОНФЛИКТОГЕННЫХ ЕДИНИЦ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Ольга Николаевна Путина

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, Пермь, onputina@mail.ru

Аннотация. Художественный текст является отражением реальной жизни людей. Один из её аспектов – конфликт интересов отдельных индивидов и целых групп. В данной статье автор исследует конфликтогенные единицы художественного текста в аспекте их семантического и прагматического потенциала. К конфликтогенным единицам могут быть отнесены слова, словосочетания, предложения, а иногда и целые тексты. Конфликтогенные единицы – это единицы, содержащие оскорбления, угрозы, насмешки и другие компоненты, провоцирующие конфликтную ситуацию, вызывающие враждебность, агрессию или недоверие со стороны адресата речи. Такого рода конфликтогенные единицы приобретают особое прагматическое значение в контексте. Они могут выражать различные интенции говорящих, при этом обладают большим потенциалом и способны отображать широкий спектр эмоций, как правило, негативных. Автор статьи исследует единицы художественного текста разного уровня. В статье анализируются такие контексты, в которых эти разноуровневые единицы связаны с выражением именно негативных эмоций. Как показывает анализ, конфликтогенные единицы отражают разнообразные отрицательные эмоции. Часто конфликтогенная речь не позволяет одному из участников коммуникации – а иногда и обоим – реализовать основные задачи эффективного общения. Это затрудняет обмен информацией, ухудшает восприятие собеседниками друг друга, препятствует выработке общей стратегии взаимодействия и конструктивному выходу из затруднительных ситуаций. Исследование конфликтогенных единиц является необходимым, так как позволяет выявить их спектр, функции и в перспективе способствует разработке стратегий и тактик кооперативного общения, что способствует обеспечению коммуникативной безопасности отдельной личности и общества в целом.

Ключевые слова: конфликтогенные единицы, конфликтогенность, семантика, прагматика, художественный текст, контекстуальный анализ.

Для цитирования: Путина О. Н. Семантика и прагматика конфликтогенных единиц в художественном тексте // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 3 С. 61–69.

Original article

SEMANTICS AND PRAGMATICS OF CONFLICTOGENIC UNITS IN A LITERARY TEXT

Olga N. Putina

Perm State University, Perm, Russia, onputina@mail.ru

Abstract. The literary text is a reflection of people's real lives. One of its aspects is the conflict of interests of individuals and entire groups. In this article, the author explores the conflictogenic units of a literary text in terms of their semantic and pragmatic potential. Conflicting units can include words, phrases, sentences, and sometimes entire texts. Conflictogenic units are units containing insults, threats, ridicule and other components that provoke a conflict situation, causing hostility, aggression or distrust on the part of the addressee of speech. Such conflict-causing units acquire a special pragmatic significance in the context. They can express various intentions of speakers, while they have great potential and are able to display a wide range of emotions, usually negative. The author of the article explores the units of literary text at different levels. The article analyzes such contexts in which these multilevel units are associated with the expression of negative emotions. As the analysis shows, conflictogenic units reflect a variety of negative emotions. Often, conflictogenic speech does not allow one of the participants in communication – and sometimes both – to realize the main tasks of effective communication. This makes it difficult to exchange information, worsens the perception of interlocutors of each other, prevents the development of a common strategy of interaction and a constructive way out of difficult situations. The study of conflictogenic units is necessary, as it allows us to identify their range, functions and, in the future, contributes to the development of strategies and tactics of cooperative communication, which contributes to ensuring the communicative security of an individual and society as a whole.

Keywords: conflictogenic units, conflictogenicity, semantics, pragmatics, literary text, contextual analysis.

For citation: Putina O. N. Discourse markers *so, actually, whatever* as intensifiers of conflictogenicity. Eurasian Humanitarian Journal. 2025;3:61-69. (In Russ.).

Введение

Основной задачей художественного текста является воздействие на чувства и воображение читателя. Такой текст помимо прямой смысловой нагрузки передает авторские мысли и переживания, изображает действительность в преображенном, вымышленном виде и обладает особой эстетической информацией. К основным признакам художественного текста мы относим: индивидуальность, целостность, образность, эмоциональность, эстетическая функция, наличие подтекста.

Любой художественный текст является результатом деятельности автора, который посредством творческого процесса воплощает в жизнь сюжеты различной направленности. Культурная, политическая, социальная, экономическая и другие сферы жизни получают отражение в художественных текстах. Художественный текст отражает реальность и социальную сферу человеческой жизни, которая состоит из конфликтов на разных уровнях. С целью анализа конфликтогенных единиц в художественном тексте мы обращаемся к современному американскому роману жанра фэнтези А. Stewart «The Bone Shard War», где наглядно демонстрируются сложные человеческие взаимоотношения, отражающиеся в конфликтных диалогах и монологах.

Под семантикой конфликтогенных языковых средств подразумевается использование особых лексико-семантических маркеров, стилистических и синтаксических приемов, представляющих собой негативно окрашенные элементы текста.

Прагматика конфликтогенных языковых единиц формирует взаимосвязь знаковой системы и интерпретатора, анализирующего текст. В прагматическом аспекте конфликт в художественном тексте выражается как в прямой речи персонажей, так и в авторских ремарках и описаниях, актуализируясь маркерами вербальной агрессии, а именно, специфической лексикой, грамматическими конструкциями, эмоциональной окраской текста и общей контекстуальной информацией.

Основная часть

Семантика конфликтогенных единиц

В нашем исследовании мы определяем *конфликт* как острое столкновение оппозиционных интересов, целей, взглядов, приводящее к противодействиям субъектов конфликта и сопровождаемое негативными чувствами с их стороны.

Для описания семантики конфликтогенных единиц необходимо также дать определение *конфликтному тексту*. Художественный текст, как и другие виды текстов, является потенциальной средой для выражения агрессии в речи персонажей. Л. А. Махина утверждает, что «с точки зрения лингвистики к "конфликтным текстам" можно отнести такие, которые содержат в композиционно-структурной целостности или в отдельных своих частях речевые сигналы когнитивного и / или коммуникативно-прагматического диссонанса между автором и реципиентом и, вследствие этого, потенциально или реально вызывают в качестве перлокутивного эффекта появление конфликта и/или враждебности» [Махина 2017: 11; см. также, Невельсон 2024; Соболева 2025]. Под речевыми сигналами подразумеваются лексико-семантические маркеры, показывающие явную или скрытую агрессивность высказывания. «Как язык, так и речь имеют такие конфликтогенные свойства, которые "провоцируют" пользователей языка на конфликтное взаимодействие» [Макаренко 2018: 10].

О. В. Крамкова выделяет следующие маркеры конфликтогенной лексики: многозначные слова и омонимы; ненормативная (обценная, инвективная) лексика; негативная оценочная лексика, слова-агнотимы; сленгизмы; жаргонизмы; арготизмы; слова, вызывающие неприятные, нежелательные или незтичные ассоциации; отрицательные конструкции [Крамкова 2011: 332].

«Важнейшим маркером конфликтогенного потенциала текста является лексика, выражающая негативное отношение к описываемому лицу и репрезентируемая единицами стилистически сниженного регистра, а также литературными элементами» [Макаренко 2018: 12].

Конфликт в художественных текстах также может передаваться через синтаксические и стилистические приемы: контрасты и антитезы, параллелизмы и риторические вопросы, которые являются маркерами непрямой агрессивности текста. «Помимо лексических единиц в конфликтных текстах широко функционируют фразеологические обороты, выражающие отрицательную оценку. Синтаксические средства играют важную роль в актуализации конфликтного потенциала текста. Самыми частотными маркерами конфликтности являются риторические вопросы, инверсия, языковая компрессия и другие» [там же 2018: 13].

Под семантикой конфликтогенных языковых средств подразумевается использование лексико-семантических маркеров негативной окраски. Стилистические и синтаксические приемы также маркируют конфликтогенную содержательность художественного текста.

Прагматика конфликтогенных единиц

Целью любого художественного текста является стремление автора произвести впечатление или вызвать реакцию у реципиента текста. Такой коммуникативный эффект изучается в рамках лингвистической прагматики – «раздела семиотики, посвящённого изучению отношения интерпретатора пользователя какой-либо знаковой системы к самой знаковой системе» [СФС].

В зарубежной и отечественной лингвистике к прагматике в аспекте конфликтогенности обращались исследователи G. Yule [1996], О. В. Крамкова [2011], Т. В. Ларина [2015]. Важно отметить, что в рамках прагматики путем привлечения контекста, понятий и методов социально-психологического взаимодействия раскрывается истинная суть высказывания. Согласно Х. Н. Шокировой, «прагматика изучает функциональное использование языковых знаков в речи» [Шокирова 2021: 743].

В художественном тексте прагматика отражается на двух уровнях: в диалогах и монологах (персонажи прямо выражают смыслы высказывания посредством слов того или иного языка, оборотов речи и т. д.); в авторской речи (передача состояния персонажа, окружающих факторов, которые помогают реципиенту текста понять, вообразить и визуализировать события, с целью составления целостной картины контекстуальных смыслов повествования). «Прагматический аспект авторской речи заключается в передаче социально ценностного подхода автора к событиям и персонажам» [Соболева 2008: 56].

Е. Г. Соболева выделяет следующие прагматические составляющие диалогической речи персонажей: эмоционально-оценочная лексика (обращения, зоометафоры, прилагательные-интенсификаторы); идиомы; просодические элементы (пунктуация помогает читателю быстрее и правильнее понять содержание текста); стилевая характеристика речи (особенности произношения персонажей); информативность; влияние социокультурных факторов (иерархия в обществе, социальное происхождение, пол и возраст, тип контакта и другие); психологическая база диалога (установление между коммуникантами взаимоотношений, основанных на прошлом опыте обучающихся) [там же 2008: 56].

С точки зрения конфликтологии практически в любом художественном тексте можно выделить единицы, маркирующие вербальную агрессию. Так, О. В. Крамкова выделяет следующие конфликтогенные прагматические факторы: игнорирование возрастных характеристик партнера по общению; пренебрежение статусными различиями участников общения; несоответствие содержания виду общения; несоответствие места и времени; несоответствие условиям общения; несоответствие ролевым позициям в коммуникативном акте [Крамкова 2011: 335].

Прагматика текста формирует взаимосвязь знаковой системы и интерпретатора, анализирующего данный текст. Конфликтогенность выражается через речь персонажей художественного произведения и авторские описания и актуализируется маркерами вербальной агрессии.

Маркеры конфликтогенности

Э. Фромм полагал, что агрессия заложена в природе человека [Фромм 2021: 120]. Социальная часть человеческой жизни состоит из конфликтов на разных уровнях, иными словами, человек всегда бывает вовлечен в социальные конфликты, так как неразрывно связан взаимодействием с другими членами общества. Различного рода конфликты являются

маркерами не только состояния языка, но и социальных и политических проблемы общества [Кронгауз: эл. ресурс].

Художественная литература формируется на основе реального мира. Речь персонажей литературы отражает особенности «живой речи» [Караулов 1987; Семенов 2011]. То есть, художественный текст фиксирует и транслирует реальность и социальную сферу человеческой жизни, которая состоит из конфликтов на разных уровнях.

Меж- и внутрлические конфликты типичны для романов, они являются неизбежным двигателем сюжета. Читатель идентифицирует конфликтогенное поведение персонажа посредством определенных языковых маркеров в тексте. Мы рассмотрим маркеры конфликтов на лексическом и синтаксическом уровнях языка.

На лексическом уровне мы выделили: термины власти; агрессивные метафоры; негативная оценочная лексика; отрицательные конструкции.

Под **терминами власти** подразумевается иерархическое деление общества, обращение к человеку / персонажу с более высоким социальным положением, упоминание статуса человека / персонажа в речи автора и его формальная передача в тексте. Например, в тексте анализируемого романа термин «*Sai*» – это обращение к высокопоставленному лицу, имеющему высокий чин в иерархической структуре власти, такой как Император или губернатор. Слово «*Emperor*» – это титул высшей степени власти. Хотя термины власти не всегда являются конфликтогенными маркерами, но их наличие в диалоге или описании часто указывает на потенциально конфликтную ситуацию. Так, в одном случае термины власти могут выражать здоровое распределение ролей в обществе, а в другом – представлять собой средство давления на людей, что является признаком конфликта.

Агрессивные метафоры и сравнения часто встречаются в тексте романа, они выражают прямую агрессию и встречаются в описании персонажей в момент напряжения для репрезентации опасности, стресса, тревоги и других негативных эмоций, например, «*power is like a wolf howling at night, calling others to him, forming a pack that makes the hunting of prey easier*» [BSW 2023: 77]; «*straightening like a snake ready to strike*» [BSW 2023: 105].

Негативная оценочная лексика используется для эмоциональной оценки субъекта высказывания, а не для объективной характеристики его действий или свойств. Чаще всего такая лексика встречается в высказываниях конфликтующих сторон для унижения и оскорбления друг друга, например: «*How can you be this stupid sometimes?*» [BSW 2023: 277]; «*That stupid, foolish child*» [BSW 2023: 415]; «*people who hated me*» [BSW 2023: 354] «*are you a helpless child?*» [BSW 2023: 363].

Отрицательные конструкции часто изначально несут конфликтогенный подтекст. Через прямое отрицание передается несогласие, отвержение, опровержение, отказ, неприятие, которые часто наблюдаются в речи персонажей. В речи автора отрицание может означать страх, недовольство, злость, агрессию, беспомощность. Все эти негативные эмоции формируют почву для конфликта и конфликтогенного поведения, провоцируют его, например: «*Some people in the cavern grumbled, but others, like her, could not seem to tear their eyes away. His voice carried*» [BSW 2023: 354]; «*He's soft on Alanga, on his fellows. I am not*» [BSW 2023: 354]; «*We will do whatever it takes, no hesitation*» [BSW 2023: 356]; «*I'm not a hero*» [BSW 2023: 403].

В художественном тексте можно выделить конфликтогенные единицы на синтаксическом уровне, где формируется контекстуальная содержательность текста посредством связи слов и их порядка. К синтаксическому уровню мы отнесли следующие явления: порядок слов в предложении; односоставные предложения; риторические вопросы. В художественном тексте конфликтогенность также передается посредством языковых единиц через стилистические приемы. С их помощью формируется стиль автора, выразительность и уникальность произведения, которые обеспечивают эмоциональное и эстетическое воздействие на читателя.

К стилистическим приёмам мы отнесли: сарказм; угрозы; агрессивные сравнения / метафоры: *«let the wolf in among the sheep»* [BSW 2023: 178]; противоречия; манипуляции. Для выражения угрозы характерны императивы, негативно-окрашенная и нейтральная лексика, агрессивные сравнения, парцелляция; для унижения и пренебрежения – лексика с оценочной семантикой, агрессивные зоосравнения, риторический вопрос, манипуляция; для выражения страха и раздражения – отрицательные конструкции, агрессивная лексика, лексика с оценочной семантикой.

Таким образом, конфликтогенные маркеры можно выделить на разных уровнях текста романа А. Stewart «The Bone Shard War». Конфликтогенные слова, словосочетания, предложения, их порядок и оформление, а также общий контекст обеспечивают эмоциональную реакцию на содержание текста.

Прагматический эффект конфликтогенности

Прагматика текста есть ничто иное как его значение в контексте. G. Yule утверждал, что одно из преимуществ изучения прагматического эффекта текста заключается в возможности анализа предполагаемых значений, целей или действий, которые подразумевает говорящий [Yule 1996: 4].

Прагматический эффект создаётся посредством общей атмосферы как диалогов и монологов, так и речи автора произведения. По мнению Т. В. Лариной, «функциональной значимостью прагматики» выступают различия эмоциональной открытости / сдержанности, которые распространяются на вербальную и невербальную коммуникацию и затрагивают сферу социальных правил и норм эмоционального поведения [Ларина 2015: 145]. Для комплексного анализа прагматического эффекта необходимо понимать условия и законы мироустройства анализируемого художественного текста, потому как обычная фраза в контексте романа может иметь очень весомый, а иногда совсем неожиданный эффект.

В процессе анализа текста романа А. Stewart «The Bone Shard War» мы выявили следующие маркеры конфликтогенности и описали их прагматический эффект: пренебрежение статусными различиями участников общения; несоответствие содержания виду общения; игнорирование возрастных или статусных характеристик партнера по общению; несоответствие места и времени; несоответствие условиям общения; несоответствие ролевым позициям в коммуникативном акте.

Обратимся к некоторым из конфликтогенных ситуаций и анализу их прагматического эффекта:

1. Несоответствие условиям общения: *«Ah, damn it»!* («Ох, да к черту это»!) [BSW 2023: 418]. Комментарий: Данная фраза произносится подданным императора в присутствии императора, что изначально говорит о нарушении условий коммуникации и правил этикета.

Слово *damn* имеет ярко выраженную негативную окраску, что в контексте общения с человеком высокого социального статуса крайне непозволительно.

2. Игнорирование возрастных или статусных характеристик партнера по общению: «*You think you can stop me?*» («Ты думаешь, что сможешь остановить меня?») [BSW 2023: 412]. Комментарий: Данную фразу произносит четырнадцатилетняя девочка в разговоре с губернатором. Явное игнорирование возрастных и статусных характеристик в вопросе, демонстрирующем неуважение, маркирует конфликтное поведение.

3. Несоответствие места и времени: «*Philine! The bamboo. You first*» («Филин! Бамбук. Ты первая») [BSW 2023: 151]. Комментарий: Филин – это имя наёмной убийцы в романе, мощной и крупной женщины. Персонаж предлагает сбежать с места сражения, совершив нереальное для Филин физическое действие – каким-то образом пролезть через маленькое оконце и скрыться в бамбуковых зарослях. Здесь прагматический эффект неожиданности, достигается через злую и несвоевременную для критической ситуации шутку.

Таким образом, прагматический эффект конфликтогенности реализуется посредством коммуникативных актов, вписанных в контекст конкретной ситуации, часто из-за несоблюдения определённых норм или законов общества, а также нарушения этических или моральных границ личности.

Заключение

Мы обнаружили и описали функционирование лингвистических маркеров конфликтогенности на лексическом и синтаксическом уровнях художественного текста на примере романа А. Stewart «*The Bone Shard War*». На лексическом уровне мы выделили: 1) термины власти; 2) агрессивные метафоры; 3) негативную оценочную лексику; 4) отрицательные конструкции. К синтаксическому уровню мы отнесли: 1) порядок слов в предложении; 2) односоставные предложения; 3) риторические вопросы. Далее были выявлены стилистические приемы, репрезентирующие конфликтогенность: 1) сарказм; 2) угроза; 3) метафора и агрессивное сравнение; 4) противоречие; 5) манипуляция. Лексические и стилистические элементы, их порядок и оформление, а также контекст обеспечивают эмоциональное восприятие содержания текста.

Для комплексного анализа прагматического эффекта необходимо понимать условия и законы мироустройства художественного произведения, так как нейтральная фраза в контексте романа может иметь значительный или неожиданный коммуникативный эффект. Конфликтогенность в художественном тексте репрезентируется с помощью негативно окрашенных языковых единиц и характеризуется большим многообразием средств выразительности.

Список литературы

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М. : Наука, 1987. 363 с. EDN: PWFIXL
2. Крамкова О. В. Языковые и прагматические факторы конфликтогенности // Вестник ННГУ. 2011. № 6-2. С. 332–335. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-i-pragmaticheskie-factory-konfliktogennosti> (дата обращения: 12.05.2025). EDN: OMTLDZ
3. Кронгауз М. А. Речевой этикет. URL: <https://postnauka.ru/video/12524> (дата обращения: 02.05.2025).

4. Ларина Т. В. Прагматика эмоций в межкультурном контексте // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2015. № 1. С. 144–161. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pragmatika-emotsiy-v-mezhkulturnom-kontekste> (дата обращения: 02.05.2025). EDN: TMCРAB
5. Макаренко Г. С. Конфликтный текст как объект лингвистического исследования: структурно-семантический и прагматический аспекты : автореф. ... канд. филол. наук. Уфа, 2018. 24 с. EDN: GTMYPP
6. Махина Л. А. Вербальные и невербальные средства выражения коммуникативно-прагматической категории "враждебность" в конфликтных текстах (на материале современного немецкого языка) : автореф. ... канд. филол. наук: специальность. СПб., 2017. 30 с. EDN: ZQDMGR
7. Невельсон Е.Ю. Лингтолеранность как технология конфликто разрешения // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 4. С. 20–27. EDN: KVRFEF
8. Семенов А. Н. Роль конфликта в структуре художественного текста // Вестник угроведения. 2011. № 2 (5). С. 52–58. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-konflikta-v-strukture-hudozhestvennogo-teksta> (дата обращения: 11.05.2025). EDN: PARPBV
9. Соболева Е. Г. Проблемы прагматики англоязычного художественного текста // Известия ПГУ им. В. Г. Белинского. 2008. № 13. С. 55–56. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problems-pragmatiki-angloyazychnogo-hudozhestvennogo-teksta> (дата обращения: 15.05.2025). EDN: JVKLOT
10. Соболева Л.А. Категория лингвоконфликтности в правовом дискурсе // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 2. С. 77–82. EDN: DXWYOU
11. Советский философский словарь. URL: <https://rus-sovetsky-filosof-dict.slovaronline.com> (дата обращения: май 2025).
12. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с нем. Э. Телятниковой. М. : Издательство АСТ, 2021. 736 с.
13. Шокирова Х. Н. Суть прагматики // Экономика и социум. 2021. № 1-2 (80). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sut-pragmatiki> (дата обращения: 15.05.2025).
14. Stewart A. The Bone Shard War / Orbit. Hachette Book Group. 1290 Avenue of the Americas, 2023. New York, NY 10104 P. 510.
15. Yule G. Pragmatics. Oxford University Press, 1996. 156 p.

References

1. Karaulov Yu. N. Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost' [Russian language and linguistic personality]. Moscow, Nauka, 1987, 363 p. (In Russ.). EDN: PWFIXL
2. Kramkova O. V. Yazykovye i pragmaticheskie faktory konfliktogennosti [Linguistic and pragmatic factors of conflict potential]. *Vestnik NNGU* [UNN Bulletin]. 2011, no. 6-2, pp. 332-335. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-i-pragmaticheskie-factory-konfliktogennosti> (accessed: 12.05.2025). EDN: OMTLDZ
3. Krongauz M. A. Rechevoy etiket [Speech etiquette]. (In Russ.). Available at: <https://postnauka.ru/video/12524> (accessed: 02.05.2025).
4. Larina T. V. Pragmatika emotsiy v mezhkul'turnom kontekste [Pragmatics of emotions in an intercultural context]. *Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of RUDN University. Series: Linguistics]. 2015, no. 1, pp. 144-161. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pragmatika-emotsiy-v-mezhkulturnom-kontekste> (accessed: 02.05.2025). EDN: TMCРAB
5. Makarenko G. S. Konfliktnyy tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya: strukturno-semanticheskii i pragmaticheskii aspekty [Conflict text as an object of linguistic research: structural-semantic and pragmatic aspects]. PhD dissertation abstract. Ufa, 2018, 24 p. (In Russ.). EDN: GTMYPP
6. Makhina L. A. Verbal'nye i neverbal'nye sredstva vyrazheniya kommunikativno-pragmaticheskoy kategorii "vrazhdebnost'" v konfliktogennykh tekstakh (na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka)

- [Verbal and non-verbal means of expressing the communicative-pragmatic category of "hostility" in conflict-generating texts (based on the modern German language)]. PhD dissertation abstract. Saint Petersburg, 2017, 30 p. (In Russ.). EDN: ZQDMGR
7. Nevel'son E.Yu. Lingtolerannost' kak tekhnologiya konfliktorazresheniya [Lingtolerance as a conflict resolution technology]. *Evrasiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2024, no. 4, pp. 20-27. EDN: KVRFEF (In Russ.).
 8. Semenov A. N. Rol' konflikta v strukture khudozhestvennogo teksta [The role of conflict in the structure of a literary text]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugrology]. 2011, no. 2 (5), pp. 52-58. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-konflikta-v-strukture-hudozhestvennogo-teksta> (accessed: 11.05.2025). EDN: PARPBV
 9. Soboleva E. G. Problemy pragmatiki angloyazychnogo khudozhestvennogo teksta [Problems of pragmatics in English-language fiction]. *Izvestiya PGU im. V. G. Belinskogo* [News of the V. G. Belinsky PSU]. 2008, no. 13, pp. 55-56. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pragmatiki-angloyazychnogo-hudozhestvennogo-teksta> (accessed: 15.05.2025). EDN: JVKLOT
 10. Soboleva L.A. Kategoriya lingvokonfliktogennosti v pravovm diskurse [The category of linguistic conflict in legal discourse]. *Evrasiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2025, no. 2, pp. 77-82. EDN: DXWYOU (In Russ.).
 11. Sovetskiy filosofskiy slovar' [Soviet Philosophical Dictionary]. (In Russ.). Available at: <https://rus-sovetsky-filosof-dict.slovaronline.com> (accessed: may 2025).
 12. Fromm E. *Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti* [The Anatomy of Human Destructiveness]. Moscow, Izdatel'stvo AST, 2021, 736 p. (In Russ.).
 13. Shokirova Kh. N. Sut' pragmatiki [The essence of pragmatics]. *Ekonomika i sotsium* [Economy and society]. 2021, no. 1-2 (80). (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sut-pragmatiki> (accessed: 15.05.2025).
 14. Stewart A. *The Bone Shard War / Orbit*. Hachette Book Group. 1290 Avenue of the Americas, 2023. New York, NY 10104 P. 510.
 15. Yule G. *Pragmatics*. Oxford University Press, 1996. 156 p.

Информация об авторе

О. Н. Путина – кандидат филологических наук, доцент, кафедра лингвистики и перевода, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

O. N. Putina – Ph. D. (Philology), Associate Professor, Department of Linguistics and Translation, Perm State University.

Статья поступила в редакцию 15.05.2025; одобрена после рецензирования 28.05.2025; принята к публикации 20.06.2025.

The article was submitted 15.05.2025; approved after reviewing 28.05.2025; accepted for publication 20.06.2025.

Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 3. С. 70–81.

Eurasian Humanitarian Journal. 2025. No. 3. P. 70-81.

Научная статья

УДК 811.134.2'28

ИНДИХЕНИЗМЫ В МЕКСИКАНСКОМ ВАРИАНТЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ МАРКЕРЫ

Наталья Владимировна Хорошева¹, Тимофей Георгиевич Горин²

¹ Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия, romanphyl@gmail.com

² Пермь, Россия, tgirin567@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются лингвокультурные аспекты происхождения, функционирования и трансляции в другие культуры индихенизмов в мексиканском варианте испанского языка. Под индихенизмами понимаются лексические единицы, вошедшие в мексиканский испанский из древних языков коренного населения – майя, науатль, ацтеков и других. Проблема индихенизмов в мексиканском варианте испанского языка лежит в поле более обширной проблемы национальной идентичности. Они не только свидетельствуют о значимости культуры коренных народов Мексики в современных реалиях, но и формируют её национальную самобытность и культурную уникальность страны. В широком смысле индихенизм – направление политики, нацеленное на сохранение культурных ценностей коренного населения, его интеграцию в современное общество и тем самым предопределяющее нациестроительство. Материалом для исследования стали мексиканские индихенизмы, функционирующие на страноведческих сайтах, в туристических гидах, научно-популярных изданиях. В целом индихенизмы чаще характеризуются сложной внутренней структурой, поскольку восходят к словосочетаниям на языках индейцев, непривычной длиной и фонетическим составом. Представлены такие типы индихенизмов, как топонимы, антропонимы, анимонимы, фитонимы, наименования традиционных артефактов и обрядов. В статье приводятся примеры индихенизмов современного мексиканского испанского в контексте, анализируется их происхождение, состав и другие особенности. Авторы делают вывод о том, что индихенизмы имеют обширную сферу функционирования в текстах различных жанров и типов, обеспечивая включенность этнического аспекта в языковую идентичность мексиканского общества.

Ключевые слова: индихенизм, мексиканский вариант испанского языка, заимствование, слова-реалии, лингвокультурный маркер.

Для цитирования: Хорошева Н. В., Горин Т. Г. Индихенизмы в мексиканском варианте испанского языка как лингвокультурные маркеры // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 3. С. 70–81.

Original article

INDIGENISMS IN THE MEXICAN SPANISH AS LINGUOCULTURAL MARKERS

Natalia V. Khorosheva¹, Timofey G. Gorin²

¹ Perm State University, Perm, Russia, Пермь, Россия, romanphyl@gmail.com

² Perm, Россия, tgjrin567@gmail.com

Abstract. The article is devoted to linguocultural aspects of the origin, functioning and translation into other cultures of indigenisms in the Mexican variant of Spanish language. Indigenisms are lexical units that have entered Mexican Spanish from ancient indigenous languages – Maya, Nahuatl, Aztec and others. The problem of Indigenisms in the Mexican version of Spanish lies in the field of a broader problem of national identity. They not only testify to the importance of the culture of the indigenous peoples of Mexico in modern realities, but also form its national identity and cultural uniqueness of the country. In a broad sense, Indigenism is a policy direction aimed at preserving the cultural values of the indigenous population, integrating it into modern society and thereby determining nation-building. The material of the study is Mexican indigenisms functioning on country studies websites, in tourist guides, popular science publications. In general, indigenisms are more often characterized by a complex internal structure, as they are derived from word combinations in indigenous languages and they have unusual length and phonetic composition. Such types of indigenisms as toponyms, anthroponyms, animonyms, phytonyms, names of traditional artifacts and rituals are presented. Examples of indigenisms of modern Mexican Spanish in context are given, and their origin, composition, and other features are analyzed. The authors conclude that indigenisms have an extensive sphere of functioning in texts of various genres and types, ensuring the inclusion of the ethnic aspect in the linguistic identity of Mexican society.”

Keywords: indigenism, Mexican Spanish, borrowing, realia, linguocultural marker.

For citation: Khorosheva N. V., Gorin T. G. Indigenisms in the mexican Spanish as linguocultural markers. Eurasian Humanitarian Journal. 2025;3:70-81. (In Russ.).

Введение

В широком смысле индихенизм – направление политики, нацеленное на сохранение культурных ценностей коренного населения, его интеграцию в современное общество и тем самым предопределяющее нациестроительство [Данилова, Демянник 2022].

В узком смысле индихенизмы – заимствования из древних языков индейцев (науатль, майя и других), которые составляют значительную часть национальных вариантов испанского языка в Латинской Америке – около 14 % единиц словарного корпуса [Фирсова 2000: 26].

Проблема индихенизмов в мексиканском варианте испанского языка лежит в поле более обширной проблемы национальной идентичности. Они не только свидетельствуют о значимости культуры коренных народов Мексики в современных реалиях, но и формируют её национальную самобытность и культурную уникальность страны.

Вместе с тем, с точки зрения межкультурной коммуникации, индихенизмы – это проявление языковой лакуарности. Лакуна является наиболее ярким проявлением национальной специфики определенной лингвокультуры и, как следствие, представляет трудности для восприятия носителями других культур по причине отсутствия в лингвокультуре другого народа эквивалента. В связи с этим возникают проблемы трансфера культурного кода одной нации в иную лингвокультуру.

Объектом данного исследования являются индихенизмы как культурно-маркированные заимствования из индейских языков в мексиканском варианте испанского языка.

Предмет исследования – лингвокультурные особенности индихенизмов и их функционирование в различных типах дискурса. Материалом для исследования послужили страноведческие сайты и издания, научно-популярные публикации, туристические гиды общим объёмом около 205 тыс. печатных знаков. Выявлено 703 словоупотребления 143 уникальных индихенизма.

Основная часть

Языковая ситуация современной Мексики отражает сложное взаимодействие культур: мексиканский национальный вариант испанского языка вобрал в себя множество заимствований из языков науатль и майя, при этом факт доминирования креольской культуры привёл автохтонные языки к трансформации. Однако даже при учете односторонней ассимиляции индейские языки оставили огромный след в мексиканском национальном варианте испанского языка и активно употребляются как в обыденной, так и в официальной речи.

«Индихенизмы (индианизмы) – слова, вошедшие в испанский язык из индейских языков, прежде всего, обозначающие предметы домашнего обихода, названия животных, растений, слова, связанные с обычаями и верованиями индейских племен» [Плеухова 2015: 143]. Данные единицы отражают аспекты мексиканской культуры, имея как описательный, так и чувственно-эмоциональный характер.

Индихенизмы являются неотъемлемой частью мексиканского национального варианта испанского языка, активно сохраняясь в различных областях коммуникации и типах дискурса. Их использование обусловлено необходимостью номинации уникальных культурных единиц (древние строения, артефакты, овощи и фрукты, предметы быта и искусства и т. д.), являющихся репрезентацией древнего культурного кода. Индихенизмы являются прямым, а, главное, живым отражением древней цивилизации, влияние которой прослеживается не только в мексиканской культуре, но и – в силу глобализации – за её пределами.

В целом индихенизмы характеризуются, как правило, сложной внутренней структурой, поскольку восходят к словосочетаниям на языках индейцев, непривычной длиной, а также необычным фонетическим составом: скоплением и сочетанием согласных и гласных, не свойственных европейским языкам. Как номинативные единицы языка индихенизмы могут быть различных типов: топонимы, антропонимы, фитонимы, анимонимы, наименования традиционных явлений и т. д.

В нашей выборке оказались 109 топонимов, что составляет 76,2 % от общего количества выявленных индихенизмов; 15 наименований традиционных явлений (10,5 %); 10 антропонимов (7 %); 5 фитонимов (3,5 %).

Самой малочисленной группой в рамках найденного нами материала являются индихенизмы-анимонимы – 2,8%. Значительное число индихенизмов (76,2 %) неразрывно связано с названиями различных географических объектов и локаций, то есть относятся к топонимам. Топонимы – географические названия определённых мест или объектов, основными функциями которых служат номинативная и идентифицирующая функции. Благодаря топонимам в сознании у реципиента возникает ментальная проекция, образ определенного местоположения, о котором идет речь. Данный тип индихенизмов

представляет собой заимствованные из древних языков индейских народов названия мест, объектов и локаций, значимых для индейцев, поэтому обычно имеют древнее происхождение.

– Названия штатов и регионов Мексики: *Yucatán* (Юката»), *Oaxaca* (Оахака), *Campeche* (Кампече), *Chiapas* (Чьяпас), *Tabasco* (Табаско), *Michoacán* (Мичоакан), *Jalisco* (Халиско), *Chihuahua* (Чуауа), *Zacatecas* (Сакатекас), *Morelos* (Морелос), *Tlaxcala* (Тлашкала), *Hidalgo* (Идальго); *Puuc* (Пуук), *Chenes* (Ченес), *Zacualpan* (Сакуальпан), *Ayacucho* (Аякучо).

– Названия городов: *Tulum* (Тулум), *Champotón* (Чампотон), *Chetumal* (Четумаль), *Bacalar* (Бакалар), *Tixcacal* (Тишкакаль), *Tlatelolco* (Тлателолько), *Chilpancingo* (Чильпанцинго), *Ayotzinapa* (Айотцинана), *Becán* (Бекан), *Mérida* (Мерида), *Tuxtla Chico* (Тустла-Чико), *Toluca* (Толука), *Cuauhtémoc* (Куаутемок), *Chimalhuacán* (Чимальуакан), *Malinalco* (Малиналько), *Пара* (Пара), *Тереарулько* (Тереарулько), *Парасоан* (Парасоан), *Tlaxolula* (Тлаколула), *Comalcalco* (Комалькалько), *Balancán* (Баланкан), *Сансун* (Канкун), *Guajuato* (Гуанахуато), *Tetela* (Тетела).

– Названия археологических зон: *Xel-Ha* (Шель-ха), *Edzná* (Эцна), *Calaktul* (Калакмуль) – одноимённая муниципалитету, *Balamkú* (Баламку), *Teotihuacán* (Теотиуакан), *Chichén Itza* (Чичен-Ица), *Mayarín* (Майяпан), *Tenochtitlán* (Теночтитлан), *Tikal* (Тикаль), *Uxmal* (Ушмаль), *Muyil* (Муйиль), *Során* (Копан), *Yaxchilán* (Яйчичилан), *Raquimé* (Пакиме), *Cuicuilco* (Куикуилько), *Mixcoac* (Мишкоак), *Xruhil* (Шнуиль), *Cuauhtémoc* (Куаутемок) – одноимённая городу, *Huamanga* (Уаманга), *Истенеме*, *Guachimontones* (Гуачимонтонес), *Teuchitlán* (Теучитлан), *Ihuatzio* (Иуаццо), *Xochicalco* (Шочикалько), *Chalcatzingo* (Чалькацинго), *Lambityeco* (Ламбитьеко), *Mitla* (Митла), *Tamtoc* (Тамток), *Tamohi* (Тамоу), *Xcaret* (Шкарет), *Yagul* (Ягуль), *Cholula* (Чолула), *Chunyahché* (Чуньяиче), *Azcapotzalco* (Аскапоцалько), *Bonampak* (Бонампак), *Ocuilco* (Окуитко), *Plasacapan* (Плякопан), *Totolapan* (Тотолан), *Totolhuacalco* (Тотолуакалько).

– Названия муниципалитетов: *Calaktul* (Калакмуль), *Plalpan* (Плальпан), *Соуоасан* (Койоакан), *Ixtapalca* (Истапалка), *Huamantla* (Уамуститлан), *Coatetelco* (Коатетелько), *Xochitepec* (Сочитепек), *Yautepes* (Яутепек), *Mixtla* (Мистла), *Tehuacan* (Теуакан), *Xochocotla* (Сосокотла), *Tamolin* (Тамуин), *Hueyapan* (Уэяпан).

– Гидронимы: *Usamacinta* (Усамасинта), *Паранесо* (Паранеко), *Атоуас* (Атояк), *Tula* (Тула), *Chalco* (Чалько).

– Названия гор и вулканов: *Zacatépetl* (Сакатепетль) и *Tepoztlán* (Тепостлан), *Xitle* (Ситле) и другие.

Рассмотрим некоторые из индихенизмов-топонимов, представив их в контексте функционирования в изученном материале.

Oxkintok («Ox» – tres; «Kin» – día o sol; y «Tok» – pedernal). *Hacia finales de el siglo V ya hay estelas dedicadas en Toniná, Copán y Oxkintok, desde Chiapas hasta el norte de la península de Yucatán.* / **Ошкинток** («Ox» – три; «Kin» – день или солнце; y «Tok» – кремень). К концу V века уже появились стеллы в **Тонине, Копане и Ошкинтоке**, от **Чьяпаса** до севера полуострова **Юкатан**.

Название археологического памятника культуры майя **Oxkintok** имеет несколько вариантов перевода. Слово в течение долгого времени было принято переводить как «три дня горения», поскольку оно состоит из индейских слов «Ox» – три; «Kin» – день, или

солнце, и «*Tok*» – кремень. Если переводить дословно, то «*три кремневых дня*» или «*три режущих солнца*». В настоящее время рассматривается возможное значение «город трех кремневых солнц» [INAH].

В отношении топонима *Юкатан* (*Yucatán*) есть несколько вариантов его происхождения, самый известный из которых следующий: испанские завоеватели встретили местных жителей, которые не понимали, что говорят чужеземцы – «*uh yu ka t'ann*» значит «слушай, как они разговаривают». Существует и другой вариант ответа древних индейцев: «*ta'anaatik ka tánn*», что значит «я не понимаю, о чём ты говоришь». В любом случае испанцы восприняли на слух название местности как «Юкатан» [Merida de Yucatan].

Перейдём к следующему примеру: *La zona arqueológica de Balamkú se localiza en el sureste del estado de Campeche. / Археологическая зона Баламку расположена на юго-востоке штата Кампече.*

Название археологического памятника Баламку происходит от слов на языке майя «*Balam*» («ягуар») и «*Kú*» («храм»), что означает «храм ягуара». Это название отсылает к изображению ягуара на полихромном лепном фризе, венчающем строение I-A центральной группы, характерном для этого доиспанского города. Если рассматривать приведенный пример употребления индихенизма в речи, то в данном случае в предложении указывается название места и приводится дополняющая его информация, которая усиливает идентификационную функцию посредством уточнения изначальной информации [INAH].

Рассмотрим ещё пример употребления топонимического индихенизма: *Calakmul* («*ca*» – *dos*, «*lak*» – *adyacentes*, «*mul*» – *montículo artificial o pirámide*). / *Калакмуль* («*ca*» – два, «*lak*» – соседний, «*mul*» – искусственный курган или пирамида).

«Калакмуль» означает на языке майя «две соседних пирамиды», это название относится к двум большим сооружениям, возвышающимся над сельвой [INAH].

Обратимся к ещё одному примеру индихенизма-топонима: *Kankí* («*Kan*» – *color Amarillo*, «*kí*» – *agave*). *Kankí es una comunidad del Municipio de Tenabo, lugar donde se encuentran yacimientos de la de la civilización maya. / Канки* («*Kan*» – желтый цвет, «*kí*» – разновидность агавы). *Канки* – поселение в муниципалитете Тенабо, место, где находятся памятники цивилизации майя.

Название этой достопримечательности имеет два варианта происхождения. Первый из них заключается в том, что в данной местности растёт разновидность агавы («*kí*») желтого цвета («*kan*»). Второй вариант происхождения указывает на то, что название происходит от желтого воска («*kan kib*»), который в колониальные времена продавался в этом регионе штата Кампече [INAH]. Топоним Канки является примером единицы, которая образована не только по признакам самого географического объекта, но выделяет его дифференцирующим признаком особенности флоры этой местности.

Приведем ещё пример топонима: *Tlatelolco* («*Tlatel*» – *plataforma*, «*lol*» – *redondo*, «*co*» – *lugar*). *El 2 de octubre, el ejército rodeó y atacó el mitin estudiantil en Tlatelolco. / Тлателолько* («*Tlatel*» – платформа, «*lol*» – круглый, «*co*» – место). 2 октября военные окружили и атаковали студенческий митинг в Тлателолько.

Помимо предположения о происхождении данного слова, которое представлено в данном контексте, есть и другой вариант: «Тлателолько» – название на языке науатль «*tlatelli*» – «*terrapasa*» или производное от «*xaltloll*», что означает «песчаное пятно» или «на

месте кучи песка». В приведённом примере мы наблюдаем реализацию всех ранее перечисленных функций, но и результат словообразования, который закрепляет в названии определённые особенности данного географического объекта [INAH].

Рассмотрим ещё один пример: *Tlaxcala se convirtió en el estado sede para la puesta en marcha del Plan Nacional Hídrico del Gobierno Federal. / Штат Тласкала стал принимающей стороной для запуска Национального водного плана федерального правительства.*

В рамках примера мы видим употребление топонимического индихенизма *Tlaxcala* (Тласкала). Слово происходит от науатльского «*tlaxcalli*», что означает «место лепешек или кукурузного хлеба» [INAH]. Это в очередной раз демонстрирует нам принцип номинации древними индейцами географических объектов, который заключается в описании специфики локации по значимому культурному признаку.

Перейдём к другому примеру: *El Gobierno de Chimalhuacán ha insistido a su similar estatal en la construcción de un Centro de Justicia para las Mujeres. / Правительство Чимальуакана настаивает перед штатом на строительстве Центра правосудия для женщин.*

Данный пример содержит название города *Chimalhuacán* (Чимальуакан), которое, вероятно, происходит от слова «*chimalli*», означающего «щит», от притяжательной частицы «*hua*» и от окончания «*can*», обозначающего «место», отсюда топоним переводится как «место, где у них есть щиты». В данном случае в предложении указывается название места и приводится дополняющая его информация, усиливающая идентификационную функцию посредством уточнения информации [INAH].

Перейдем к ещё одному примеру: *Del náhuatl, «ombligo», el volcán Xitle, ubicado al sur en la hoy Ciudad de México, hizo erupción hace más de mil años, lo que provocó que distintas regiones del valle, en las hoy las alcaldías Tlalpan y Coyoacán, tuvieran zonas llenas de piedra volcánica. / Вулкан Ситле, что в переводе с языка науатль – «пуп», расположенный на юге нынешнего Мехико, извергался более тысячи лет назад, в результате чего в разных районах долины, на территории нынешних муниципалитетов Тлальпан и Койоакан появились участки с вулканической породой.*

Этот пример демонстрирует три топонимических индихенизма: *Xitle* (Ситле), *Tlalpan* (Тлальпан) и *Coyoacán* (Койоакан). Первый из них происходит от слова «*xictli*», что на науатле означает «пуп» [MexicoCity.cdmx]. Название Тлальпан состоит из двух корней на языке науатль: *Tlalli*, что означает «земля», и *Pan* – «над» или «на», а в целом – «над землей» или «на твердой земле» [CDMX]. На языке науатль Койоакан означает «место обитания койотов» [Cultura]. Все топонимы-индихенизмы выполняют номинативную и идентификационную функции, обозначая географические объекты с целью указания на территориальное расположение.

Исходя из анализа данных примеров топонимических индихенизмов, можно сказать, что процесс словообразования в языках древних индейцев связан с описанием характерных черт того или иного географического объекта, значимых для древней культуры. Благодаря такому описанию в сознании людей, живших в данной местности, закреплялся образ самого объекта, что позволяло быстро определить местоположение данных объектов – так реализовались их идентифицирующая, дифференцирующая и номинативные функции.

Перейдём к другому типу интересующих нас слов-реалий, а именно – фитонимическим индихенизмам. Индихенизмы-фитонимы представляют собой единицы, описывающие объекты флоры. Фактически они являются древними названиями растений или их плодов, которые закрепились в мексиканском варианте испанского языка и зачастую заимствованы другими языками, в том числе и русским.

Так, фитонимами-индихенизмами являются такие единицы, как *aguacate* (авокадо), *cacao* (какао), *camote* (батат), *zapote negro* (черная сапота), *maíz* (маис или кукуруза), например: **Camote**, *una especial para dulce. Originario de Centroamérica y Sudamérica, el camote (Ipomoea batatas) es una raíz comestible de sabor muy dulce, cuya cáscara y pulpa varían en color, del blanco al rojizo.* / **Батат** – особенный сладкий картофель. Родом из Центральной и Южной Америки, **батат** (*Ipomoea batatas*) представляет собой съедобный корнеплод с очень сладким вкусом, цвет кожицы и мякоти которого варьируется от белого до красноватого. *Camote* происходит из языка науатль – «*tlalcamohtli*» значит «сладкий съедобный корень» [GOB.MX]. Название «батат» вместе с распространением этого корнеплода также было заимствовано во многие языки мира, в том числе русский.

Перейдём к следующему примеру фитонима-индихенизма: **Zapote Negro**, *fruta mexicana con gran sabor y tradición popular. Considerado el tzapotl original náhuatl y también conocidos por los mayas como tauch, el zapote negro es una fruta de color verde por fuera y una pulpa de color negro por dentro, consumida popularmente en época prehispánica. El zapote negro, que a simple vista puede desconcertar por el color de su pulpa, es en realidad un fruto dulce y de textura cremosa, con una consistencia parecida a la del mousse de chocolate. Su sabor nos hace acordar al caramelo y sin dudas, se trata de un alimento con muchos beneficios nutritivos y propiedades medicinales.* / **Черная сапота** – мексиканский фрукт, связанный с народными традициями, с великолепным вкусом. **Черная сапота**, название которой происходит из слова «*tzapotl*» на языке науатль, а в языке майя звучит, как «*tauch*», представляет собой плод с зеленой кожурой и черной мякотью внутри. Фрукт был очень популярен в доиспанские времена. **Черная сапота**, которая на первый взгляд может показаться пугающей из-за цвета своей мякоти, на самом деле является сладким фруктом с кремовой текстурой, по консистенции напоминающей шоколадный мусс. Вкус фрукта напоминает карамель, и это, несомненно, продукт, обладающий множеством питательных и лечебных свойств.

В данном контексте мы встречаем фитоним-индихенизм «*zapote*», при этом в самом тексте объясняется происхождение данного слова. Слово «*tzapotl*» на науатле означает «любой сладкий фрукт» [Etimologías de Chile]. В данном контексте индихенизм дополнен признаком «*negro*» («черный»), что указывает на принадлежность к определенному виду растения. Также в данном контексте слово *zapote* обозначает как сам плод или фрукт, так и дерево, на котором он растёт.

Перейдём к типу индихенизмов, которые обозначают названия видов животных. Такой класс существительных называется анимонимами [Смирнова 2019: 83]. В целом это имена нарицательные, которые используются для номинации видовых групп животных: *quetzal* (кетцаль), *ocelote* (оцелот), *ajolote* (аксолотль), *guajolote* (гуахолоте).

Представим примеры мексиканских анимонимов-индихенизмов: **Guajolote**, *el pavo mexicano. El guajolote es de las especies pecuarias domesticadas en México por los pueblos originarios. Las fiestas decembrinas están a la vuelta de la esquina y sin duda alguna el guajolote – el*

pavo mexicano – no puede faltar en ellas. / **Гуахолоте**, или мексиканская индейка. **Гуахолоте** – один из видов птицы, одомашненных в Мексике коренными жителями. Рождественские праздники уже не за горами, и гуахолоте – мексиканская **индейка** – обязательное блюдо.

Слово *guajolote* имеет два варианта происхождения в языке науатль: от слова *Huacholotl* («большой монстр») и от слова *huexólotl* («старый монстр») [GOB.MX].

Рассмотрим еще один пример анимонима: **Ajolote mexicano, criatura súper dotada. Entre la extraordinaria fauna mexicana existe una asombrosa especie, el ajolote mexicano** (*Ambystoma mexicanum*). *De rara apariencia física, es poseedora de facultades extraordinarias que aun para la ciencia representan misterios: alcanza la madurez sexual sin cambiar su forma larvaria y posee la excepcional capacidad de regenerar miembros perdidos, e incluso ¡parte del cerebro!... y del ¡corazón!* / Мексиканский **аксолотль** – уникальное существо. Среди необычной мексиканской фауны есть удивительный вид – мексиканский **аксолотль** (*Ambystoma mexicanum*). Помимо редкой внешности, он обладает необычными способностями, загадочными даже для науки: достигает половой зрелости, не меняя личиночной формы, и обладает исключительной способностью регенерировать утраченные конечности, часть мозга и даже сердце!

Научно-популярный текст представляет информацию о биологическом виде, название которого является индихенизмом-анимонимом – «*ajolote*». Это слово происходит от слова языка науатль «*Atl-xolotl*», где «*Atl*» – «вода», а «*xolotl*» – «монстр» [GOB.MX].

Перейдём к группе антропонимов – имён собственных, которые обозначают имена древнеиндейских богов или правителей: *Acamapichtli* (Акаманичтли), *Quetzalcóatl* (Кетцалькоатль), *Tezcatlipoca* (Тескатлипока), *Tlaltecuhli* (Тлальткхтли), *Cipactli* (Сипактли), *Tepoztecatl* (Теностекатль), *Ehécatl* (Эекаль), *Ometochtli* (Ометочтли), *Huey Tlatoani* (Хуэй Тлатоани), *Moctezuma* (Моктесума).

Рассмотрим первый пример, в котором употребляется имя ацтекского правителя: *Historia de Acamapichtli* (1376–1395): *El primer Emperador Azteca que marcó un legado en la historia.* / История Акаманичтли (1376–1395): первый император ацтеков, оставивший значительный след в истории.

«*Acamāpichtli*» – имя правителя, образованное от трёх слов языка науатль: «*acatl*» («дротик, тростник»), «*matl*» («рука») и «*pichtli*» (державший, имеющий, несущий), то есть «тот, кто держит в руке дротик» [Etimologías de Chile].

Пример употребления имени ацтекского бога: *En una versión alternativa de la creación del mundo, Quetzalcóatl y Tezcatlipoca son más cooperativos y juntos crean el sol, el primer hombre y la mujer, el fuego y los dioses de la lluvia. La pareja de dioses había creado la tierra y el cielo cuando se transformaron en enormes serpientes y rasgaron en dos el monstruo reptil femenino conocido como Tlaltecuhli (o Cipactli), una parte convirtiéndose en la tierra y la otra en el cielo. Árboles, plantas y flores brotaban del pelo y la piel de la criatura muerta, mientras que los manantiales y las cuevas se hacían de sus ojos y nariz y los valles y las montañas salían de su boca.* / В альтернативной версии сотворения мира **Кетцалькоатль** и **Тескатлипока** действуют более дружно и вместе создают солнце, первых мужчину и женщину, огонь и богов дождя. Пара богов создала землю и небо, превратившись в огромных змей и разорвав на две части женщину-рептилию, известную как **Тлальткхтли** (или **Сипактли**), одна часть которой стала землей, а другая – небом. Из волос и кожи мертвого существа проросли деревья, растения и цветы, из ее глаз и носа появились ручьи и пещеры, а из ее рта – долины и горы.

В данном примере употреблены антропонимы – имена двух богов ацтекского пантеона *Quetzalcóatl* и *Tezcatlipoca*. Значение имени первого бога представляет собой сочетание слов на языке науатль «*quetzal*», что означает «кетцаль, изумрудная пернатая птица», и «*coatl*», что означает «змея». [Etimologías de Chile]. Антропоним *Tezcatlipoca* (Тескатлипока) на науатле означает «дымящееся зеркало» [INAH].

Последней группой слов-реалий является группа индихенизмов, обозначающих традиционные явления, артефакты, обряды, культовые предметы древних индейцев. Данная группа включает названия традиционных блюд и напитков, музыкальных инструментов, названия индейских богов и духов и т. д.

В нашем материале данная группа представлена следующими индихенизмами: *mayarah* (маянаш – традиционная музыка), *máatan* (ма́атан – ритуал), *milpa* (ми́льпа – поле), *yumtsiles* (юмц́или – духи гор), *ch'a-cháak* (ча-ча́ак – церемония вызова дождя), *h-men* (хм́ен – жрец), *jícaras* (хи́кара – тыквенные сосуды), *saká* (сака – традиционный напиток), *atole* (атоле – национальное блюдо из кукурузы), *pozole* (посоле – национальное блюдо из кукурузы), *horchata* (орчата – традиционный напиток), *guacamole* (гуакамолé), *Kaan* (Каан – династия майя), *pulque* (пульке – традиционный напиток), *tiltichate* (тильтичате – традиционный напиток).

Приведём пример употребления такого индихенизма: *Cuando no hay festividades, la vida de los campesinos macehuales transcurre entre su casa y la milpa, un terreno en el que no solo se siembran las tres hermanas, maíz, frijol y calabaza, sino que también es el lugar donde habitan los yumtsiles, espíritus de los montes, de origen prehispánico, que controlan la vida y el viento, procuran la fertilidad de los campos y protegen a los pueblos y parcelas.* / В будни жизнь земледельцев-масеуалей проходит между домом и **ми́льпой** – полем, где выращивают так называемых «трёх сестер»: кукурузу, фасоль и тыкву. Здесь же живут **юмц́или** – духи гор доиспанского происхождения, управляющие жизнью, ветром, плодородием полей и охраняющие деревни и участки.

В этом примере мы видим употребление двух индихенизмов, обозначающих реалии ежедневного быта нынешних потомков майя – масеуалей, которые сохраняют традиции древних народов. «*Milpa*» («ми́льпа, поле») и «*yumtsiles*» («юмц́или») выражают культурный код, который описывается в тексте-оригинале. Название «ми́льпа» происходит от слов на языке науатль «*milli*» – «засеянный участок» и «*pan*» – «сверху», что означает «то, что посеяно на участке» [GOB.MX]. Слово *yumtsiles* (юмц́или) означает владельцев, хранителей или господ окружающего мира – невидимых существ, духов гор, которые носят общее название *yumtsilo'ob*, также называемых *yumtsiles* или *yumes* [GOB.MX].

Рассмотрим ещё один пример: *Entre las tradiciones más importantes está el ch'a-cháak, ceremonia de petición de lluvias, en la que un sacerdote, h-men, instala una mesa en la que colocan 12 jícaras con saká, bebida a base de maíz y miel, que se ofrenda a los cuatro rumbos cardinales, mientras cuatro niños imitan los sonidos de los sapos para atraer la lluvia.* / Одна из важнейших традиций – **ча-ча́ак**, обряд вызова дождя, во время которого жрец **хм́ен** устанавливает стол с 12 тыквенными чашами **хи́кара**, наполненными **сака́** – напитком из кукурузы и меда, которые подносят четырем сторонам света, а четверо детей подражают кваканью лягушек, чтобы привлечь дождь.

В данном случае мы видим примеры употребления названий традиционных обрядов и культовых предметов последователей древних народов майя – масеуалей. Слово «*ch'a-cháak*» («ча-ча́ак») обозначает название церемонии или ритуала призыва дождя, о чём и указывается в тексте. «*h-men*» («хмён») происходит от наименования древних жрецов, которые совершали обряды, посвященные повелителям дождя, кукурузы и другим [Enciclopedia Yucatán en el Tiempo]. «*Jicaras*» («хика́ра») – тыквенная посуда, традиционная для древних индейцев. «*Saká*» («сака») – национальный напиток для свершения ритуалов.

Заключение

В целом индихенизмы реализуют этнокультурный код, являющийся важнейшей составляющей мексиканской национальной идентичности. Для европейских лингвокультур индихенизмы являются лакунами, имеющими черты экзотизмов: непривычный фонетический состав, необычную длину, многоосновную структуру, происходящую из словосочетаний на древних индейских языках.

Процесс словообразования в языках древних индейцев был связан с актуализацией характерных черт того или иного объекта. Благодаря такому описанию в сознании древних людей закреплялся образ объекта и реализовались его идентифицирующая, дифференцирующая и номинативные функции.

Индихенизмы имеют обширную сферу функционирования в современных мексиканских текстах различных жанров и типов, обеспечивая включенность этнического аспекта в языковую идентичность мексиканского общества.

Список литературы

1. Аляутдинова К. В. Индихенизмы как отражение национального своеобразия жизни народов Латинской Америки // Бюллетень гуманитарных исследований в междисциплинарном научном пространстве. 2023. № 1(3). С. 295–297. EDN: EFXWLV
2. Бражникова И. Е. Национальная идентичность и ее языковая репрезентация в мексиканском лингвокультурном пространстве // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2023. № 1. С. 54–61. DOI: 10.37482/2687-1505-V239 EDN: NRADBW
3. Данилова Г. А., Демянник А. А. Политика индихенизма в современной Латинской Америке // Вестник Удмуртского университета. 2022. Т. 6. № 1. С. 111–125. DOI: 10.35634/2587-9030-2022-6-1-111-125 EDN: GSIIYU
4. Карпина Е. В. Современная языковая ситуация в Мексике как отражение дифференциации испанского языка // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2014. № 2. С. 219–225. EDN: RCMAPF
5. Плеухова Е. А. Роль индихенизмов в формировании мексиканского национального варианта испанского языка // Актуальные вопросы иберо-романского языкознания. Казань : Казанский университет, 2015. С. 142–146. EDN: UXHAZJ
6. Смирнова М. А. Триестинский диалект: лингва франка между романским, германским и славянским миром // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 10(826). С. 73–90. EDN: CVPVYS
7. Фирсова Н. М. Языковая вариативность и национально-культурная специфика речевого общения в испанском языке : учебное пособие. М. : РУДН, 2000. 128 с.

8. CDMX: Sitio oficial de la Ciudad de México. URL: <https://mexicocity.cdmx.gob.mx/venues/xitle-volcano/> (дата обращения: 12.03.2025).
9. Cultura. URL: https://www.cultura.gob.mx/turismocultural/guias/guia4_11.php (дата обращения: 10.02.2025).
10. Enciclopedia Yucatán en el Tiempo. URL: <https://enciclopediayet.com/hmen/> (дата обращения: 13.01.2025).
11. Etimologías de Chile. URL: <https://etimologias.dechile.net> (дата обращения: 11.02.2025).
12. GOB.MX. URL: <https://www.imta.gob.mx> (дата обращения: 13.03.2025).
13. INAH: Sitio oficial del Instituto Nacional de Antropología e Historia. URL: <https://inah.gob.mx> (дата обращения: 10.03.2025).
14. Jung C. The Politics of Indigenous Identity: Neoliberalism, Cultural Rights, and the Mexican Zapatistas // *Social Research*. vol. 70. no. 2. 2003. pp. 433-462. DOI: 10.1353/sor.2003.0025 EDN: GPDNTN
15. Merida de Yucatan. URL: <https://www.meridadeyucatan.com/origen-del-nombre-yucatan/> (дата обращения: 10.01.2025).

References

1. Alyautdinova K. V. Indikhenizmy kak otazhenie natsional'nogo svoeobraziya zhizni narodov Latinskoy Ameriki [Indigenisms as a reflection of the national uniqueness of the lives of the peoples of Latin America.] *Byulleten' gumanitarnykh issledovaniy v mezhdistsiplinarnom nauchnom prostranstve* [Bulletin of Humanitarian Research in Interdisciplinary Scientific Space]. 2023, no. 1(3), pp. 295-297. EDN: EFXWLV (In Russ.).
2. Brazhnikova I. E. Natsional'naya identichnost' i ee yazykovaya reprezentatsiya v meksikanskom lingvokul'turnom prostranstve [National identity and its linguistic representation in the Mexican linguacultural space]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences]. 2023, no. 1, pp. 54-61. DOI: 10.37482/2687-1505-V239 EDN: NRADBW (In Russ.).
3. Danilova G. A., Demyannik A. A. Politika indikhenizma v sovremennoy Latinskoy Amerike [The Politics of Indigenism in Contemporary Latin America]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of Udmurt University]. 2022, vol. 6, no. 1, pp. 111-125. DOI: 10.35634/2587-9030-2022-6-1-111-125 EDN: GSIIYU (In Russ.).
4. Karpina E. V. Sovremennaya yazykovaya situatsiya v Meksike kak otazhenie differentsiatsii ispanskogo yazyka [The current linguistic situation in Mexico as a reflection of the differentiation of the Spanish language]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of the Irkutsk State Linguistic University]. 2014, no. 2, pp. 219-225. EDN: RCMAPF (In Russ.).
5. Pleukhova E. A. Rol' indikhenizmov v formirovanii meksikanskogo natsional'nogo varianta ispanskogo yazyka [The role of indigenisms in the formation of the Mexican national version of the Spanish language]. *Aktual'nye voprosy ibero-romanskogo yazykoznaniya* [Current issues in Ibero-Romance linguistics]. Kazan, Kazanskiy universitet, 2015, pp. 142-146. EDN: UXHAZJ (In Russ.).
6. Smirnova M. A. Triestinskiy dialekt: lingva franka mezhdru romanskim, germanskim i slavyanskim mirom [The Triestine dialect: a lingua franca between the Romance, Germanic and Slavic worlds]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities]. 2019, no. 10(826), pp. 73-90. EDN: CVPVYS (In Russ.).
7. Firsova N. M. Yazykovaya variativnost' i natsional'no-kul'turnaya spetsifika rechevogo obshcheniya v ispanskom yazyke [Linguistic variability and national-cultural specificity of speech communication in the Spanish language]. Moscow, RUDN, 2000, 128 p. (In Russ.).

8. CDMX: Sitio oficial de la Ciudad de México. URL: <https://mexicocity.cdmx.gob.mx/venues/xitle-volcano/> (дата обращения: 12.03.2025).
9. Cultura. URL: https://www.cultura.gob.mx/turismocultural/guias/guia4_11.php (дата обращения: 10.02.2025).
10. Enciclopedia Yucatán en el Tiempo. URL: <https://enciclopediayet.com/hmen/> (дата обращения: 13.01.2025).
11. Etimologías de Chile. URL: <https://etimologias.dechile.net> (дата обращения: 11.02.2025).
12. GOB.MX. URL: <https://www.imta.gob.mx> (дата обращения: 13.03.2025).
13. INAH: Sitio oficial del Instituto Nacional de Antropología e Historia. URL: <https://inah.gob.mx> (дата обращения: 10.03.2025).
14. Jung C. The Politics of Indigenous Identity: Neoliberalism, Cultural Rights, and the Mexican Zapatistas // Social Research. vol. 70. no. 2. 2003. pp. 433-462. DOI: 10.1353/sor.2003.0025 EDN: GPDNTN
15. Merida de Yucatan. URL: <https://www.meridadeyucatan.com/origen-del-nombre-yucatan/> (дата обращения: 10.01.2025).

Информация об авторах

Н. В. Хорошева – кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет;
Т. Г. Горин – лингвист, переводчик;

Information about authors

N. V. Khorosheva – Ph. D. (Philology), Associate Professor,
Head of the Department of Linguistics and Translation, Perm State University;
T. G. Gorin – Linguist-Translator.

Статья поступила в редакцию 10.04.2025; одобрена после рецензирования 25.05.2025; принята к публикации 15.07.2025.

The article was submitted 10.04.2025; approved after reviewing 25.05.2025; accepted for publication 15.07.2025.

Научная статья

УДК 821.161.1

ГЕРОЙ-ЛИТЕРАТОР В РОМАНЕ В. П. АСТАФЬЕВА «ПЕЧАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ»

Надежда Андреевна Макурина

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия,
makurina_na@pspu.ru

Аннотация. В статье рассматривается образ героя-литератора Леонида Сошнина, главного героя романа В. П. Астафьева «Печальный детектив», опубликованного в 1986 г. Движение Леонида Сошнина в сторону мечты о писательском поприще анализируется с разных ракурсов. Самоаттестация героя и его представление о типичном пути литератора свидетельствуют о его недоверчивости к самому себе и своим реальным творческим возможностям, что роднит его образ с образами маленьких людей русской литературы XIX в. Поиск героем ответов на вопросы, важные в контексте избранного творческого пути, в первую очередь, о тайне русской души, о добре и зле, о способах борьбы со злом, осуществляются в начале и конце романного действия разными способами: от мало упорядоченного пополнения читательского и писательского опыта к опыту соприкосновения с народной жизнью и народной мудростью. Герой движется от замещения семьи и близких отношений чтением и писательством, от одинокого существования в жестоком и безжалостном, полном зла мире к гармоничному совмещению роли мужа и отца с мечтами о творческой самореализации. Обилие интертекстуальных включений в романе (упоминаются в разном объеме Достоевский, Ницше, Есенин, Маяковский, Толстой и т. д.), с одной стороны, дает основания для рассуждений о читательских предпочтениях героя-литератора и предпосылках формирования его писательской стратегии, с другой – позволяет судить о сложном движении героя к принятию семьи как основной жизненной ценности и основного творческого импульса.

Ключевые слова: герой-литератор, литературоцентричность, реализм, Астафьев, современная русская проза, мысль семейная, сатира, пародия.

Для цитирования: Макурина Н. А. Герой-литератор в романе В. П. Астафьева «Печальный детектив» // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 3. С. 82–91.

Original article

HERO-WRITER IN V. P. ASTAFYEV'S NOVEL «THE SAD DETECTIVE»

Nadezda A. Makurina

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia, makurina_na@pspu.ru

Abstract. The article examines the image of the writer-hero Leonid Soshnin, the protagonist of V. P. Astafyev's novel "The Sad Detective", published in 1986. Leonid Soshnin's movement towards his dream of becoming a writer is analyzed from different angles. The hero's self-assessment and his idea of the typical path

of a writer indicate his distrust of himself and his real creative abilities, which makes his image akin to the images of little people in 19th-century Russian literature. The hero's search for answers to questions that are important in the context of his chosen creative path, primarily about the mystery of the Russian soul, about good and evil, about ways to fight evil, is carried out at the beginning and end of the novel's action in different ways: from a poorly organized replenishment of reading and writing experience to the experience of contact with folk life and folk wisdom. The hero moves from replacing family and close relationships with reading and writing, from a lonely existence in a cruel and merciless world full of evil to a harmonious combination of the role of husband and father with dreams of creative self-realization. The abundance of intertextual inclusions in the novel (Dostoevsky, Nietzsche, Yesenin, Mayakovsky, Tolstoy, etc. are mentioned in varying volumes), on the one hand, provides grounds for discussing the literary hero's reading preferences and the prerequisites for the formation of his writing strategy, on the other hand, it allows us to judge the hero's complex movement towards accepting family as the main value in life and the main creative impulse.

Keywords: writer-hero, literature-centrism, realism, Astafyev, modern Russian prose, family thought, satire, parody.

For citation: Makurina N. N. Hero-writer in V. P. Astafyev's novel «The sad detective». Humanitarian Journal. 2025;3:82-91. (In Russ.).

Введение

Роман Виктора Петровича Астафьева «Печальный детектив» был опубликован в первом номере журнала «Октябрь» за 1986 г. и сразу стал предметом дискуссий среди читателей и критиков, привыкших к деревенской прозе Астафьева и настороженно воспринявших его довольно смелый эксперимент, в целом подтвердивший уже намеченное движение писателя к весьма пессимистическому осмыслению действительности конца 1980-х годов и, как замечают исследователи, к отрицанию в «различных, чаще сатирических формах» [Гончаров 2002: 41].

Первыми критиками романа поднимался вопрос о художественных достоинствах текста и досадных просчетах уже заслужившего благосклонность публики автора. Александр Кучерский с сожалением отмечает, что роман «изобилует грубыми промахами – и в эстетическом плане, и в содержательном» [Кучерский 1986: 74], и обвиняет писателя в запоздалости и вторичности обличений. «Всё это было и было – в газетах, по телевидению, во всех ваших разговорах. Иногда кажется, что писатель ломится в открытые двери» [Кучерский 1986: 74], – подчеркивает критик, удивляясь недостаточной для Астафьева силе писательского воздействия, неспособности романа быть убедительным аргументом к необходимости отстаивать добро и мир.

Несогласие с этой точкой зрения выражено в ответной статье Екатерины Стариковой, которая, отмечая обвинения в бессодержательности размышлений автора и героев романа, указывает, что «Астафьев бьет в колокол тревоги» [Старикова 1986: 80]. Однако «при полном одобрении гневного и ироничного пафоса нового произведения писателя» [там же: 98] Е. Старикова не проходит мимо общих замечаний о художественных недоработках романа и желает В. П. Астафьеву «побольше строгости к самому себе, в том числе и к своему собственному языку – материалу и оружию любого литератора» [там же].

Примиряющую позицию спустя более двух десятилетий после публикации романа выразит А. Н. Мешалкин, который, осмысляя споры критиков о кризисе деревенской прозы, идеологической, а не художественной заостренности астафьевского текста и даже о рождении нового феномена в литературе конца 80-х годов, резюмирует: «Произведение

органично вписывается как в контекст творчества автора, так и в контекст всей русской литературы, поскольку в его основе все те же мысли автора о добре и зле, о предназначении человека, о русском характере и национальном самосознании» [Мешалкин 2008: 191].

Время, однако, показало, что судьба романа – это судьба произведения понятого и прочитанного недостаточно, «пропущенного», «забытого». В 2011 г. под общей редакцией А. В. Подчиненова и Т. А. Снигиревой выходит коллективная монография «Феномен творческой неудачи», объединившая исследователей вокруг вопроса о причинах появления «неуспешных» текстов у писателей, которые уже не раз доказывали свою художественную состоятельность.

Среди анализируемых произведений и роман «Печальный детектив», о причинах неуспеха которого задумывается А. И. Смирнова. Указывая на чрезмерное сгущение красок в романе, антиэстетику изображения провинциального города Вейска и его обитателей, реализуемую через противопоставление преступного мира истинно народным, цельным характерам, исследователь приходит к выводам о причинах творческой неудачи автора: «Обратившись в романе к столь “неэстетичному” материалу и нагнетая его, он [Астафьев] в своем воздействии на читателя выбирает метод “шоковой терапии”» [Смирнова 2011: 72].

С многочисленными обвинениями в «антиэстетике» и «антиинтеллигентском» пафосе, прозвучавшими задолго до выхода в свет монографии уральских ученых, спорит Вадим Соколов, строящий свою критическую статью вокруг образа главного героя, избирающего для себя путь литератора, сомневающегося, ищущего, страдающего над пустым листом – «потому что все неясно». «А если ясно, зачем писать?» [Соколов 1986: 99] – задается справедливым вопросом критик.

Именно тяготение главного героя романа «Печальный детектив» к литературному творчеству, авторефлексивный характер его образа, поиски способов писательской самореализации, источников творческой энергии, как нам кажется, дают возможность приблизиться к пониманию замысла Астафьева.

Основная часть

Художественный мир романа В. П. Астафьева, безусловно, литературоцентричен. О. Н. Турышева, говоря о стереотипах, связанных с понятием русского литературоцентризма, отмечает, что помимо сакрализации слова он характеризуется «сакральным отношением к фигуре самого литератора, который почитался как выразитель высших истин и носитель жертвенной миссии служения народу» [Турышева 2013: 230]. Движение в сторону писательской деятельности, предпочтение его прочим другим, трепетное ожидание встречи своего текста с читателем, определение писательской стратегии и отправных точек творческого роста, постоянное аналитическое обращение к собственному читательскому и писательскому опыту, определение принципиальных позиций по отношению к литературному труду – этапы творческого пути, несомненно, пройденные и самим Астафьевым, осмысляются в тексте романа через образ Леонида Сошнина.

Главный герой, 42-летний отставной милиционер, принимает решение стать литератором. Этот шаг может показаться читателю парадоксальным, да и самим героем он мыслится как неожиданно крутой поворот, но на деле оказывается, что он столь же подготовлен обстоятельствами и закономерен, сколь кажется внезапным.

Предъявление героя именно в качестве литератора начинается с первой главы, открывающейся пародийной сценой в издательстве, где Сошнин, ожидая, пока его примет задержавшаяся на два часа редактор Сыроквасова, дает характеристику своему творчеству: «Неизлечимая это болезнь – графоманство» [Астафьев 1997: 8]. Любопытно, что самоаттестация «граформанство» соседствует с репликой Сыроквасовой, брошенной в сторону секретарши-бухгалтера Гали, но иронически заостренной в сторону Сошнина: «Позови ко мне этого гения!» [там же] Понимая, что перед ним женщина, не просто лишённая литературного вкуса, но и до пошлости невежественная и невоспитанная, желчная и циничная, Сошнин, тем не менее, иронию как будто не чувствует: «Сошнин осмотрелся: в коридоре больше никого не было, гений, стало быть, он» [там же].

Но это наивное простодушие героя кажется наигранным, ненастоящим – связанным с желанием дистанцироваться от слишком громкого для этой обстановки определения. Этой реакции параллельна реакция Сошнина в момент сватовства, в котором участвуют только он и его потенциальная теща, начинающая решающую беседу словами: «Я надеюсь, мы, интеллигентные люди, поймем друг друга...» [там же: 61].

В словах Евстолии Сергеевны, правда, ирония изначально не заложена, так как она причисляет к интеллигентам не только будущего зятя, но и саму себя, но и здесь Леонид несколько теряется: «Сошнин заозирался, отыскивая по огороду интеллигентных людей – их нигде не было» [там же: 61]. Вряд ли в обоих случаях мы имеем дело с лукавством человека, который лучше других знает и о своих литературных возможностях, и о своем интеллектуально–культурном уровне. Скорее, с человеком, который остро чувствует противоречия между гениальностью и облезлым, окутанным табачной вонью коридором издательства, уютящегося в двух комнатах; между интеллигентностью и деревенским огородом в полуразвалившемся селе – и этот контраст не только смущает героя, но и обеспечивает ему представление о реальном масштабе того пути, который ему, графоману и бывшему «менту», нужно преодолеть, чтобы открыть для себя тайну настоящего творчества.

Переживая унижительный разговор в редакции, где обсуждается возможность публикации его сборника милицейских рассказов «Жизнь всего дороже», Сошнин сталкивается с жестокой обыденностью и беспросветным невежеством. Появление заветной папки в редакции противоречит всем романтическим чаяниям героя-литератора, пять лет назад еще вполне уверенным, что «жизнь всего дороже», и пародийно связано с телесным низом: Сыроквасова без всякого трепета и благоговения вынимает её «чуть ли не из-под подола», бегло пролистывает, припоминая содержание, словно копошится в капустных отбросах.

Тем не менее, у Сошнина даже в этой неприятной обстановке не притупляется способность остро чувствовать и улавливать детали, которые вполне могли ускользнуть от взгляда простого посетителя – в частности, он оценивает обстановку, внешний вид собеседницы, состояние папки с рукописью, пять лет ожидавшей решения своей судьбы. Герой объясняет свою зоркость «наметанным глазом бывшего оперативника» [там же: 9], но, очевидно, здесь срабатывает не только нажитая годами в милиции привычка быть внимательным к мелочам, но и имеющийся, хоть и в зачатке, литературно-творческий потенциал.

Перед читателем начинает проявляться творческая биография Сошнина: становится понятно, что в профессиональные литераторы он подается не сию минуту: он сделал это как минимум пять лет назад, и, пока яркая папка с белой наклейкой, отнесенная в редакцию «с чувством не изведенного еще обновления в сердце и жаждой жить, творить, быть полезным людям» [там же: 9] передавалась из рук в руки, пылилась в ящиках столов, Сошнин печатался – пусть и не в толстых журналах, но небезуспешно. Сам он полагает, что шел «типичным путем молодого литератора» еще в годы школьного и институтского обучения, причисляя к вехам на этом пути и школьную стенгазету, и многотиражку в спецшколе, и заметки, в том числе художественные, в местной прессе. Особое место в этом ряду у жанра милицеских рапортов.

Тем не менее, беседа с представительницей редакции, загнивающей в двух комнатах, наводит его на мысль о несовершенстве первого сборника: «Книжка ж и в самом деле не ахти – первая, наивная, шибко замученная подражательностью» [там же: 15], – и рождает вполне конкретный план: «Следующую надо делать лучше, чтобы издавать помимо Сыроквасовой; может, и в самой Москве...» [там же]

Надо сказать, что при всем своем стремлении к творческому самовыражению, Сошнин о себе как о литераторе мнения не очень высокого. В его оценке собственного писательского опыта справедливое понимание слабости пера нередко граничит с самоуничижением: «на “толстые” [журналы] пока не тянул и сам это, слава Богу, сознавал» [там же: 48], «начал марать бумагу чернилами» [там же: 47] и т. д. В этом остром осознании собственного писательского бессилия обнаруживает Сошнин родство с маленьким человеком и, в первую очередь, с неуверенным в своих писательских способностях героем Ф. М. Достоевского Макаром Девушкиным: «Сознаюсь, маточка, не мастер описывать, и знаю, без чужого иного указания и пересмеивания, что если захочу что-нибудь написать позатейливее, так вздору нагороджу» [Достоевский 1972: 21].

Недоверчивость героя к самому себе и своему реальному статусу, осознание собственного несовершенства на фоне несовершенства окружающего мира подкрепляется не только внешними оценщиками вроде «дуры» Сыроквасовой. На начальных этапах она периодически подпитывалась внутри семьи, где о Сошнине-литераторе у жены сложилось обывательское представление, напрочь лишенное сочувствия к какой бы то ни было интеллектуальной и творческой деятельности: «Лерку корежило, бесило, что такое ничтожество, выкормыш пристанционного, сажай покрытого поселка читает дни и ночи книги, еще на немецком языке вроде бы может, – брешет, конечно, да и сам чего-то тайком царапает на бумаге» [Астафьев 1997: 67]. И даже несмотря на то что именно Лерке в конечном итоге принадлежит идея-ультиматум «Из милиции на творческую работу!», представление её о литературном творчестве остается весьма поверхностным: «Сиди возле своего любимого папаши и твори. Картошки от пуза, мясо, молоко есть, что еще писателю нужно?» [там же: 69]

Обида на жену, с которой Сошнин на момент начала романного действия больше не живет, парадоксальным образом сочетается в его сознании с необходимостью, начав с малого – с ближнего круга, с семьи – постичь природу русского человека: «Он понимал, что среди прочих непостижимых вещей и явлений ему предстоит постигнуть малодоступную, до конца никем еще не понятую и никем не объясненную штуковину, так называемый русский

характер, приближенно к литературе и возвышенно говоря – русскую душу... И начинать придется с самых близких людей, от которых он почему-то так незаметно отдалился, всех потерял: тетю Лину и тетю Граню, собственную жену с дочерью, друзей по училищу, приятелей по школе...» [там же: 29]

В размышлениях Сошнина о серьезности и трудоемкости избранного пути мелькают, но остаются до поры незамеченными им простые истины: необходимость любить, сопереживать, бережно хранить от зла семейный очаг. Куда как более привлекательны оказываются литературные шаблоны и книжные образы.

Писательские и правдоискательские стратегии Сошнина, действительно, во многом определяются кругом его чтения, формирующимся с ранних лет без всякой системы, но далее – вполне осознанно. Это во многом объясняет обильный интертекстуальный фон романа. Исследователи обращают внимание на «открытые и скрытые упоминания Есенина, Маяковского, Достоевского, Гоголя, Шекспира, Ницше и других» [Сидорова 2008: 27], причем в ряде случаев обращение к классическим литературным образцам, контрастируя с бытовыми и криминальными впечатлениями героя и его еще далеким до отточенности слогом, нередко облекается в пародийную форму.

«Сошнин много и жадно читал, без разбора <...> в школе, затем дошел до того, чего в школах “не проходили”, до “Экклезиаста” дошел...» [Астафьев 1997: 41]. Подобной характеристикой наделяет своего героя-литератора, подпольного человека, особенно любимый Сошниным Ф. М. Достоевский: Подпольный «уже читал такие книги, которых они [школьные товарищи] не могли читать, и понимал такие вещи (не входившие в состав нашего специального курса), о которых они и не слыхивали» [Достоевский 1972: 156]. Сорок лет подполья героя Достоевского, человека озлобленного и жестокого, не так уж слабо соотносятся с почти сорока годами жизни, после которых Сошнин, взявшийся за писательский труд и испытавший первый творческий восторг, чувствует себя «воскресшим, выкарабкавшимся из “оттуда”» [Астафьев 1997: 9].

Обучаясь на заочном отделении филфака местного пединститута, он уже угадывает подлог в шаблонных, выхолощенных интерпретациях литературных произведений, подходах к анализу лермонтовских переводов, уже в состоянии по книжной полке разглядеть интеллигентов-самозванцев, какими видит он, например, семейство Пестеревых. В богато украшенном книжном шкафу у них в близком соседстве оказываются «Пикуль, Сименон и Апдайк», между которыми обнаруживается «Библия дореволюционного издания, и молитвенник с золотой застежкой, “Слово о полку Игореве” в подарочном издании и нарядный словарь Даля в четырех томах» [там же: 51] – последние выставлены напоказ как доказательства зажиточности книголюбов. В финале романа у читателя появляется возможность оценить содержание книжной полки самого Сошнина: «словарь, справочники, любимые книги, сборник стихов и песен» [там же: 125] и тоже Даль, (но только не парадно украшенный словарь, а сборник половиц и поговорок русского народа).

Героем чтение мыслится как процесс, с одной стороны, целительный, с другой – подготавливающий к творческому акту: «от одиночества и тоски много читал, еще плотнее налег на немецкий язык, начал мараить бумагу чернилами» [там же: 46], «под шлепанье дождя полтора-два часа почитает всласть, потом соснет и на всю ночь за стол – творить», «начал снова читать запойно, к бумаге потянуло» [там же: 48].

Однако такая всепоглощающая роль чтения и сочинительства делает Сошнина нечувствительным к событиям реальной действительности, ожесточает его и, что оказывается для его творчества особенно губительным, еще более отдаляет от семьи (он жестоко непримирим к преступникам, не способен постичь логику тети Грани, сочувствующей судьбе своих осужденных насильников, не забирает у Тутышихи остатки «Рижского бальзама», ставшие для нее смертельными, между семьей и спокойной тишиной ночи, отданной для письма, выбирает второе).

Любопытно, что особое место среди читаемых Сошниним текстов – в основном произведений именитых авторов – занимает обычное письмо, присланное ему тестем Маркелом Тихоновичем. Это небольшое послание с ошибками, выдающими в авторе человека малообразованного, становится иллюстрацией честного и открытого изложения на бумаге того, о чем болит душа. Написанное свободно и незатейливо, оно гармонично до совершенства, и в этом свободном течении русской речи видится мастерство Астафьева-автора, открывающего своему герою возможность прикоснуться к тайне русской души, которую он так стремится разгадать: «Изболелось мое сердце об вашем здоровье. Были бы у меня крылушки, прилетел бы к вам. А не улетишь. Корова на дворе, что якорь на корабле, — держит. И хозяйство всякое кругом, да старуха одна боится ночью. Раньше никого не боялась: хоть ей черт, хоть ей поп, хоть муж, но нерва ее здала в боях с врагами социализма и со мной...» [там же: 93]. Сошнин читает и перечитывает письмо, и чтение, во многом определяя логику действий и размышлений героя в финале романа, пробуждает в нем воспоминания о тесте и теще, их житейской мудрости и простоте.

Заключение

П. А. Гончаров называет ряд черт, которые роднят Сошнина с автобиографическими героями В. П. Астафьева. Эта близость проявляется «и в ощущениях (“спина чуткая, что у детдомовца”), и в судьбе (сиротство), и в языке (слитность литературного слова с жаргоном)» [Гончаров 2002: 41].

Однако принципиально важно отметить, что, несмотря на перечисленные точки соприкосновения, Сошнин далек от того, чтобы называться героем автобиографическим. Он писатель не состоявшийся или, лучше сказать, *еще* не состоявшийся, переживающий самый сложный этап не только творческого, но и идеологического самоопределения. Во взглядах на природу зла и инструменты его искоренения с автором он изначально не совпадает.

Сошнин ищет ответы на вопросы, без уяснения которых творческий рост ему видится невозможным. От начала творческих поисков Сошнина к финалу романа характер этих вопросов и потенциальные источники ответов на них меняются. Начинает Леонид с попыток распознать природу человеческого зла – уж слишком много происходит его вокруг, слишком многому герой лично становится свидетелем – и обращается к Ницше и Достоевскому, не догадываясь, что по-настоящему значимым творческим импульсом окажется поиск ответа на вопрос о значении и назначении семьи. И в этом свете Леркина язвительная характеристика: «Экий Лев Толстой с семизарядным пистолетом, со ржавыми наручниками за поясом...» [Астафьев 1997: 67], – оказывается хоть и случайным, но точным попаданием в сторону того пути, который сам Сошнин нащупывает не сразу. В начале романа он размышляет о себе:

«Привычная линия, накатанная, одноколейная – истребляй зло, борись с преступниками, обеспечивай покой людям, – разом, как железнодорожный тупик <...> оборвалась. Рельсы кончились, шпалы, их связующие, кончились, дальше никакого направления, никакого пути нет, дальше вся земля, сразу, за тупиком, – иди во все стороны, или вертись на месте» [там же: 12].

Астафьев ведет своего героя-литератора от одного дорогого своему сердцу писателя – Достоевского («многие годы был и остается моим кумиром» [Астафьев 1998: 215]), к другому – Льву Николаевичу Толстому, охранителю семейных ценностей. Именно о Толстом Астафьев писал, что тот понимал человека «во всей его объемности, со всеми его сложностями, противоречиями, порой чудовищными» [Астафьев 1980: 149]. Это то самое умение, о котором мечтал и которое стремился в себе развить, перебирая разные способы, астафьевский герой Леонид Сошнин.

В конце романа, воссоединившись с семьей, пролив слёзы над спящей своей дочерью, открыв в сборнике Даля раздел «Муж – жена», он, обходя и Ницше, и Достоевского, удивляется простоте и справедливости народных мудростей, глазами цепляясь за те, на которые живо откликается его собственная душа (а ведь есть среди пословиц и поговорок в разделе и те, которые могли навеять и безрадостные мысли: «Одному с женою горе, другому вдвое», «Стар муж, так удушлив; молод, так не сдружлив» [Даль 1989: 322] и т. д.) Герой понимает, что права была бабка Тутышиха, «которая решала сложные задачи без всяких там дробей – простым, но точным способом» [Астафьев 1997: 126].

«Психологическая и мировоззренческая трансформация необходима герою – и для того, чтобы обустроить собственную жизнь, и для того, чтобы, в качестве писателя, объективно осмысливать и изображать окружающий мир» [Мартазанов 2007: 50], – справедливо замечает А. М. Мартазанов.

Между первым и последним эпизодами романа проходит всего несколько дней, за которые от прагматической установки «Следующую [книжку] надо делать лучше» герой приходит к «неведомой уверенности в своих возможностях и силах, без раздражения и тоски в сердце» [Астафьев 1997: 126] и с совершенно новым чувством садится за привычный для себя белый лист, белизна которого противопоставлена серости тополей, серому унылому свету, серенькой наклейке на рукописи, пять лет блуждавшей по редакции, серой земле и серой тоске.

Список литературы

1. Астафьев В. Посох памяти. М. : Современник, 1980. 281 с.
2. Астафьев В. П. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 9. Произведения 1980-х годов. Печальный детектив : Роман. Рассказы. Красноярск : ПИК "Офсет", 1997. 448 с.
3. Астафьев В. П. Собрание сочинений: В 15 томах. Том 14-й. Письма, 1961–1989 гг., Красноярск : ПИК "Офсет", 1998. 480 с.
4. Гончаров П. А. От "Печального детектива" к "Веселому солдату": стилевые доминанты прозы В. Астафьева // Вестник ТГУ. 2002. № 1. С. 37–45. EDN: NTTURV
5. Даль В. И. Пословицы русского народа : Сборник В. Даля. В 2-х т. Т. 1. / Вступ. слово М. Шолохова; Худож. Г. Клодт. М. : Художественная литература, 1989. 431 с.
6. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 1. Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1972. 520 с.

7. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 3. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. 543 с.
8. Кучерский А. Печальный негатив // Вопросы литературы. 1986. № 11. С. 74–85.
9. Мартазанов А. М. Роль интертекста в романе В. Астафьева "Печальный детектив" // Вестник ЧелГУ. 2007. № 8. С. 48–53. EDN: NBFVUJ
10. Мешалкин А. Н. "Мысль семейная" в романе В. Астафьева "Печальный детектив" // Вестник КГУ. 2008. С. 191–195. EDN: MTCIIP
11. Сидорова М. В. "Печальный детектив" в жанровом пространстве романа // Вестник РУДН, сер. литературоведение. Журналистика. 2008. № 1. С. 24–32. EDN: KVUXIR
12. Смирнова А. И. Антиэстетика романа Астафьева "Печальный детектив" // Феномен творческой неудачи / под общ. ред. [и с предисл.] А. В. Подчинонова, Т. А. Снигиревой. Екатеринбург : Уральский университет, 2011. 424 с.
13. Соколов В. Мой друг Сошнин // Вопросы литературы. 1986. № 11. С. 99–112.
14. Старикова Е. Колокол тревоги // Вопросы литературы. 1986. № 11. С. 80–98.
15. Турышева О. Н. Русский литературоцентризм в аспекте литературной рефлексии // Уральский филологический вестник. Серия: Русская классика: динамика художественных систем. 2013. №1. С. 228–243. EDN: QIPSEN

References

1. Astaf'ev V. Posokh pamyati [Staff of Memory]. Moscow, Sovremennik, 1980, 281 p. (In Russ.).
2. Astaf'ev V. P. Sobranie sochineniy [Collected Works]. Vol. 9, Works of the 1980s, The Sad Detective: A Novel. Short Stories. Krasnoyarsk, PIK "Ofset", 1997, 448 p. (In Russ.).
3. Astaf'ev V. P. Sobranie sochineniy [Collected Works]. Vol. 14. Letters, 1961-1989. Krasnoyarsk, PIK "Ofset", 1998, 480 p. (In Russ.).
4. Goncharov P. A. Ot "Pechal'nogo detektiva" k "Veselomu soldatu": stilevye dominanty prozy V. Astaf'eva [From "The Sad Detective" to "The Merry Soldier": stylistic dominants of V. Astafyev's prose]. *Vestnik TGU* [TSU Bulletin]. 2002, no. 1, pp. 37-45. EDN: NTTURV (In Russ.).
5. Dal' V. I. Posloviitsy russkogo naroda [Proverbs of the Russian people]. *Sbornik V. Dalya* [Collection by V. Dahl]. Vol. I, Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1989, 431 p. (In Russ.).
6. Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy [Complete set of works]. Vol. 1, Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1972, 520 p. (In Russ.).
7. Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy [Complete set of works]. Vol. 3, Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1972, 543 p. (In Russ.).
8. Kucherskiy A. Pechal'nyy negative [Sad negativity]. *Voprosy literatury* [Questions of Literature]. 1986, no. 11, pp. 74-85. (In Russ.).
9. Martazanov A. M. Rol' interteksta v romane V. Astaf'eva "Pechal'nyy detektiv" [The Role of Intertext in V. Astafyev's Novel "The Sad Detective"]. *Vestnik ChelGU* [Chelyabinsk Herald]. 2007, no. 8, pp. 48-53. EDN: NBFVUJ (In Russ.).
10. Meshalkin A. N. "Mysl' semeynaya" v romane V. Astaf'eva "Pechal'nyy detektiv" ["Family Thought" in V. Astafyev's novel "The Sad Detective"]. *Vestnik KGU* [KSU Bulletin]. 2008, pp. 191-195. EDN: MTCIIP (In Russ.).
11. Sidorova M. V. "Pechal'nyy detektiv" v zhanrovom prostranstve romana ["The Sad Detective" in the genre space of the novel]. *Vestnik RUDN* [RUDN Bulletin]. 2008, no. 1, pp. 24-32. EDN: KVUXIR (In Russ.).
12. Smirnova A. I. Antiestetika romana Astaf'eva "Pechal'nyy detektiv" [The anti-aesthetics of Astafyev's novel "The Sad Detective"]. *Fenomen tvorcheskoy neudachi* [The Phenomenon of Creative Failure]. Ekaterinburg, Ural'skii universitet, 2011, 424 p. (In Russ.).

13. Sokolov V. Moy drug Soshnin [My friend Soshnin]. *Voprosy literatury* [Questions of Literature]. 1986, no. 11. С. 99-112. (In Russ.).
14. Starikova E. Kolokol trevogi [Alarm bell]. *Voprosy literatury* [Questions of Literature]. 1986, no. 11, pp. 80-98. (In Russ.).
15. Turysheva O. N. Russkiy literaturotsentrizm v aspekte literaturnoy refleksii [Russian literary centrism in the aspect of literary reflection]. *Ural'skiy filologicheskiy vestnik. Seriya: Russkaya klassika: dinamika khudozhestvennykh system* [Ural Philological Bulletin. Series: Russian Classics: Dynamics of Artistic Systems]. 2013, no.1, pp. 228-243. EDN: QIPSEN (In Russ.).

Информация об авторе

Н. А. Макурина – кандидат филологических наук, доцент, кафедра общего языкознания, русского и коми-пермяцкого языков и методики преподавания языков, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Information about the author

N. A. Makurina – Ph. D. (Philology), Associate Professor, Department of General Linguistics, Russian and Komi-Permyak Languages and Language Teaching Methods Perm State Humanitarian Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 15.06.2025; одобрена после рецензирования 30.06.2025; принята к публикации 18.07.2025.

The article was submitted 15.06.2025; approved after reviewing 30.06.2025; accepted for publication 18.07.2025.

Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 3. С. 92–104.

Eurasian Humanitarian Journal. 2025. No. 3. P. 92-104.

Научная статья

УДК 371.134:81'243

ОСОЗНАННОСТЬ КАК ФЕНОМЕН В ИНОЯЗЫЧНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Наталья Сергеевна Попова^{1,2}

¹ Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия

² Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
natasharubina@yandex.ru

Аннотация. В ответ на беспрецедентные санкционные меры давления на российское общество в отечественном образовании происходит смена педагогического вектора. Особое внимание сегодня уделяется вопросам, касающимся укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей, формирования единого образовательного пространства, внедрения информационных технологий, дополняющих систему образования и повышения статуса педагога. Трансформация миропорядка является причиной возникновения множества локальных и глобальных вызовов. Особое внимание сегодня уделяется вопросам, касающимся укрепления образовательного суверенитета Российской Федерации. При этом ключевая роль в этом процессе принадлежит педагогам. В ситуации, когда жизненно важным становится поиск точки опоры и относительного постоянства, именно учитель может положительно повлиять на психологическое благополучие обучающихся и их успешность в освоении образовательных программ. Однако для оказания положительного влияния на обучающихся, педагогу необходимо преодолеть кризисы мотивации к осуществлению профессиональной педагогической деятельности, негативные шаблоны в саморефлексии и самооценивании, подрывающие успешность учебного процесса, разрушающие его собственное здоровье и благополучие. Эти задачи возможно решить при использовании инструментов и практик осознанности. Осознанность – зонтичное понятие, вбирающее в себя такие компоненты как ценностно-смысловые ориентации, внимание, саморефлексия, саморегуляция, эмпатия и открытость новизне. В данной статье содержится определение понятия «осознанность» и описание его компонентного состава. Показано значение каждого из компонентов осознанности в контексте иноязычного образования.

Ключевые слова: осознанность, иноязычное образование, учитель иностранного языка, ценностно-смысловые ориентации, внимание, саморефлексия, саморегуляция, эмпатия, открытость новизне.

Для цитирования: Попова Н. С. Осознанность как феномен в иноязычном образовании // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 3. С. 92–104.

Original article

MINDFULNESS AS A PHENOMENON IN FOREIGN LANGUAGE EDUCATION

Natalya S. Popova^{1,2}

¹ Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia, natasharubina@yandex.ru

² Perm State University, Perm, Russia

Abstract. In response to unprecedented sanctions measures to put pressure on Russian society, a change in the pedagogical vector is taking place in Russian education. Special attention is being paid today to issues related to the strengthening of traditional Russian spiritual and moral values, the formation of a unified educational space, the introduction of information technologies that complement the education system and enhance the status of teachers. The transformation of the global order has led to numerous local and global challenges. Today, particular attention is being paid to strengthening the educational sovereignty of the Russian Federation. Teachers play a key role in this process. In a time when finding stability and a sense of constancy is crucial, educators can positively influence students' psychological well-being and their success in mastering educational programs. However, to have a beneficial impact on learners, teachers must first overcome their own challenges – such as motivational crises in their professional work, negative patterns in self-reflection and self-evaluation, which undermine both teaching effectiveness and their own health and well-being. These issues can be addressed through mindfulness tools and practices. Mindfulness is an umbrella concept encompassing components such as value-sense orientations, attention, self-reflection, self-regulation, empathy, and openness to novelty. This article provides a definition of mindfulness and describes its key components. It also highlights the significance of each component in the context of foreign language education.

Keywords: mindfulness, foreign language education, foreign language teacher, value-sense orientations, attention, self-reflection, self-regulation, empathy, openness to novelty.

For citation: Popova N. S. Mindfulness as a phenomenon in foreign language education. Eurasian Humanitarian Journal. 2025;3:92-104. (In Russ.).

Введение

Одной из наиболее характерных черт жизни в современном обществе является турбулентность. То, что казалось устойчивым и надежным стремительно и фундаментально меняется. Появляются новые локальные и глобальные вызовы, требующие неотложных решений. Трансформация миропорядка сопровождается перестройкой глобальных финансовых, логистических и производственных систем, ростом геополитической и экономической нестабильности, международной конкуренции и конфликтности, системного неравенства на фоне ослабления национальных государственных институтов [Стратегия научно-технического развития Российской Федерации]. В данных условиях возникает необходимость непрерывного укрепления научного, технологического, культурного и образовательного суверенитета государств.

В ответ на беспрецедентные санкционные меры давления на российское общество в отечественном образовании происходит смена педагогического вектора. Особое внимание сегодня уделяется вопросам, касающимся укрепления традиционных российских духовно-

нравственных ценностей, формирования единого образовательного пространства, внедрения информационных технологий, дополняющих систему образования и повышения статуса педагога [Министерство просвещения Российской Федерации].

Безусловно, педагог является ключевой фигурой в процессе укрепления образовательного суверенитета страны. Роль личности педагога в формировании мировоззрения и ценностно-смысловых ориентаций подрастающего поколения всегда была велика. Сегодня, когда жизненно важным становится поиск точки опоры и относительного постоянства, именно учитель может положительно повлиять на психологическое благополучие обучающихся и их успешность в освоении образовательных программ. Однако для того, чтобы оказывать положительное влияние на обучающихся, педагогу необходимо преодолеть кризисы мотивации к осуществлению профессиональной педагогической деятельности, негативные шаблоны в саморефлексии и самооценивании, подрывающие успешность учебного процесса, разрушающие его собственное здоровье и благополучие. Одним из возможных решений данной проблемы является формирование осознанности.

Основная часть

Осознанность – это сложный и многогранный феномен, исследуемый с позиций психологии, психиатрии, нейрофизиологии и нейропсихологии. В последние годы осознанность получает более широкое распространение в сферах бизнеса, формального, неформального, информального образования. Каждый новый контекст, в котором актуализируется понятие осознанности, привносит свои оттенки его значения, выявляет новые грани данного феномена. Накопленный положительный опыт использования инструментов и практик осознанности в сферах нейропсихологии и психиатрии в настоящее время не представлен в системных исследованиях, касающихся изучения данного понятия и его операционализации для применения в педагогике и методике преподавания тех или иных дисциплин. Несмотря на незначительное количество педагогических и методических исследований, посвященных вопросу формирования осознанности в образовательном процессе в России и за границей, существуют теоретические основания, заложенные в трудах отечественных и зарубежных ученых (психологов, педагогов, методистов), раскрывающие те или иные аспекты осознанности, а также рядоположенные понятия, дополняющие понятие «осознанность».

В ходе исследования феномена осознанности для выработки авторского определения данного понятия потребовалось провести контент-анализ существующих определений. В отечественной психолого-педагогической литературе нами не было обнаружено ни одной трактовки русскоязычного понятия «осознанность» позволяющей осуществить контент анализ данного понятия. Однако отмечается стабильно высокий интерес к таким понятиям как рефлексия, саморефлексия, субъектность, смыслообразование, саморегуляция, эмпатия, внимание и другим. Данные понятия оказываются либо смежными по отношению к осознанности, либо включаются в него. Важно отметить, что вышеуказанные понятия обладают разными уровнями операционализации. На современном этапе развития науки по-прежнему отмечается некоторая несогласованность между психологической и педагогической мыслью. Это проявляется, в частности, в том, что в психологии имеется ряд

методик, измеряющих такие феномены как субъектность, рефлексия и другие, тогда как в педагогической науке подобные методики используются крайне редко, что приводит к ослаблению эмпирической стороны педагогических исследований. Практика образовательного процесса показывает, что многие базовые педагогические категории, которыми оперируют авторы образовательных стандартов, примерных программ и других документов, регламентирующих работу педагогических кадров, не операционализированы, что ведёт к трудностям достижения заявленных в документах результатов.

Для проведения контент-анализа нами было взято англоязычное понятие «mindfulness», являющееся наиболее распространённым в сферах психологии, психиатрии и образования. В англоговорящих странах данное понятие встречается в качестве заголовка профессиональных журналов, монографий и сетевых сообществ (mindfulness, mindful teaching, mindfulness in education). Существуют запатентованные и лицензированные программы использования инструментов осознанности в клинической практике, психологическом консультировании и в образовательном процессе. Данное понятие имеет достаточно высокую степень операционализации, что позволяет решать широкий круг проблем от клинического лечения депрессии у безнадежнобольных пациентов до борьбы с проблемами эмоционального выгорания у учителей и поиска путей более благополучного взаимодействия субъектов образовательного процесса и развития психических познавательных процессов у обучающихся.

Для реализации контент-анализа был проведён анализ 12 источников. Среди данных источников были отобраны трактовки понятия «mindfulness», обладающие наиболее высокой степенью операционализации – они содержатся в работах авторов Э. Лангер и М. Молдовину [Langer, Moldoveanu 2000], Р. Дж. Стернберга [Sternberg 2000], Д. Томаса [Thomas 2023], С. Тинг-Туми [Ting-Toomey 2015], Д. Дж. Сигела [Siegel 2007]; Ш. Шапиро, Д. Рехтшафена, С. де Сусы [Shapiro 2009] и Р. Дэвидсона [Davidson, Goleman 2017].

В результате контент-анализа были выявлены 17 значимых признаков понятия «mindfulness». Было установлено, что осознанность понимается как черта, состояние и способ бытия, позволяющие субъекту быть включенным в текущий момент деятельности (через произвольное внимание, задействование всех каналов восприятия и непредвзятое наблюдение за своими мыслями и чувствами) и осуществить сонастройку с самим собой и другими субъектами посредством саморегуляции и саморефлексии, восприимчивости к контексту деятельности, способности принимать разные точки зрения и проявлять эмпатию и доброту к себе и другим, способности выявлять отличия и создавать новые категории, быть открытым новому и любознательным.

Обратим особое внимание на тот факт, что, несмотря на отсутствие в исследованных нами определениях понятия «mindfulness» конкретных слов «ценности» или «смысл» именно ценностно-смысловое пространство личности, по нашему мнению, является неким стержнем, на который нанизываются все прочие аспекты осознанности. Человек, обладающий достаточно высоким уровнем осознанности непрерывно соотносит каждое свое действие со своими ценностями и смыслами. И, напротив, тот, кто большую часть времени проживает бездумно (неосознанно), во власти автоматизмов, скорее всего не может определить ценности и смыслы, которыми он руководствуется, что ведет его к отдалению от них и, как следствие, растерянности и неудовлетворенности.

На основе проведенного анализа нами был определен компонентный состав понятия «осознанность» (см. рис. 1). Отметим, что при разработке компонентного состава понятия «осознанность» были соблюдены принципы системного подхода, а именно принцип структурности, многомерности и разнопорядковости [Ломов 1996]. Благодаря представленной схеме феномен осознанности может быть рассмотрен на различных уровнях бытия (принцип многоуровневости), могут быть выделены стадии формирования осознанности (генетический принцип), исследованы условия ее функционирования и развития (принцип детерминизма).

Ядро понятия «осознанность» составляет психический центр человека, так называемая «первая реальность». В настоящее время, несмотря на возрастающую актуальность исследований, посвящённых данному феномену, не существует единого общепринятого подхода к его определению. В философско-психологических исследованиях зарубежных авторов феномен психического центра передается в терминах «чувство себя истинного» (the self, the sense of self) (Р. Мэй), «подлинный центр» (the true centre, I-ness) (Дж. Бьюдженталь), «сверх Я» (Р. Ассаджиоли), «Ин-се» (итал. 'in Sè') (А. Менегетти), «Я-концепция» (К. Р. Роджерс), «ощущение себя / самоощущение» (the sense of self) (Ф. Перлз). Отечественная психологическая наука определяет данный феномен в терминах «самосознание» (В. С. Мерлин, К. К. Платонов и др.), «Я» (Д. Леонтьев, Л. Я. Дорфман) и «субъектность» (Д. А. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, К. А. Альбуханова-Славская, А. В. Брушлинский, Е. А. Сергиенко, В. А. Петровский и другие).

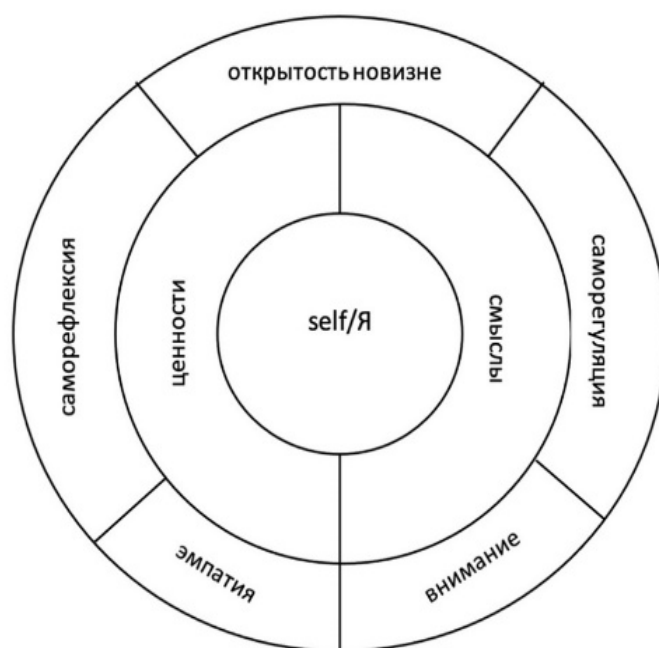

Рис. 1. Компонентный состав понятия «осознанность»

Среди многообразия подходов к проблеме «self / Я» в трудах зарубежных и отечественных учёных можно выделить две центральные идеи – об утрате «self / Я» как следствия расщепления внутреннего психического центра (под действием двойственного восприятия себя как субъекта и объекта; вследствие действия механистического принципа и других) и об интеграции/самоформировании «self / Я». Исследование причин и условий

утраты «self / Я» и путей воссоединения человека с собственным психическим центром приобретает особую значимость в контексте организации системы иноязычного образования и подготовки учителя иностранного языка. Эти процессы оказывают непосредственное воздействие на эффективность процесса обучения и успешность педагога в его профессиональной деятельности.

Оторванность от себя истинного, потеря целостности своей личности не даёт учителю иностранного языка полноценно решать задачи личностной и профессиональной сфер деятельности. Только тот учитель, который стремится пройти путь к себе истинному или завершил его, способен сопровождать обучающихся в их индивидуальных образовательных траекториях, выполнять функции партнера, фасилитатора, медиатора в образовательном процессе.

Между феноменом осознанности и «self / Я» существует диалектическая связь. С одной стороны, «self / Я» инициирует осознанность, порождает осознанность, существует в рамках осознанности, а с другой стороны – является её результатом. Можно сказать, что «self / Я» является источником осознанности, однако осознанность даёт нам возможность увидеть «self / Я» в деятельности. Чем выше осознанность, тем сильнее проявляется «self/Я» (чаще всего в нестандартной, конфликтной ситуации, где невозможно действовать во власти автоматизмов), и наоборот, чем ниже осознанность, тем менее выражен «self / Я» (ситуации рутины, не предполагающие приобретение нового опыта через его проживание телесное и психологическое).

Ближайшими к ядру составляющими понятия «осознанность» являются ценности и смыслы. Ценностно-смысловое пространство становится базой для последующей сонастройки субъекта с самим собой и окружающими. Именно смыслы и ценности являются своего рода ключом к психическому центру человека. Раскрывая связи, существующие в собственном ценностно-смысловом пространстве, мы можем осознать себя истинных, творить и изменять себя и свой жизненный мир. П. Тиллих в работе «Мужество быть» отмечает, что «человек есть человек лишь потому, что он обладает способностью понимать и формировать свой мир и самого себя в соответствии со смыслами и ценностями [Тиллих 1995:40].

В работах зарубежных и отечественных исследователей представлены разнообразные подходы к определению понятия «смысл». В нашем исследовании вслед за Д. А. Леонтьевым мы понимаем смысл объектов и явлений действительности как системное качество, которое они приобретают в контексте жизненного мира субъекта [Леонтьев 2003]. В контексте иноязычного образования большую практическую значимость имеют положения о внутриличностной динамике смысловых процессов, разработанные Д. А. Леонтьевым. Особенностью подхода Д. А. Леонтьева является тот факт, что автор определяет и описывает три отдельных процесса – смыслообразование, смыслоосознание и смыслостроительство, показывая тем самым, что субъект может как находить смыслы, уже существующие в окружающей действительности, так и порождать принципиально новые смыслы благодаря осознанности жизнедеятельности.

На протяжении многих десятилетий исследователи обращали внимание на риски и недостатки, связанные с организацией учебного процесса без учёта динамики смысловых процессов обучающихся. Дж. Дьюи подчеркивал значимость регулярной апелляции учителя

к собственному опыту обучающегося для стимулирования в нём процессов смыслообразования и смыслоосознания. В школе, как отмечает Дж. Дьюи, цель обучения какому-либо предмету обычно сводится к тому, чтобы превратить обучающегося в «энциклопедию бесполезной информации». Только та информация, которая получена в процессе истинного мышления может неизменно быть полезной обучающемуся. Так, максимально задействуют свои знания те, кто приобрёл их в конкретной жизненной ситуации, в отличие от тех, кто эрудирован, но оказывается неспособен применить полученные знания, так как приобретены они были за счёт памяти, а не в процессе мышления. В помощь учителю автор предлагает ряд вопросов, которые рекомендованы к рассмотрению перед каждым занятием. Вопросы касаются того, какой опыт и подготовка имеются у учеников, чтобы приступить к изучению новой темы; как эффективно представить материал, чтобы он соответствовал актуальным интеллектуальным способностям обучающихся; какую наглядность подготовить; с какими ситуациями следует связать данный аспект изучения или тему и т. д. [Dewey 1910]. При условии регулярного обращения учителя к данным вопросам он сможет повысить качество обучения, развивая интеллектуальные способности обучающихся, запуская процессы смыслоосознания и смыслообразования, формируя осознанность.

Ценности традиционно понимаются как «положительная или отрицательная значимость объектов окружающего мира для человека, социальной группы, общества в целом, определяемая не их свойствами самими по себе, а их вовлечённостью в сферу человеческой жизнедеятельности, интересов и потребностей, социальных отношений; критерий и способы оценки этой значимости, выраженные в нравственных принципах и нормах, идеалах, установках, целях» [Большой энциклопедический словарь].

Начиная с 1960-х гг. XX в. внимание отечественных и зарубежных исследователей всё более направлено на изучение ценностей и ценностных ориентаций человека. Отмечается значимость рассмотрения проблемы ценностных ориентаций в контексте любого исследования в гуманитарных науках. Среди наиболее известных подходов к изучению ценностей можно выделить исследования М. Рокича, Ш. Шварца и Д. А. Леонтьева.

Д. А. Леонтьев подчеркивает смысловую природу ценностей, рассматривая личностные ценности как один из шести видов смысловых структур в системе смысловой регуляции жизнедеятельности субъекта. Д. А. Леонтьев выделяет три формы существования ценностей:

- 1) ценность как общественный идеал;
- 2) ценность, представленная в объективированной форме в виде произведений материальной и духовной культуры, либо человеческих поступков;
- 3) социальные ценности, представленные в психологической структуре личности в форме личностных ценностей, являющихся одним из источников мотивации ее поведения [Леонтьев 1996].

В нашем исследовании мы разделяем позицию Д. А. Леонтьева относительно сущности ценностей и их места в системе смысловой регуляции жизнедеятельности субъекта.

В контексте иноязычного образования особую значимость приобретает отслеживание динамики ценностно-смысловых процессов педагогов и обучающихся. Прогнозирование и учет вероятных конфликтных ситуаций ценностно-смысловой сферы обучающихся и педагогов должны заложить основу психологической безопасности процесса обучения на

любом этапе. Более того, индивидуальные ценности и смыслы участников образовательного процесса должны стать основополагающим принципом дифференциации и индивидуализации образовательного процесса.

Следующим компонентом понятия «осознанность» является эмпатия. По нашему мнению, эмпатия является движущей силой сонастройки субъектов образовательного процесса с самими собой и с окружающими; она выступает своего рода мотивирующим началом осознанности. Эмпатия чаще всего рассматривается как доброта и сопереживание, обращенные к другим людям. Однако в нашем исследовании, основываясь на идеях К. Роджерса о конгруэнтности, мы будем рассматривать эмпатию как конгруэнтную эмпатию.

Конгруэнтная эмпатия предполагает способность участников образовательного процесса к гибкому переключению от состояния эмпатического понимания другого к искреннему выражению своих реальных чувств, в том числе отрицательных, без потери общего позитивного принятия другого участника общения [Роджерс 2017]. Она является важнейшим условием обеспечения психологической безопасности учебного процесса.

Эмпатия учителя иностранного языка по отношению к обучающимся связана со способностью увидеть ценность каждого из них, помочь им осознать собственную уникальность, нужность и сопровождать их в избранном ими образовательном маршруте. М. В. Некрасова справедливо отмечает, что «безопасность для ребенка начинается с уверенности, что он не один. И речь не столько о физической безопасности, сколько о психологической. И только при наличии этого душевного комфорта можно продолжать говорить о воспитании, развитии, обучении. Это фундамент, на котором всё строится. Первый краеугольный камень этого фундамента – «Я вижу тебя», Я вижу твое Я. Ребенок перестаёт быть невидимым для мира. Его видят, замечают, отличают, осознают его уникальность и значимость. Детям жизненно необходимо присутствие того, кто любит, верит и поддерживает» [Некрасова 2018: 62].

Для учителя иностранного языка эмпатия по отношению к себе (самоэмпатия) означает способность принять свою ценность и увидеть свой профессиональный путь. Отметим, что развитие самоэмпатии является неочевидной проблемой в контексте отечественной системы образования как в отношении учителей, так и в отношении обучающихся. Культурный паттерн, присущий большинству соотечественников, заключается в том, чтобы выстоять перед лицом всех возможных жизненных трудностей. Вследствие переработки и недостатка отдыха (или неумения организовать отдых) энергетический ресурс не возобновляется, что ведет к профессиональному выгоранию.

Наиболее остро проблема профессионального выгорания стоит в отношении учителей иностранного языка. Мозг учителя иностранного языка получает более значительную нагрузку по сравнению с другими учителями-предметниками, так как в работе данного специалиста непрерывно задействованы два или более языковых кода. Помимо внимания к содержательной стороне речи обучающегося учитель иностранного языка осуществляет непрерывный контроль за языковой формой (фонетическими, грамматическими и другими аспектами его речи) и осуществляет необходимую коррекцию.

Для решения задачи профессионального выгорания учителю иностранного языка необходимо научиться заботиться о себе, непрерывно отслеживать своё ресурсное состояние и при необходимости принимать меры. Инструменты и практики осознанности позволяют снизить уровень стресса и повысить уровень благополучия и удовлетворенности своим трудом.

Другим компонентом понятия «осознанность» является внимание. Разные типы внимания лежат в основе механизма осознанности и позволяют обнаружить негативные паттерны и фильтры, искажающие восприятие реальности. Тренировка внимания – залог успешности любой практики осознанности. Внимание даёт возможность быть включенным в настоящий момент, отпустить навязчивые мысли о прошлом и не концентрироваться на каком-либо воображаемом образе будущего. Внимание, обращённое внутрь себя, позволяет осуществить сонастройку с собственным телом и внести необходимые коррективы. В рамках иноязычного образования тренировка внимания занимает центральное место среди психических процессов, связанных с процессом познания.

Проблема внимания в её практическом плане знакома каждому учителю иностранного языка. Многие трудности в обучении связаны с неумением (или неспособностью) обучающегося сосредоточиться на воспринимаемой информации или выполняемом задании. Известно, что внимание напрямую воздействует на эффективность усвоения учебного материала.

Методика преподавания любого учебного предмета подразумевает опору на познавательные интересы учащихся при активизации внимания, так как достижение высоких результатов обучения невозможно без постоянного развития внимания. Несмотря на тот факт, что в современной науке представлено много методик развития основных качеств внимания (объёма, переключения, концентрации, распределения, устойчивости), проблема активизации внимания остается актуальной. Решение данной проблемы возможно при грамотном выборе инструментов, непосредственно или опосредованно способствующих развитию внимания для успешного усвоения учебного материала.

Саморегуляция – это ещё один компонент понятия «осознанность». Саморегуляция дает возможность снизить реактивность, то есть отложить во времени и пересмотреть типичные паттерны поведения в той или иной ситуации. Д. Сигел отмечает, что распад автоматических паттернов ведёт к освобождению мозга для последующего достижения им новых уровней саморегуляции.

Осознанность обеспечивает необходимую тренировку сознания, которая даёт субъекту возможность интроспекции, познания собственной природы на более глубоких уровнях, преодолев предвзятость внутреннего повествования и навязчивых воспоминаний, эмоциональной реактивности и привычных схем. Результатом данной интроспекции становится улучшение здоровья и благополучия субъекта. Нейробиологические исследования свидетельствуют о том, что практики осознанности способствуют повышению восприимчивости и гибкости мышления, что, в свою очередь, ведёт к подъёму мотивации и совершенствованию других психофизиологических процессов [Lutz, Dunne, Davidson 2006].

Понятие саморефлексии выступает следующим компонентом понятия «осознанность». С одной стороны, рефлексивные умения лежат в основе формирования осознанности, с другой стороны – обучение иностранному языку, организованное на основе формирования осознанности, стимулирует рефлексивное мышление через использование различных методов и приёмов (групповые дискуссии, методы структурированных бесед, шкалирование, чек листы, рефлексивные карты и другие). Рефлексивные технологии предоставляют учителю иностранного языка возможность творческого подхода к обучению.

Саморефлексия для учителя иностранного языка – это процесс обдумывания и оценки профессиональных и личностных аспектов своей деятельности. Размышляя над своей преподавательской деятельностью, учитель может повысить как эффективность собственного труда, так и академическую успешность своих учеников. Анализируя и планируя свою деятельность, учитель может выявить пути дифференциации и индивидуализации обучения. Более того, саморефлексия может стать основой для обсуждения тех или иных проблем с коллегами, обмена опытом и получения конструктивной обратной связи.

Невозможно представить процесс обучения без такого качества как любознательность и открытость новизне. Э. Лангер отмечает, что изучение какого-либо предмета или развитие того или иного умения, которым сопутствуют открытость новизне, способность выявлять отличия и видеть и принимать другие точки зрения, делает нас восприимчивыми к изменениям, происходящим в текущей ситуации. В подобном состоянии сознания базовые умения и знания определяют наше поведение в соответствии с непосредственными задачами, а не заставляют проигрывать автоматический сценарий.

Способность концентрировать внимание напрямую связана с феноменом новизны. Э. Лангер подчеркивает, что самый эффективный способ повысить нашу способность концентрировать внимание – это искать новое в ситуации возникновения стимула (при работе с текстом, картой или при знакомстве с предметом искусства). По мнению автора, поиск новизны – это самое важное умение, которое мы можем развить в детях, потому что это позволяет им быть относительно независимыми от других людей и окружающего мира. Если поиск нового инициируется самим обучающимся, то он способен выстраивать собственный образовательный маршрут, относительно независимый от деятельности учителя [Langer 2016].

В контексте иноязычного образования развитие любознательности и открытости новизне приобретают особое значение. Поскольку иностранный язык является предметом повышенной трудности, любознательность и интерес помогут повысить мотивацию обучающихся к его изучению. Более того, открытость в познании другой культуры, обычаев и традиций, присущих другим народам, помогает глубже осознать собственную культурную и национальную идентичность.

Заключение

В ситуации меняющегося миропорядка общество ежедневно сталкивается с новыми вызовами. Реформирование системы образования направлено на укрепление образовательного суверенитета Российской Федерации. Ключевая роль в этих процессах принадлежит педагогам. Отягощённые проблемами эмоционального выгорания, кризисами мотивации к осуществлению профессиональной педагогической деятельности, негативными шаблонами в саморефлексии и самооценивании, педагоги часто оказываются на грани потери физического и психологического здоровья и благополучия. Решить данные проблемы возможно с помощью практик и инструментов осознанности.

Важнейшим открытием нейropsychологов является тот факт, что многие основные психические процессы такие как: внимание и эмоциональная регуляция, включая способность к эмпатии и состраданию – представляют собой умения и способности, которые

можно развивать. Осознанность, как зонтичное понятие, вбирает в себя такие компоненты как ценностно-смысловые ориентации, внимание, саморефлексия, саморегуляция, эмпатия и открытость новизне.

Практики осознанности представляют собой приёмы и упражнения, которые эволюционировали на протяжении столетий для оптимизации человеческого потенциала и обеспечения благополучия. В контексте иноязычного образования осознанность позволяет улучшить академические результаты обучающихся (за счёт развития таких психических процессов, как внимание, саморегуляция, саморефлексия и другие) и обеспечить психологическую безопасность учебного процесса за счёт снижения уровня стресса и развития эмпатии.

Список литературы

1. Большой энциклопедический словарь. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/319990> (дата обращения: 26.01.2025).
2. Леонтьев Д. А. От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 1996. № 4. С. 35–44.
3. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е, испр. изд. М. : Смысл, 2003. 487 с.
4. Ломов Б. Ф. О системном подходе в психологии // Системность в психологии. Избранные психологические труды / Под ред. В. А. Барабанщикова, Д. Н. Завалишиной, В. А. Пономаренко. М.; Воронеж, 1996. С. 25–47.
5. Министерство просвещения Российской Федерации. Обеспечение суверенитета российской системы образования обсудили на форуме в МПГУ. URL: [https://edu.gov.ru/press/7022/obespechenie-suvereniteta-rossiyskoy-sistemy-obrazovaniya-obsudili-na-forume-v-mpgu/#:~:text=\(дата обращения: 25.05.2025\).](https://edu.gov.ru/press/7022/obespechenie-suvereniteta-rossiyskoy-sistemy-obrazovaniya-obsudili-na-forume-v-mpgu/#:~:text=(дата%20обращения%3A%2025.05.2025).)
6. Некрасова М. В. Вопросы современной науки : коллект. науч. монография; (под ред. А. А. Еникеева). М. : Изд. Интернаука, 2018. Т. 31. Часть 1. С. 62.
7. Роджерс К. Р. Становление личности: Взгляд на психотерапию. М. : ИОИ, 2017. 240 с.
8. Стратегия научно-технического развития Российской Федерации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402280003?index=1> (дата обращения: 25.02.2025).
9. Тиллих П. Избранное. Теология культуры. М. : Юрист, 1995. С. 40.
10. Davidson R., Goleman D. *Altered Traits: Science Reveals How Meditation Changes Your Mind, Brain and Body*. Penguin Random House LLC. New York, New York, 2017. 185 p.
11. Dewey J. *How We Think*. D.C. Heath & CO., Publishers. New York, 1910. 238 p. DOI: 10.1037/10903-000
12. Langer E.J., Moldoveanu M. The Construct of Mindfulness // *Journal of Social Issues*, January 2000, 56(1):1-9. URL: https://www.researchgate.net/publication/227627445_The_Construct_of_Mindfulness. (дата обращения: 25.02.2025). DOI: 10.1111/0022-4537.00148
13. Langer E.J. *The Power of Mindful Learning*. A Merloyd Lawrence Book Second Edition, 2016. 189 p.
14. Lutz A., Dunne D., Davidson R.J. *Meditation and the Neuroscience of Consciousness: An Introduction. The Cambridge Handbook of Consciousness*. Cambridge University Press, 2006. P. 497-549.
15. Shapiro Sh.L., Carlson L.E. *The Art and Science of Mindfulness: Integrating Mindfulness into Psychology and the Helping Professions*. American Psychological Association, 2009. 194 p. DOI: 10.1037/11885-000

16. Siegel, D. The mindful brain: Reflection and attunement in the cultivation of well-being. New York: WW Norton, 2007. 387 p.
17. Sternberg R.J. Images of mindfulness // Journal of Social Issues, March 2000, 56(1):11-26. URL: https://www.researchgate.net/publication/279675614_Images_of_mindfulness. (дата обращения: 25.01.2025). DOI: 10.1111/0022-4537.00149
18. Thomas D. Mindfulness and Lupus. URL: <https://lupuscorner.com/mindfulness-and-lupus-by-dr-donald-thomas/> (дата обращения: 26.01.2025).
19. Ting-Toomey, S. Mindfulness. J. Bennett (Ed.), Sage Encyclopedia of Intercultural Competence (2015). Los Angeles, CA: Sage. Volume 2. P. 620-626.

References

1. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar' [Large Encyclopedic Dictionary]. (In Russ.). Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/319990> (accessed: 26.01.2025).
2. Leont'ev D. A. Ot sotsial'nykh tsennostey k lichnostnym: sotsiogenez i fenomenologiya tsennostnoy regulyatsii deyatel'nosti [From social values to personal ones: sociogenesis and phenomenology of value regulation of activity]. *Vestnik MGU. Seriya 14. Psikhologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 14. Psychology]. 1996, no. 4, pp. 35-44. (In Russ.).
3. Leont'ev D. A. Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoy real'nosti [Psychology of meaning: the nature, structure, and dynamics of semantic reality]. 2th ed. Moscow, Smysl, 2003, 487 p. (In Russ.).
4. Lomov B. F. O sistemnom podkhode v psikhologii [On the systems approach in psychology]. *Sistemnost' v psikhologii. Izbrannye psikhologicheskie trudy* [Systems in Psychology: Selected Psychological Works]. Moscow, Voronezh, 1996, pp. 25-47. (In Russ.).
5. Ministerstvo prosveshcheniya Rossiyskoy Federatsii. Obespechenie suvereniteta rossiyskoy sistemy obrazovaniya obsudili na forume v MPGU [The Ministry of Education of the Russian Federation. Ensuring the sovereignty of the Russian education system was discussed at a forum at Moscow State Pedagogical University.]. (In Russ.). Available at: <https://edu.gov.ru/press/7022/obespechenie-suvereniteta-rossiyskoy-sistemy-obrazovaniya-obsudili-na-forume-v-mpgu/#:~:text> (accessed: 25.05.2025).
6. Nekrasova M. V. Voprosy sovremennoy nauki [Questions of modern science]. Moscow, Internauka, 2018, vol. 31, part 1, pp. 62. (In Russ.).
7. Rodzhers K. R. Stanovlenie lichnosti: Vzglyad na psikhoterapiyu [Personality Development: A Perspective on Psychotherapy]. Moscow, IOI, 2017, 240 p. (In Russ.).
8. Strategiya nauchno-tekhnicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii [Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation]. (In Russ.). Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402280003?index=1> (accessed: 25.02.2025).
9. Tillikh P. Izbrannoe. Teologiya kul'tury [Selected Works. Theology of Culture]. Moscow, Yurist, 1995, pp. 40. (In Russ.).
10. Davidson R., Goleman D. Altered Traits: Science Reveals How Meditation Changes Your Mind, Brain and Body. Penguin Random House LLC. New York, New York, 2017. 185 p.
11. Dewey J. How We Think. D.C. Heath & CO., Publishers. New York, 1910. 238 p. DOI: 10.1037/10903-000
12. Langer E.J., Moldoveanu M. The Construct of Mindfulness //Journal of Social Issues, January 2000, 56(1):1-9. URL: https://www.researchgate.net/publication/227627445_The_Construct_of_Mindfulness. (дата обращения: 25.02.2025). DOI: 10.1111/0022-4537.00148
13. Langer E.J. The Power of Mindful Learning. A Merloyd Lawrence Book Second Edition, 2016. 189 p.

14. Lutz A., Dunne D., Davidson R.J. Meditation and the Neuroscience of Consciousness: An Introduction. The Cambridge Handbook of Consciousness. Cambridge University Press, 2006. P. 497-549.
15. Shapiro Sh.L., Carlson L.E. The Art and Science of Mindfulness: Integrating Mindfulness into Psychology and the Helping Professions. American Psychological Association, 2009. 194 p. DOI: 10.1037/11885-000
16. Siegel, D. The mindful brain: Reflection and attunement in the cultivation of well-being. New York: WW Norton, 2007. 387 p.
17. Sternberg R.J. Images of mindfulness // Journal of Social Issues, March 2000, 56(1):11-26. URL: https://www.researchgate.net/publication/279675614_Images_of_mindfulness. (дата обращения: 25.01.2025). DOI: 10.1111/0022-4537.00149
18. Thomas D. Mindfulness and Lupus. URL: <https://lupuscorner.com/mindfulness-and-lupus-by-dr-donald-thomas/> (дата обращения: 26.01.2025).
19. Ting-Toomey, S. Mindfulness. J. Bennett (Ed.), Sage Encyclopedia of Intercultural Competence (2015). Los Angeles, CA: Sage. Volume 2. P. 620-626.

Информация об авторе

Н. С. Попова – кандидат педагогических наук, доцент, кафедра английского языка, филологии и перевода, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет; доцент, кафедра лингвистики и перевода, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

N. S. Popova – Ph. D. (Education), Associate Professor, Department of English Language, Philology, and Translation, Perm State Humanitarian-Pedagogical University; Associate Professor, Department of Linguistics and Translation, Perm State University.

Статья поступила в редакцию 10.03.2025; одобрена после рецензирования 20.03.2025; принята к публикации 25.05.2025.

The article was submitted 10.03.2025; approved after reviewing 20.03.2025; accepted for publication 25.05.2025.

Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 3. С. 105–114.
Eurasian Humanitarian Journal. 2025. No. 3. P. 105-114.

Научная статья
УДК 37.016:81'243

МОДЕЛЬ АУДИОПРАКТИКУМА РУССКОЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ ДЛЯ МАЛИЙСКИХ СТУДЕНТОВ

Исса Гара Сиссоко

Амурский государственный университет, Благовещенск, Россия, sissokoissagara@gmail.com

Аннотация. Цель данной статьи – на примере спонтанных аудиотекстов показать принципы и технологию построения аудиопрактикума современной русской нормативной спонтанной речи для малийских студентов продвинутого уровня обучения, получающих языковое педагогическое образование во франкофонной образовательной среде. Для достижения поставленной цели применялся антропоцентрический подход, использовались методы фонетического анализа и моделирования. Полученный результат представляет собой содержание, представленное пятью тематическими блоками (семья, спорт, национальные кухни и любимые блюда, спорт, путешествия), с предтекстовыми заданиями (ключевыми словами, списком имен собственных, фонетическими упражнениями), вопросами после прослушивания, грамматическими, лексическими и коммуникативными упражнениями. В ходе выполнения заданий строится информационный и лексико-грамматический каркас текста, формируются фонетические образы слов, максимально приближенные к непринужденной речи (с каноническими и неканоническими естественными модификациями). На основе прослушанного тренируются навыки встраивания лексических единиц в контекст, расширяются синонимические и антонимические связи изученных единиц, особенности предложного управления и т. д. Кроме того, обучаемые в процессе построения монологических и диалогических высказываний вживаются в предложенные роли, что придает процессу приобретения необходимых компетенций личностный характер, повышая мотивацию и удовлетворение от обучения.

Ключевые слова: технология построения аудиопрактикума по РКИ, антропоцентрический подход, компетентность преподавателя, аудирование, РКИ, компетентность преподавателя в области научных фонетических исследований, мотивация, эффективность обучения.

Для цитирования: Сиссоко И. Г. Модель аудиопрактикума русской спонтанной речи для малийских студентов // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 3. С. 105–114.

Original article

DESIGNING A LISTENING COURSE MODEL BASED ON RUSSIAN SPONTANEOUS SPEECH FOR MALIAN STUDENTS

Issa G. Sissoko

Amur State University, Blagoveshchensk, Russia, sissokoissagara@gmail.com

Abstract. This paper presents the principles and technology for designing a listening course of standard modern Russian as L2 based on spontaneous speech for Malian francophone advanced students majoring in Russian. The study adopts an anthropocentric approach and uses the phonetic method and modeling. The obtained result is the content of the course represented by 5 thematic blocks (family, sports, education, national cuisines and favorite dishes, traveling) with pre-listening exercises (keywords, proper names, phonetic exercises), after-listening questions, grammar, vocabulary and communicative exercises. While performing the tasks, learners build the information carcass as well as lexical and grammar patterns, acquire authentic phonetic images of words that are close to the most natural speech (with both canonical and non-canonical patterns). At the after-listening stage, students form the skills of fitting the vocabulary into the appropriate context, make synonymic and antonymic links with the studied keywords, learn prepositional patterns, etc. Besides, students learn to act on the part of different people when they perform role retellings and dialogues. This makes the process of acquiring the necessary competences a personal coloring, boosts motivation and satisfaction from the obtained result.

Keywords: competence-building technology in listening to Russian as L2, anthropocentric approach, teacher competences, listening, Russian as L2, teacher competences in phonetic research, motivation, learning efficiency.

For citation: Sissoko I. G. Designing a listening course model based on Russian spontaneous speech for Malian students. Humanitarian Journal. 2025;3:105-114. (In Russ.).

Введение

В связи с утратой лучших традиций обучения аудированию РКИ в Мали, постепенно происходившей в постсоветский период, и новой волной интереса к РКИ на фоне увеличения многообразия преподаваемых в этой стране иностранных языков [Сиссоко, Андросова 2023], возникла острая необходимость создания новых технологий обучения данному виду речевой деятельности и обновления аутентичного материала, предлагаемого для аудирования. Цель данной статьи – на материале спонтанных аудиотекстов показать принципы и технологию построения аудиопрактикума современной русской нормативной спонтанной речи для малийских студентов продвинутого уровня обучения, получающих языковое педагогическое образование во франкофонной образовательной среде. Для достижения поставленной цели применялся антропоцентрический подход, когда формирование фонетической компетентности исходит не только и не столько от словарных фонетических представлений, сколько от человека говорящего, формирующего разные образы слов – канонические (словарные, полные) и неканонические (слабые, или неполные, отличающиеся от словарных) – в разных контекстах при разной информационной нагрузке и разном просодическом оформлении. Внутри этого подхода использовались методы фонетического исследования, а именно слуховой и акустический анализ для выявления указанных образов. В ходе анализа естественные модификации классифицировались по типам и подтипам. Для наполнения содержания аудиопрактикума использовался метод моделирования на основе аудиопрактикума по спонтанной английской речи, разработанного специалистами кафедры иностранных языков Амурского государственного университета [Изучаем..., 2017].

Актуальность представляет использование спонтанной речи в качестве материала для обучения и целенаправленная отработка слов в неполном типе произнесения и явлений связной речи. Подробнее об этих фонетических феноменах см. [Стили произношения... 1974; Фонетика спонтанной речи 1988; Стреке 2023]). Это новое слово в технологии

формирования индикаторов компетенций, связанных в иностранным языком вообще и аудированием в частности. В России для английского языка данная технология впервые применена в начале 2000 гг. – в то время вышло первое издание аудиопрактикума (историю вопроса подробнее см. [Андросова 2025]). Позже необходимость обращения к явлениям связной речи и неканоническим формам слов была теоретически обоснована [Андросова 2015 а, б; 2025 а, б]. Лишь некоторые зарубежные коллеги говорят о необходимости использования спонтанной речи и неканонических форм слов в обучении английскому языку [Cauldwell 2002, 2014; Levis, Challis 2024]. Для обучения РКИ данный вопрос практически не поднимался, что и послужило мотивацией к настоящему исследованию.

Материалом для построения содержания курса послужили 12 спонтанных монологических текстов в произнесении двух преподавателей-лингвистов (мужчины и женщины) общей длительностью звучания более двух часов.

Основная часть

Результат проделанной работы представляет собой содержание, включающее пять тематических блоков: семья, спорт, национальные кухни и любимые блюда, путешествия. Ниже представлены тематические блоки:

- Блок I: Семья (Unité I: La famille).
- Блок II: Спорт (Le Sport).
- Блок III: Образование (L'éducation).
- Блок IV: Кухня и любимые блюда (La cuisine et les plats préférés).
- Блок V: Путешествие (Le voyage).

Сразу оговоримся, что, поскольку высшее образование в Мали ведется на французском языке, мы предлагаем французский перевод названий блоков и их внутренних составляющих, формулировок заданий и ключевых слов. Это облегчит языковые сложности, связанные с использованием аудиопрактикума, как преподавателями, так и обучаемым в аудитории и для самостоятельной работы, а также поможет сформировать адекватную искусственную языковую среду и глубже погрузит в нее участников образовательного процесса.

Структура каждого блока предполагает комплексную работу над двумя аудитекстами по каждой тематике. Пред текстовые задания и упражнения начинаются со списка ключевых слов, в состав которых включены не только предположительно незнакомые слова, но и, прежде всего слова, способные составить каркас для предстоящего аудирования. Здесь представим образцы ключевых слов к первому тексту по теме «Семья».

I. Ключевые слова (Les mots clés):

- 1) (она) заму́жем / (он) же́нат = elle / il est marié(e)
- 2) же́ниться / поже́ниться = se marier
- 3) дво́йняшки / бли́знецы = jumelles / jumeaux
- 4) за́канчивать / за́кончить шкóлу = terminer l'école
- 5) сдава́ть / сда́ть экза́мен = passer l'examen
- 6) посту́пление в уни́верситет = entrée a l'université
- 7) состоя́ть в бра́ке = être marié
- 8) тёплые отноше́ния = des relations chaleureuses
- 9) спо́рить / поспо́рить, руга́ться / поруга́ться / вы́ругаться = se quereller и т. д.

Ключевые слова несколько выходят за рамки текста, так как предоставляют некоторую дополнительную словообразовательную и необходимую гендерно маркированную языковую информацию, позволяющую далее расширить коммуникативные умения и навыки обучаемых. Как видим, нашей принципиальной позицией является обязательная расстановка ударений и прописывание буквы «ё» в ключевых словах, что позволит лучше усвоить просодический рисунок слова при разных слово- и формообразовательных моделях.

Особую трудность при формировании индикаторов компетенций по аудированию на основе иноязычного текста представляют имена собственные. Ниже приведены примеры к первому тексту по теме «Семья».

II. Имена собственные (Les noms Propres):

Флоріда / США (Соединённые Штаты Америки), Благовѣщенск, Магнітогóрск, Москва и т. д.

После ключевых слов и имен собственных следуют вопросы к тексту, которые предполагают после прослушивания развернутые ответы, в том числе с минимальными элементами анализа, а не только извлечение информации. Однако у них есть определенный функционал и на предтекстовом этапе – они помогают строить обоснованные предположения относительно содержания текста и наполнять каркас нужными грамматическими структурами. Приведём пример вопросов к первому тексту первого блока.

III. Вопросы по тексту (Les questions au texte):

1. Сколько лет диктору?
2. Какое у неё семейное положение?
3. Сколько у неё детей? Сколько им лет?
4. Каковы шаги двойняшек на пути к образованию?
5. Как описываются семейные отношения?

Завершающим элементом предтекстового этапа являются фонетические упражнения, представляющие собой задания на характерные модификации гласных и согласных в потоке речи. Они разделены на две группы: классические, или канонические, модификации и неканонические модификации. Первые общеизвестны, их перечень сформирован исходя из ритмической структуры изолированно произнесенного слова и элементарных правил соединения слов в потоке речи. Представим состав упражнений для первой группы к первому тексту по теме «Семья».

IV. Фонетические упражнения (Les exercices phonetiques):

A. Классические модификации согласных и гласных и выпадения:

A-1. Модификации гласных:

[i]: мѐня, сѐгодня [s'jvódnj], сѐмье' [s'jm'e], трóе, дѐтей

[i] после ж, ц, ш: за́мужем [zámuzim], дво́йняшек [dvəin'ʃik], (с) му́жем [smu'zim], бо́льше, мо́жем

[ʌ/ə]: Вѝкторóвна [viktərɔvnə], состо́йм [səstɔím], мо́лоды́ми, про́изошлó [prɔizɔʌlo], здо́рово [zdórɔvə]

Буквы е, ё, ю, я

[a] под ударением: ме́ня, се́мья, дво́йня́шки, дво́йня́шек [dvəin'ʃik]; [i] в безударной позиции: роди́лся, вре́мя, се́годня

[o]: четвѐ́ртого, ребѐнок, тѐплые, неѐ, живѐт, пойдѐт

[u] под ударением и в безударной позиции: любим [lubʲim], (в) семью [fsimʲu], любит [lubʲit], неделю [nʲidélʲu], любознательная и подобные.

Возможно, будет полезным использование в таких случаях транскрипции с умляутом: [ä, ö, ü].

А-2. Модификации согласных:

Оглушение

[t]: двадцать [dvatˈtsatʲ], восемнадцать [vəsɪmnatʲˈtsatʲ], тринадцать? год, младший [mlatʲˈʃɪj]

[k]: друг

[f]: всего [ˈfsivo], девчонкам [dʲɪftʃʲonkəm], месяцев [misɪtʃɛf]

[v]: сегодня [sʲivoɗnʲi], всего [ˈfsivo], четвертого, этого, дашиного, (с) самого, раннего

[s]: раз [ras]

[p]: вообще [vʌpʲɛ]

Озвончение

[z]: сдал [zdaɪ]

[g]: экзамен [igzaɪmɪn]

Другие замены согласных

ч→[ʃ], сч→[ʃ]: конечно [kʌnɛʃnə], счастливое [ʃɪslɪvʲi] (событие)

ться/тся→[tsːa]: поругаться, получается, старается

г→[v]: его [sʲivʲo]

А-3. Выпадения

здравуствуйте [zdraʃtvuʃtʲi], радостно, сверстники [svɛrsnɪki], счастливое [ʃɪslɪvɛ] (событие), вообще [vʌpʲɛ]

Как видим, эти модификации носят уже исторический характер, закрепились орфоэпической нормой русского языка и отражают гармоничное сочетание фонематического и традиционного принципов русской орфографии, подлежащих правильному усвоению обучающимися.

Особо скажем о слитном произнесении слов. Навык соединения слов в единый поток крайне важен, ведь в любом языке мы говорим не словами как единицами словаря, а фразами, где на первый план выходит не фонологическое слово (=слово как единица словаря), а фонетическое слово (=слово с его слитно произносимыми безударными проклитиками и энклитиками). Простой техникой здесь будет мысленное убирание пробела между словами и произнесение их как одного «слова».

Слитное произнесение

в + университет, как + обычно, семьдесят + один, с + его [sʲivʲo], горжусь + этим и т. д.

В двух последних случаях понадобятся дополнительные мысленные трансформации: «сьего» наподобие слова *сьев* и «горжусетим» наподобие слова *сети*. Это позволит построить у обучаемых необходимые артикуляционные и акустические образы слитности слов.

Приведённый список канонических модификаций, разумеется, не является исчерпывающим. Он призван продемонстрировать индикатор компетенции, предполагающий владение соответствующими методами научно-педагогического

исследования, а именно: методами фонетического анализа звучащего текста – идентификации нужных модификаций и организации их в фонетические упражнения.

Модификации второй группы – неканонические – более значительно изменяют фонетический облик слова под влиянием законов производства речевого потока, связанных с информативностью, темпом и многими другими факторами, действующими во фразе. Принципиально это те же процессы качественной редукции, оглушения, озвончения, изменения активного органа и способа образования, а также выпадений, которые заходят дальше, чем предусмотрено словарными моделями. Данный список также не исчерпывается приведенными ниже примерами.

Б. Неканонические модификации:

ста́ршую из [starʃuiz] (выпадение /j/ и /u/), мла́дшую из [mlatʃuiz] (выпадение /j/ и /u/), у меня́ ещё есть [u mɪnʲaʲ ʃu jɛsʲɪtʲ] (множественные выпадения и замена /o/ на /u/ вследствие качественной редукции), София и второю [safiːftlɐuʲjɐ] (выпадение слога /ja/), сдали экза́мен [zɔalɪgzamɪn] (выпадение гласной /ɛ/), мла́дшая [mlatʃɛ] сестра́ (стяжение двух слогов /ʃaja/ в один /ʃɛ/ через выпадение среднеязычного сонорного и одного из гласных и качественную редукцию оставшегося гласного), сестру́ мою [muo] зову́т (выпадение среднеязычного сонорного и замена /a/ на /u/ вследствие качественной редукции).

Лексические упражнения совершенно стандартны и включают заполнение пропусков, парафраз с использованием синонимов и антонимов, вставку предлогов. Грамматические упражнения включают словообразование, работу с видо-временными формами глагола и многое другое. Приведем некоторые примеры.

V. Лексико-грамматические упражнения (Les exercices lexicaux et grammaticaux)

Добавьте приставку, употребляемую в тексте :

Пример : спорить → поспорить

ругаться → ..., ругаться → ..., плавать → ... , жениться →

Какое значение добавляет эта приставка?

Образуйте от глагола существительное или наоборот:

родиться → рождение,

Добавьте предлоги, употребляемые в тексте

... ГОД ... РОЖДЕНИЯ.

Найдите разницу между этими словосочетаниями обращая внимание на падеж: в тренажёрный зал / в тренажёрном зале.

Изучите, как с помощью приставок и суффиксов различается совершенный и несовершенный вид глаголов. Как приставка и суффикс может изменить значение глагола.

Приставки: заниматься – прозаниматься, хотеть – захотеть, делать – сделать, уметь – суметь, мочь – смочь, бесить – взбесить – выбесить.

Суффиксы: заканчивать – закончить, открывать – открыть, подглядывать – подглядеть, набирать – набрать, выступать – выступить, выигрывать – выиграть, извивать – извить,

Выберите правильный вариант совершенного вида глагола:

строить: а) устроить б) построить в) настроить

становиться: а) встать б) стать в) установить

сдавать: а) сдать б) дать в) сдать

выбирать: а) вбирать б) убрать в) выбрать

Какое значение имеют глаголы, которые вы не выбрали?

Конечно, это далеко не все лексико-грамматические упражнения, которые можно использовать. Кроме того, часть этих упражнений многофункциональны и могут использоваться на разных этапах работы с аудиотекстом. Так, заполнение пропусков можно использовать не только как лексическое упражнение на послетекстовом этапе, но и как лексическое и грамматическое упражнение и во время прослушивания в дополнение к вопросам по содержанию текста.

Коммуникативные упражнения включают мини-монологи в продолжение предложенной фразы, ролевые пересказы, диалоги, обсуждение за круглым столом. Всячески приветствуется выполнение письменных работ на основе прослушанного и обсужденного материала каждого блока. Приведем некоторые примеры.

VI. Коммуникативные упражнения (Les exercices communicatifs):

Ролевые пересказы. Перескажите от лица (racontez au nom de):

- 1) старшей дочери диктора,
- 2) одной из двойняшек,
- 3) младшей сестры диктора,
- 4) младшего брата диктора,
- 5) отца / матери диктора.

Темы для диалогов. Les thèmes pour les dialogues:

- 1) диктор и её муж, обсуждающие детей и их воспитание
- 2) сестра и брат диктора, делящиеся опытом воспитания своих детей
- 3) зять и муж диктора, обсуждающие жён
- 4) старшая дочь и её муж, планирующие летний отпуск
- 5) двойняшки, обсуждающие родителей / учёбу / планы на лето

Заключение

Проведённое исследование позволило представить модель аудиопрактикума, в центре которого, в соответствии с антропоцентрическим подходом и коммуникативной направленностью, лежит русская спонтанная речь нормативных носителей языка. С помощью методов фонетического анализа и моделирования было сформировано содержание аудиопрактикума, представленное пятью тематическими блоками (семья, спорт, национальные кухни и любимые блюда, путешествия), с предтекстовыми заданиями (ключевыми словами, списком имён собственных, фонетическими упражнениями на канонические и неканонические модификации), вопросами к содержанию текста, грамматическими, лексическими и коммуникативными упражнениями. Часть этих упражнений носят многофункциональный характер и полезны для использования на разных этапах работы с аудиотекстом.

В ходе выполнения заданий и упражнений развиваются навыки прогнозирования содержания текста, строится информационный и лексико-грамматический каркас текста, формируются фонетические образы слов, максимально приближенные к непринужденной речи (с каноническими и неканоническими естественными модификациями). В ходе прослушивания и на основе прослушанного тренируются навыки правильного встраивания

лексических единиц в тематический контекст, расширяются синонимические и антонимические связи изученных единиц, осваиваются важные для РКИ особенности предложного управления и т. д.

Наконец, обучаемые в процессе построения монологических и диалогических высказываний вживаются в предложенные роли, что придает процессу приобретения необходимых коммуникативных компетенций личностный характер, позволяет раскрепоститься и проявить творчество, попробовать себя в разных социальных ролях, тем самым повышая мотивацию и обеспечивая удовлетворение от обучения.

Пользу обращения к материалу спонтанной речи – самой естественной и распространенной формы речи – для выработки технологии моделирования аудиопрактикумов сложно переоценить. Эта технология должна и может стать частью арсенала компетенций любого прогрессивно мыслящего преподавателя иностранного языка. Освоение такой технологии, в свою очередь, предполагает компетентность преподавателя иностранного языка в области научных фонетических исследований наряду со стандартной компетентностью в составлении разных видов лексико-грамматических и коммуникативных упражнений и заданий.

Список литературы

1. Андросова С. В. Неканонические фонологические модели морфем и слов в русском и английском языках // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2015. Вып. 1. № 1. С. 5–15. EDN: UBHSYT
2. Андросова С. В. И вновь о важных фонетических явлениях в английском языке: к 20-летию аудиопрактикума спонтанной речи // Обучение иностранному языку студентов высших и средних образовательных учреждений на современном этапе : материалы XIII Международной научно-методической видеоконференции (17 января 2025 г.). Благовещенск : Амурский государственный университет, 2025 а. С. 19–25. EDN: UWAAFJ
3. Андросова С. В. Лингвокреативность человека пишущего и говорящего (обзор вклада зарубежных и отечественных ученых) // Сибирский филологический журнал. 2025 б. № 1. С. 238–251. DOI: 10.17223/18137083/90/18 EDN: RMKYJF
4. Изучаем спонтанные английские тексты : учеб. пособие / С. В. Андросова, Е. В. Баррет, С. В. Деркач, О. Н. Морозова, М. А. Пирогова, Г. Р. Шепелина. 3-е изд., испр. и доп. Благовещенск : АмГУ, 2017. Ч. 1. 186 с.
5. Сиссоко И. Г., Андросова С. В. Языковая ситуация и преподавание русского языка в Мали // Гуманитарные исследования. Психология и педагогика. 2023. № 15. С. 52–60. X-2023-15-52-60. DOI: 10.24412/2712-827 EDN: WGKBBF
6. Стили произношения и типы произнесения / Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, М. В. Гордина, Л. Р. Зиндер, В. Б. Касевич // Вопросы языкознания. 1974. № 2. С. 64–70.
7. Стреке Я. В. Слабые формы слов в общественно-политическом дискурсе (на материале женской речи) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 1. С. 301-308. DOI: 10.30853/phil20230019 EDN: ASBWYE
8. Фонетика спонтанной речи / Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, Л. Р. Зиндер [и др.]. Л. : Ленинградский университет, 1988. 245 с.
9. Androsova S. V. Challenges of teaching speech production and speech perception for Russian learners of English: Phonetic issues that really matter // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2015. Вып. 1. № 3. С. 5–15. EDN: ULNYAB

10. Cauldwell R. Phonology for listening: Teaching the stream of speech, 2014, e book Speech in Action. ISBN: 978-0-9543447-6-4
11. Cauldwell R. Phonology for listening: Relishing the messy // Speech in action. 2002. URL: https://www.researchgate.net/publication/228779527_Phonology_for_listening_relishing_the_messy.
12. Levis J. M., Challis K. Connected Speech // Teaching Pronunciation with Confidence. A Resource for ESL/EFL Teachers and Learners / A. Guskaroska, Z. Zawadzki, J. M. Levis, K. Challis, M. Prikazchikov (Eds). Iowa University Digital Press, 2024. URL: <https://iastate.pressbooks.pub/teachingpronunciation/chapter/chapter-10-connected-speech>.

References

1. Androsova S. V. Nekanonicheskie fonologicheskie modeli morfem i slov v russkom i angliiskom yazykakh [Non-canonical phonological models of morphemes and words in Russian and English]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and applied linguistics]. 2015, iss. 1, no. 1, pp. 5-15. EDN: UBHSYT
2. Androsova S. V. I vnov' o vazhnykh foneticheskikh yavleniyakh v angliyskom yazyke: k 20-letiyu audiopraktikuma spontannoy rechi [Once again about important phonetic phenomena in the English language: on the 20th anniversary of the audio workshop on spontaneous speech]. *Obuchenie inostrannomu yazyku studentov vysshikh i srednikh obrazovatel'nykh uchrezhdeniy na sovremennom etape* [Teaching foreign languages to students of higher and secondary educational institutions at the present stage]. Blagoveshchensk, Amurskiy gosudarstvennyy universitet, 2025 a, pp. 19-25. EDN: UWAAFJ
3. Androsova S. V. Lingvokreativnost' cheloveka pishushchego i govoryashchego (obzor vklada zarubezhnykh i otechestvennykh uchenykh) [Linguistic creativity of the writer and speaker (review of the contributions of foreign and domestic scholars)]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal* [Siberian Philological Journal]. 2025 b, no. 1, pp. 238-251. DOI: 10.17223/18137083/90/18 EDN: RMKYJF
4. Androsova S. V., Barret E. V., Derkach S. V., Morozova O. N., Pirogova M. A., Shepelina G. R. Izuchaem spontannye angliyskie teksty [Studying spontaneous English texts]. 3th ed., Blagoveshchensk, AmGU, 2017, Part 1, 186 p.
5. Sissoko I. G., Androsova S. V. Yazykovaya situatsiya i prepodavanie russkogo yazyka v Mali [The language situation and teaching of Russian in Mali]. *Gumanitarnye issledovaniya. Psikhologiya i pedagogika* [Humanities Research. Psychology and Pedagogy]. 2023, no. 15, pp. 52-60. X -2023-15-52-60. DOI: 10.24412/2712-827 EDN: WGKBBF
6. Bondarko L. V., Verbitskaya L. A., Gordina M. V., Zinder L. R., Kasevich V. B. Stili proiznosheniya i tipy proizneseniya [Pronunciation styles and types of pronunciation]. *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of linguistics]. 1974, no. 2, pp. 64-70.
7. Streke Ya. V. Slabye formy slov v obshchestvenno-politicheskom diskurse (na materiale zhenskoy rechi) [Weak forms of words in socio-political discourse (based on women's speech)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues]. 2023, vol. 16, iss. 1, pp. 301-308. DOI: 10.30853/phil20230019 EDN: ASBWYE
8. Bondarko L. V., Verbitskaya L. A., Zinder L. R. [i dr.]. Fonetika spontannoy rechi [Phonetics of spontaneous speech]. Leninskij universitet, 1988, 245 p.
9. Androsova S. V. Challenges of teaching speech production and speech perception for Russian learners of English: Phonetic issues that really matter // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2015. Вып. 1. № 3. С. 5–15. EDN: ULNYAB
10. Cauldwell R. Phonology for listening: Teaching the stream of speech, 2014, e book Speech in Action. ISBN: 978-0-9543447-6-4

11. Cauldwell R. Phonology for listening: Relishing the messy // Speech in action. 2002. URL: https://www.researchgate.net/publication/228779527_Phonology_for_listening_relishing_the_messy.
12. Levis J. M., Challis K. Connected Speech // Teaching Pronunciation with Confidence. A Resource for ESL/EFL Teachers and Learners / A. Guskaroska, Z. Zawadzki, J. M. Levis, K. Challis, M. Prikazchikov (Eds). Iowa University Digital Press, 2024. URL: <https://iastate.pressbooks.pub/teachingpronunciation/chapter/chapter-10-connected-speech>.

Информация об авторах

И. Г. Сиссоко – аспирант, кафедра иностранных языков,
Амурский государственный университет.

Information about the authors

I. G. Sissoko – Graduate Student, Department of Foreign Languages,
Amur State University.

Статья поступила в редакцию 20.05.2025; одобрена после рецензирования 10.06.2025; принята к публикации 20.07.2025.

The article was submitted 20.05.2025; approved after reviewing 10.06.2025; accepted for publication 20.07.2025.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ

1. Вы направляете нам статью, оформленную в соответствии с требованиями на электронный адрес редакции (lanaschust@mail.ru).
2. Редакционный совет рассматривает Вашу статью (60 дней).
3. При успешном рецензировании редакция высылает Вам ответ о приеме статьи.
4. Журнал выходит в соответствии с графиком.

Все статьи, размещенные на сайте, находятся в открытом доступе и могут быть использованы для цитирования, копирования, распечатывания и другого некоммерческого использования с соблюдением авторских прав.

Сайт журнала: <https://press.psu.ru/index.php/ehj>

Научное издание

ЕВРАЗИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ

2025. № 3.

Редактор: С. В. Шустова
Компьютерная верстка: Л. Н. Голубцова
Переводчик: Н. Н. Меньшакова
Секретарь: Н. П. Сюткина

Подписано в печать 29.09.2025. Дата выхода в свет 30.09.2025.
Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 13,49. Тираж 500 экз. Заказ № 2374.

Адрес учредителя и издателя: 614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
Адрес редакции: 614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
ФГАОУ ВО «Пермский государственный
национальный исследовательский университет».
Факультет современных иностранных языков и литератур.

Отпечатано с готового оригинала-макета в ООО «Типограф»
Адрес: 618554, Пермский край, г. Соликамск, Соликамское шоссе, 17.

Территория распространения – Российская Федерация, зарубежные страны.

Подписка на журнал осуществляется на сайте «УРАЛ-ПРЕСС»:

<https://www.ural-press.ru/catalog/97266/8754715/>

Подписной индекс: 015009

Распространяется бесплатно.

Перепечатка материалов из журнала допускается
только по согласованию с редколлегией.